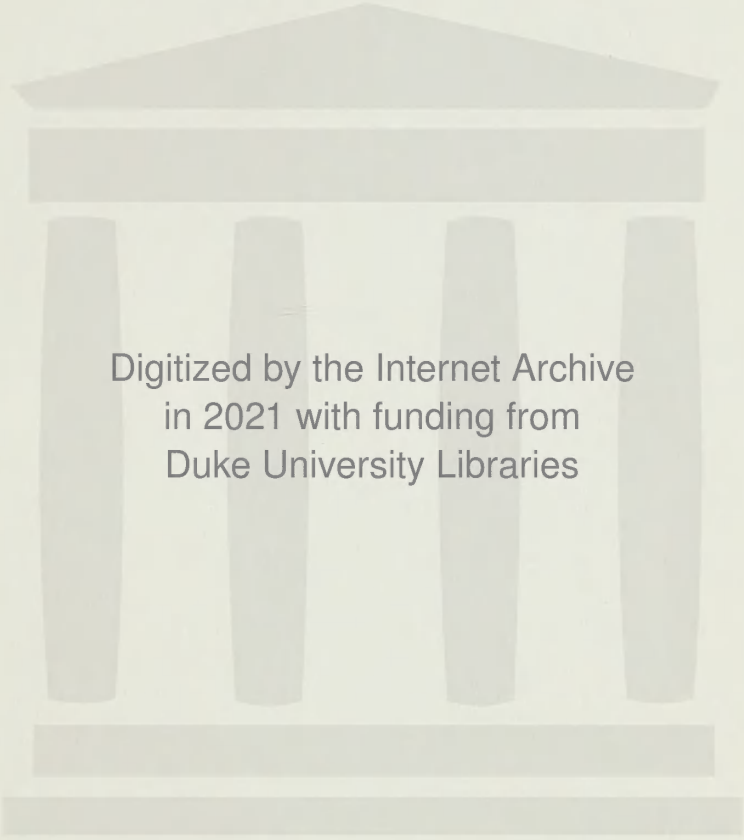
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/mikhailiurevichl01maik

Maikov, B A

Б. А. Майковъ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ

Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся и біографическій очеркъ.

Второе, исправленное изданіе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„ОРОСЪ“
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ВАРШАВА.

1913.

891.71
L616ZMV

Біографическій очеркъ.

Юрій Петровичъ Лермонтовъ, отецъ знаменитаго писателя Михаила Юрьевича, велъ свой родъ отъ старинной шотландской фамиліи „Лермонтъ“ изъ графства Эдинбургъ. Еще и теперь указываютъ на развалины замка на берегу рѣки Твидо, гдѣ жилъ когда-то знаменитый шотландскій бардъ Ѳома Лермонтъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что у отдаленныхъ предковъ поэта проявлялось поэтическое дарованіе, которое съ особенною силою выразилось въ ихъ геніальномъ потомкѣ.

Въ XVI в. отрасли фамиліи Лермонтовыхъ переселились въ Россію и занимали видныя должности при первыхъ царяхъ дома Романовыхъ. Постепенно родъ Лермонтовыхъ обѣднѣлъ, и средства ихъ оскудѣли.

Отецъ поэта, Юрій Петровичъ, получилъ образованіе въ 1-омъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, но въ 1811 г. былъ принужденъ бросить службу въ чинѣ капитана. Память о знаменитыхъ предкахъ сохранилась въ родѣ Лермонтовыхъ. Будущій поэтъ уже съ дѣтства былъ зараженъ родовою гордостью.

Отставной армейскій офицеръ поселился въ имѣніи Кропотовкѣ, въ Тульской губ., по сосѣдству съ селомъ Васильевскимъ, которое принадлежало дворянскому роду Арсеньевыхъ. Возвращаясь однажды съ дочерью изъ Москвы, бабушка поэта Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, остановилась по пути у родныхъ въ Васильевскомъ и загостилась у нихъ. Нужно замѣтить, что Елизавета Алексѣевна была дочь богатаго помѣщика Столыпина, который далъ своему семейству отличное воспитаніе. Многіе члены этой семьи представляли собой людей

съ сильнымъ характеромъ, самостоятельныхъ и даровитыхъ. Елизавета Алексѣевна, подъ крыломъ которой впослѣдствіи провелъ все свое дѣтство знаменитый поэтъ, отличалась важной осанкой, спокойствіемъ, умомъ, ея неторопливая рѣчь подчиняла себѣ всѣхъ окружающихъ ее. Она представляла собою типичную помѣщицу стараго закала, въ родѣ Бережковой въ „Обрывѣ“ Гончарова. Она не стѣснялась высказывать правду въ глаза, имѣла характеръ прямой, рѣшительный, умѣла повелѣвать и подчасъ доходила до суроваго деспотизма.

Юрій Петровичъ, красивый молодой человѣкъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на дочь Арсеньевой, Марью Петровну, и она вышла замужъ за него по любви, но къ неудовольствію всей ея богатой и знатной родни.

Юрій Петровичъ и Марья Михайловна послѣ свадьбы поселились въ имѣніи матери послѣдней, въ селѣ Тарханахъ Пензенской губ.; Юрій Петровичъ управлялъ этимъ имѣніемъ до смерти жены, „полнымъ хозяиномъ вошелъ въ домъ“, по выраженію стариковъ.

Болѣзнь молодой жены заставила его съ матерью отправиться въ Москву, и здѣсь, въ ночь со 2-го на 3-е октября 1814 года, родился у нихъ сынъ, будущій писатель. Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Семья Лермонтовыхъ съ бабушкою вернулась въ Тарханы.

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою, и слабая и болѣзненная Марья Михайловна стала часто хворать. Единственнымъ ея утѣшеніемъ былъ горячо любимый сынъ, Миша. И любовь и горе она выплакивала надъ его головою. Посадивъ ребенка себѣ на колѣни, она заигривалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ недвижимо: звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику. Мать передала ему необыкновенную нервность свою. Весьма возможно, что знаменитое стихотвореніе Лермонтова „Ангелъ“ вдохновлено этими воспоминаніями:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ, —
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался — безъ словъ, но живой.

Пока злая чахотка не свалила съ ногъ молодую женщину, она напѣвала обычную пѣсню надъ колыбелью сына. Болѣзнь шла быстрыми шагами впередъ и она скончалась...

По смерти Марьи Михайловны, бабушка не захотѣла оставить ребенка на рукахъ отца. Юрій Петровичъ, къ которому Елизавета Алексѣевна Арсеньева всегда относилась враждебно, черезъ 9 дней послѣ смерти жены уѣхалъ въ свое имѣніе, оставивъ сына на попеченіи бабушки.

Со смерти дочери вся любовь Елизаветы Алексѣевны сосредоточилась на внукѣ, она не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью; здоровье мальчика вѣчно внушало ей опасенія. Миша отъ матери наслѣдовалъ крайнее худосочіе. Это былъ золотушный съ кривыми ногами ребенокъ. Незначительная кривизна ногъ осталась на всю жизнь и приравнивала его къ колченогому Байрону. Бабушка души не чаяла въ своемъ внукѣ, безпрекословно исполняя всѣ его прихоти, ни въ чемъ ему не отказывая и ничего для него не жалѣя. Баловство развивало въ ребенкѣ деспотическія наклонности, необузданное своеволіе, привычку ни въ чемъ себѣ не отказывать, не терпѣть ни малѣйшаго отпора своимъ прихотямъ и капризамъ, и даже нѣкоторую жестокость. Тяжелыя, антипатичныя черты характера, которыя впослѣдствіи замѣчались въ Лермонтовѣ, были прямымъ слѣдствіемъ вредной системы воспитанія, весьма заурядной въ дворянскихъ, помѣщичьихъ семьяхъ того времени.

Но были въ дѣтствѣ Лермонтова и добрыя вліянія, которыя смягчали его дурныя наклонности. Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна-нѣмка была женщина религіозная и строгихъ правилъ. Она внушала своему питомцу любовь къ ближнимъ, даже къ крѣпостнымъ. Эта „мамушка“ часто занимала его разсказами, въ которыхъ сказывалось романтическое направленіе, которымъ была проникнута немѣцкая литература того времени.

Рано уже мальчикъ любилъ часами глядѣть на луну, слѣдить за облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ сожалѣлъ позже, находя, что „въ нихъ больше поэзіи, чѣмъ во всей фран-

цузской словесности", то все же голова ребенка была полна образовъ романтическаго міра.

Когда наступила пора ученья, Арсеньева не щадила средствъ для любимаго внука. Для Мишеля была создана полная школьная обстановка, такъ какъ съ нимъ вмѣстѣ обучали нѣсколько сверстниковъ. Кромѣ обыкновеннаго курса наукъ, мальчиковъ обучали языкамъ французскому и нѣмецкому, а изъ древнихъ латинскому и греческому.

Желая поправить здоровье внука, бабушка нѣсколько разъ возила его на кавказскія воды. Мечтательный, впечатлительный, нервный ребенокъ былъ такъ потрясенъ кавказскою природою, что потомъ на всю жизнь остались въ немъ глубоко врѣзанными эти первыя впечатлѣнія Кавказа, который поэтъ любилъ до самаго гроба. Этою силою дѣтскихъ впечатлѣній и объясняется, главнымъ образомъ, почему Кавказъ играетъ видную роль во многихъ изъ тѣхъ произведеній, которыя написаны Лермонтовымъ до вторичной его поѣздки въ эту мѣстность. „Хаджи-Абрекъ", „Измаилъ-Бей", отрывки изъ поэмы „Черкесы" и нѣкоторыя другія небольшія стихотворенія показываютъ, что фантазія поэта часто и съ любовью устремлялась къ картинамъ Кавказа и его быта. Суровая и угрюмая природа этихъ горъ наложила печать свою на поэзію Лермонтова и навсегда опредѣлила ея характеръ. Въ это же время отроческое сердце Лермонтова впервые забилось недѣтскою страстью. Образъ любимой дѣвушки не оставлялъ поэта до гробовой доски.

Какъ во всякой дворянской семьѣ, Лермонтовъ съ самаго дѣтства былъ окруженъ иностранцами гувернерами. Отъ одного изъ нихъ, англичанина Видсона, Миша пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и познакомился въ оригиналѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Въ 1828 году бабушка повезла Лермонтова въ Москву съ намѣреніемъ отдать его въ благородный университетскій пансіонъ. Подготовить мальчика къ экзамену взялся надзиратель и учитель русскаго языка, Зиновьевъ, который пользовался репутаціей отличнаго педагога. Мишель блестяще выдержалъ испытанія и былъ зачисленъ полупансіонеромъ, слѣдовательно каждый вечеръ возвращался домой.

Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, которые впослѣдствіи пріобрѣли славу, а вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе и любовь родины. Тамъ воспитывались: Фонвизинъ, В. А. Жуковскій, Ал. Ив. Тургеневъ, Грибоѣдовъ и многіе другіе.

По традиціи въ пансіонѣ особенно процвѣтали между воспитанниками литературныя занятія.

Ученики собирались на общее чтеніе, издавался рукописный журналъ. Понятно, Лермонтовъ являлся дѣятельнымъ сотрудникомъ школьнаго журнала. Имъ тогда уже были написаны стихотворенія, которыя обратили на себя вниманіе учителей. Особенно поощрялъ занятія литературой инспекторъ пансіона профессоръ Павловъ, но наибольшее вліяніе на воспитанниковъ имѣлъ учитель словесности Мерзляковъ, который давалъ живые, интересные разборы произведеній русскихъ авторовъ. Особенно сильное впечатлѣніе на Лермонтова производилъ Пушкинъ, но преимущественно тѣми ранними произведеніями, въ которыхъ замѣтны слѣды байронизма. Первоначально поэтъ-мальчикъ смѣло подражалъ любимому автору. Такъ, въ поэмѣ „Черкесы“ (1828 г.) мы находимъ стихи, взятые цѣликомъ изъ Пушкина. Кромѣ Байрона и Пушкина, Лермонтовъ увлекался Шиллеромъ, Гете, Лессингомъ, Мольеромъ, Шекспиромъ. Но уже въ первыхъ опытахъ Лермонтова выразились тѣ черты, которыя были присущи его поэзіи и впослѣдствіи, именно: любовь къ изображенію сильныхъ страстей и вообще всего ужаснаго, поражающаго воображеніе. Подражаніе ограничивалось развѣ тѣмъ, что молодой поэтъ заимствовалъ сюжетъ или придавалъ тотъ или иной характеръ дѣйствующимъ лицамъ и событіямъ.

Стихи же, которые онъ заимствовалъ у другого поэта, получали у него своеобразный видъ и напоминали оригиналъ развѣ одною лишь внѣшнею формою, а не содержаніемъ.

Между тѣмъ Лермонтову пришлось пережить драму въ самой жизни, драму, которая наложила глубокій отпечатокъ на всю его жизнь, которая развила въ немъ болѣзненную нервность его характера и мрачность его произведеній. Дѣло въ томъ, что отецъ не отказался отъ сына, и уступилъ его бабушкѣ на время съ правомъ слѣдить за его воспитаніемъ. Когда Лер-

монтовъ былъ перевезенъ въ Москву, отецъ сталъ часто видѣться съ сыномъ. Когда „Мишелю“ исполнился 16-ый годъ, наступило время, когда отецъ могъ потребовать сына. Между бабушкой и отцомъ сосредоточилась борьба на 16-тилѣтнемъ юношѣ. Крѣпко ухватились обѣ стороны за ревниво любимаго Мишу. Сознаніе, что между его отцомъ и бабушкою что-то неладно, заставляло страдать поэта. Трагизмъ положенія всею тяжестью давилъ юношу. Мальчикъ извѣдалъ страшную пытку, — тѣмъ болѣе страшную, что все его воспитаніе, любовь и баловство увеличили и безъ того въ высшей степени сильную впечатлительность. Семейная драма кончилась тѣмъ, что отецъ уѣхалъ, а сынъ по прежнему остался у бабушки. Эта передряга оставила сильный слѣдъ въ характерѣ Лермонтова.

Онъ ушелъ въ себя, сосредоточился: въ немъ явилось обыкновеніе скрывать отъ людей все, что было ему особенно близко и свято, выставляя себя весельчакомъ, шутникомъ и шалуномъ даже въ такія минуты, когда на душѣ его были самыя серьезныя мрачныя мысли.

Въ 1830 г. Лермонтовъ поступилъ въ московскій университетъ на словесное отдѣленіе, гдѣ пробылъ только два года. Несмотря на семнадцать лѣтъ, въ это время характеръ поэта представляется уже вполнѣ сформированнымъ и обнаруживаетъ всѣ хорошія и дурныя стороны.

Но всего болѣе о Лермонтовѣ-студентѣ можетъ говорить его поэтическая дѣятельность. Уже въ эту пору на него находили минуты грусти, и онъ чувствовалъ себя одинокимъ:

Живу, какъ неба властелинъ:
Въ прекрасномъ мірѣ, но одинъ!

Лермонтовъ не сближался съ товарищами-студентами и на всякія попытки въ этомъ отношеніи отвѣчалъ презрѣніемъ. Посѣщая же балы и ведя знакомство съ золотою молодежью, Лермонтовъ въ то же время является чистымъ и высокимъ романтикомъ, душа котораго „желаніемъ чуднымъ полна“. Онъ презрительно смотритъ на окружающую толпу, сторонится ея, но тѣмъ не менѣе ищетъ любви и дружбы, особенно любви женской души („Я видѣлъ тѣнь блаженства“). Къ этому періоду относятся нѣкоторыя изъ лучшихъ его стихотвореній

(„Ангелъ“, „Парусъ“) и нѣсколько крупныхъ его произведеній „Странный человѣкъ“, „Ангелъ смерти“ и „Измаилъ Бей“.

Во время пребыванія въ Московскомъ университетѣ Лермонтовъ воспылалъ страстью къ своей кузинѣ, Варварѣ Лопухиной, которая уже имѣла много поклонниковъ. Молодые люди безъ словъ отлично понимали другъ друга. Лопухина скоро вышла замужъ. Лермонтовъ затаилъ горечь въ сердцѣ и продолжалъ молиться на свою кузину, посвящая ей свои стихи.

Въ 1831 году Лермонтовъ покинулъ Московскій университетъ съ цѣлью попасть въ Петербургскій. Это поступленіе было связано съ различнаго рода затрудненіями, а между тѣмъ пребываніе въ Московскомъ университетѣ не привязало юношу къ наукѣ, не привлекло къ университетскому образованію, а наоборотъ оттолкнуло и разочаровало его въ нихъ. Въ то же время уже съ дѣтства романтическая голова поэта была переполнена воинственными порывами; его влекло къ сильнымъ ощущеньямъ, къ борьбѣ съ опасностями; онъ мечталъ о бояхъ, геройскихъ подвигахъ и питалъ страсть къ военнымъ людямъ и военному быту.

Отказавшись отъ мысли продолжать университетскій курсъ и зная, что военная карьера принадлежала къ разряду блестящихъ профессій, въ особенности въ гвардіи, онъ рѣшилъ зачислиться въ школу гвардейскихъ юнкеровъ, ученики которой, прикомандированные къ тому или другому полку, считались уже на дѣйствительной службѣ. Въ эту школу вступили лучшіе товарищи Лермонтова и ихъ примѣру послѣдовалъ поэтъ. Мишель торжествовалъ, но бабушка была недовольна, такъ опасности военной службы пугали ее.

Впрочемъ и самъ Лермонтовъ разочаровался и впослѣдствіи два года своего пребыванія въ школѣ назвалъ годами „страшными“. Дѣло въ томъ, что свободолюбивый, избалованный юноша, привыкшій, чтобы всѣ прихоти его исполнялись, который не зналъ препятствій своимъ романтическимъ порывамъ, попалъ вдругъ въ обстановку, которая своею дисциплиною подавляла малѣйшія проявленія индивидуальности. Съ начала же 30-хъ годовъ порядки въ школѣ начали измѣняться: ее „подтягиваютъ и ставятъ на должную ногу“. Лермонтову пришлось сдавить насколько возможно свою необузданную натуру

и утѣшаться мыслью, что мученія его продлятся недолго: всего лишь два года. Пребываніе въ школѣ юнкеровъ развило новыя черты въ характерѣ поэта — какое-то фальшивое и непріятное удальство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость.

Надо замѣтить, что въ то время въ военномъ и особенно аристократическомъ кругу былъ сильно развитъ духъ касты, чувство какого-то превосходства, нелѣпая исключительность. Этотъ духъ заразилъ Лермонтова и производилъ впослѣдствіи такое непріятное впечатлѣніе на людей, которые хотѣли бы видѣть въ талантливомъ человѣкѣ болѣе серьезныя достоинства.

Лермонтовъ, который съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на своихъ товарищей по университету — студентовъ, теперь спѣшитъ понравиться своимъ новымъ товарищамъ, итти съ ними рука въ руку, ни въ чемъ не отставать отъ нихъ. Но будучи „мало сообщительнымъ“ съ дѣтства, онъ остался такимъ же и теперь. Скрывая отъ товарищей свои умственные интересы, которые ихъ мало занимали, Лермонтовъ былъ со всѣми одинаково хорошъ, выказывалъ себя веселымъ, любилъ иногда пошкольничать. Только подчасъ вооружалъ противъ него юнкеровъ его злой языкъ, страсть преслѣдовать людей остротами и колкими шутками за все, что Лермонтову не нравилось въ другихъ. Но самъ поэтъ ничуть не обижался, когда на его остроты отвѣчали тѣмъ же, и отъ души смѣялся остротѣ, направленной противъ него. Онъ стоялъ цѣлою головою выше тѣхъ самолюбивыхъ и мелкихъ натуръ, которыя оскорблялись его остротами; поэтъ и не подозрѣвалъ, сколько злобы копилось противъ него.

Чуждая всякихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ жизнь окружающей среды отразилась отчасти на литературной дѣятельности Лермонтова. Въ школѣ онъ обращалъ на себя вниманіе товарищей произведеніями грязнаго, циническаго содержанія, которыя быстро распространялись среди „золотой молодежи“ столицы и принесли много вреда для поэтической славы поэта. Но не одними поэтическими шаловливыми стихотвореніями занимался въ это время Лермонтовъ. Онъ работалъ много, работалъ усердно, но только никогда и никому не показывалъ того, что писалъ. Школьные товарищи не видѣли

его работы и потому не могли предугадать въ немъ проявленій великаго таланта; а окончательная отдѣлка такого произведенія, какъ напр. „Демонъ“ — этой высокой и чудной поэмы, относится именно ко времени пребыванія его въ школѣ. Въ школѣ же, подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о Кавказѣ, куда поэтъ ѣздилъ десятилѣтнимъ мальчикомъ съ бабушкой, онъ написалъ небольшую, прекрасную поэму изъ кавказской жизни „Хаджи Абрекъ“. Эта поэма была первымъ произведеніемъ Лермонтова, явившимся въ печати, такъ какъ товарищъ его, Николай Юрьевъ, тайкомъ отъ поэта снесъ копію поэмы Сенковскому, и тотъ, одобривъ ее, напечаталъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1835 г. за полною подписью.

Въ ноябрѣ 1834 г. Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Бабушка роскошно экипировала своего возлюбленнаго внука и создала ему ту внѣшнюю обстановку, которая считалась необходимою для блестящаго гвардейскаго офицера. Хорошія матеріальныя средства дали возможность Лермонтову закружиться въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій и отчаянныхъ кутежей и шалостей золотой гвардейской молодежи. Иногда эти кутежи принимали довольно грубоватый ухарскій характеръ. „Насмѣшливый, ѣдкій — пишетъ о Лермонтовѣ гр. Растопчина — ловкій, вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, удовольствіяхъ, кутежахъ“.

Но полковая жизнь со всѣми ея попойками и шалостями не исчерпывала всего времени Лермонтова и не могла вполнѣ его удовлетворить. Онъ задался цѣлью добиться успѣховъ въ большомъ свѣтѣ, что ему, какъ молодому, некрасивому гусарскому корнету изъ захудалаго, обѣднѣвшаго рода, было не легко. Цѣли своей онъ добился: свѣтъ замѣтилъ его и заговорилъ о немъ.

Несмотря на безпутныя оргіи и свѣтскую разсѣянную жизнь, Лермонтовъ сумѣлъ сохранить свои физическія и нравственныя силы, въ немъ не угасъ огонь его геніальнаго духа. Весь секретъ этотъ заключался въ томъ, что поэтъ далеко не весь былъ поглащенъ недостойными его высоты великосвѣтскими и лагерными похожденіями, чѣмъ онъ въ то время увлекался.

Онъ жилъ какою-то двойною жизнью, находилъ возможность уединяясь отъ товарищей и свѣта, творить свои дивныя произведенія. Помимо массы мелкихъ стихотвореній, въ этотъ періодъ окончилъ онъ „Демона“, написалъ поэму „Бояринъ Орша“, повѣсть „Казначейша“ и драму „Маскарадъ“, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что Лермонтовъ, подобно Пушкину, старался скрывать свои литературныя занятія отъ свѣта. Онъ предпочиталъ слыть танцоромъ, шалуномъ-гусаромъ, донъ-жуаномъ, но не писателемъ. Злыя же и мѣткія эпиграммы-экспромты вооружали противъ него всѣхъ, кто попадалъ къ нему на язычекъ, но въ салонахъ почти не знали о его творчествѣ. Въ то же время онъ пріобрѣталъ литературныя знакомства; его представили А. А. Краевскому, который издавалъ „Прибавленія къ Русскому Инвалиду“, онъ вошелъ въ кругъ великосвѣтскихъ и вліятельныхъ писателей: онъ былъ знакомъ съ Жуковскимъ, кн. Одоевскимъ, Плетневымъ, А. Н. Муравьевымъ.

Вдругъ произошло событіе, которое заставило заговорить о Лермонтовѣ всю интеллигентную Россію, которое сразу выдвинуло его изъ ряда обыкновенныхъ рядовыхъ офицеровъ.

Такимъ событіемъ, взволновавшимъ все русское общество была неожиданная смерть Пушкина, который былъ раненъ на дуэли Дантесомъ. Извѣстіе о смерти Александра Сергѣевича сильно огорчило Лермонтова. Свою скорбь о безвременно погибшей жизни величайшаго поэта онъ излилъ въ стихотвореніи „На смерть Пушкина“, въ которомъ Дантесъ былъ выставленъ какъ искатель приключеній. Лермонтовъ взывалъ къ государю о наказаніи виновника безвременной смерти Пушкина:

Отмщенія, Государь, отмщенія!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу.

Стихотвореніе быстро распространилось среди публики и надѣлало много шуму. Въ великосвѣтскомъ же обществѣ толки о дуэли Пушкина не прекращались, при чемъ и нашлись такіе люди изъ партіи противной умершему поэту, которые оправдывали Дантеса, и всю вину столкновенія приписывали самому Пушкину.

Эти разговоры возмущали Лермонтова, и онъ къ стихотворенію, которое оканчивалось строками: „И на уста его печать“, прибавилъ 16 стиховъ, гдѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ обличалъ малодушіе, мелочный эгоизмъ и ничтожное тщеславіе свѣтскаго общества. Въ этомъ прибавленіи былъ усмотренъ „призывъ къ революціи“, Лермонтова арестовали, его бумаги задержали, а въ заключеніе перевели прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ.

По дорогѣ къ мѣсту новаго назначенія Лермонтовъ между прочимъ остановился въ Тамани въ ожиданіи почтоваго судна. Тутъ съ поэтомъ произошло приключеніе, которое послужило ему темою для повѣсти „Тамань“. Во время же своего пребыванія на Кавказѣ, которое продолжалось недолго, Лермонтовъ изучалъ природу и нравы этой страны и занимался поэзіей. Однако не всѣ произведенія поэта могли безпрепятственно попасть въ печать. „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, напримѣръ, была напечатана только благодаря заступничеству Жуковскаго, при чемъ фамилія Лермонтова была замѣнена начальными буквами.

Ссылка поэта продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Но за этотъ небольшой промежутокъ времени поэтъ успѣлъ побывать во многихъ мѣстахъ, познакомиться со многими лицами, съ которыхъ онъ впослѣдствіи списывалъ портреты въ своихъ произведеніяхъ. Случаи изъ жизни Ак. Ак. Хостатова послужили Лермонтову матеріаломъ для повѣстей „Бэла“ и „Фаталистъ“. Докторъ Майеръ подъ фамиліей Вернера былъ обрисованъ въ повѣсти „Княжна Мери“.

По ходатайству бабушки Лермонтова, Арсеньевой, въ концѣ 1837 года, поэтъ былъ снова переведенъ въ гвардію, въ Гродненскій гусарскій полкъ, а въ началѣ слѣдующаго года обратно въ лейбъ-гусары. Имя Лермонтова тогда уже разнеслось по всей Россіи; его „исторія“, его талантъ создали ему ореолъ, и большой свѣтъ Петербурга принялъ поэта съ распростертыми объятіями. Это время самъ поэтъ описываетъ такъ: „Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ... Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами; самыя хорошенькія жен-

щины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются... Было время, когда я, какъ новичокъ, искалъ доступа въ это общество; аристократическія двери были для меня заперты; теперь въ это самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, взявшимъ съ боя свои права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что я вѣдь тоже левъ... Согласитесь, что все это можетъ опьянить..." Увлекаясь развлеченіями, Лермонтовъ тѣмъ не менѣе скучалъ, въ чемъ надо видѣть двойственность въ характерѣ поэта. Поэтъ презиралъ свѣтъ и искалъ развлеченій свѣта. Будучи принятъ во многихъ аристократическихъ домахъ, Лермонтовъ предпочиталъ бывать у Карамзиныхъ, у кн. Одоевскаго и часто посѣщалъ Краевскаго. Въ то же время, поощренный своими успѣхами, съ особеннымъ жаромъ принялся онъ за перо, и это была эпоха самой плодотворной его дѣятельности. Разсѣянная свѣтская жизнь не мѣшала Лермонтову создать прекрасныя поэтическія вещи, краснорѣчиво доказывающія, какъ крѣпло и развивалось его дарованіе. Имя поэта облетѣло всю Россію; его поэма „Демонъ" въ безчисленныхъ спискахъ распространилась во всѣхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества; произведенія молодого поэта вошли въ моду; на музыку клались его лучшія пьесы, и въ журналахъ, несмотря на различныя препятствія, стали печататься его стихотворенія. Въ „Современникѣ" были помѣщены: „Бородино", „Казначейша"; въ „Отечественныхъ Запискахъ" появился цѣлый рядъ стихотвореній, которыя представляютъ жемчужины лермонтовской поэзіи: „Дума", „Поэтъ", „Русалка", „Вѣтка Палестины", „Душа моя мрачна", „Три пальмы", „Въ минуту жизни трудную", „Дары Терека", „Памяти Одоевскаго", „Воздушный корабль", „Казачья колыбельная пѣсня" и др. Въ этомъ же журналѣ въ 1839 и въ началѣ 1840 г. были напечатаны прозаическіе отрывки „Бэла" и „Тамань", вошедшіе въ составъ романа „Герой нашего времени", который тогда же вышелъ отдѣльно около марта мѣсяца.

Съ каждымъ днемъ Лермонтову все болѣе и болѣе начало претить петербургское общество во всѣхъ слояхъ — пустое,

ничтожное, скучающее, чуждое какихъ-либо высшихъ интересовъ и идеаловъ. Поэтъ озлобляется и дѣлается заносчивымъ и безпощадно язвительнымъ, дерзкимъ. Петербургскій высшій свѣтъ, въ свою очередь, началъ все болѣе и болѣе раздражаться отношеніемъ къ нему Лермонтова. Много у него уже было враговъ, которые находили, что, являясь въ высшихъ сферахъ, онъ „садился не въ свои сани“; они никакъ не могли простить, что молодой офицеръ выказывалъ независимость характера и презрительность въ обращеніи съ людьми, требовавшими поклоненія и выраженія униженнаго почтенія. Мужчины свѣтскихъ салоновъ особенно ненавидѣли его за вниманіе, оказываемое ему женщинами, которыми увлекался весь петербургскій бомондъ. Начальство Лермонтова тоже вооружилось противъ него, находя, „что надо было служить, а не писать стихи“. Однимъ словомъ, надъ головой поэта со всѣхъ сторонъ сгущались грозныя тучи.

16-го февраля 1840 г. на балу у графини Леваль произошло столкновеніе поэта съ барономъ Эрнестомъ де-Барантомъ, который искалъ только случая, чтобы вызвать Лермонтова на дуэль. Поединокъ начался на шпагахъ и кончился на пистолетахъ. Барантъ слегка ранилъ поэта въ руку. Разумѣется, началось разслѣдованіе дѣла о дуэли. Объясненія Лермонтова не удовлетворили начальства и 10-го марта онъ былъ арестованъ и посаженъ въ ордонанцъ-гаузъ...

Сидя подъ арестомъ, онъ написалъ стихотвореніе „Сосѣдка“ и пьесу „Журналистъ, читатель и писатель“.

Дѣло Лермонтова, между тѣмъ, шло своимъ путемъ, принимало для него хорошій оборотъ и могло кончиться пустяками, но сдѣлалось извѣстнымъ показаніе поэта, что онъ на дуэли умышленно стрѣлялъ въ сторону. Этотъ слухъ возмутилъ де-Баранта, который добился тайнаго свиданія съ Лермонтовымъ. Удовольствіе личнаго объясненія усугубило его вину. Судъ приговорилъ молодого человѣка за то, что онъ снова вызвалъ на дуэль къ лишенію чиновъ и правъ состоянія, но это рѣшеніе было смягчено. Въ апрѣлѣ 1840 г. Лермонтовъ былъ переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, стоявшій на Кавказѣ. Принужденный снова покинуть столицу, на этотъ разъ онъ съ грустью разставался съ Петербургомъ.

„Дорогою, на пути въ Ставрополь, онъ излилъ свою тоску и скорбь въ превосходномъ стихотвореніи „Тучи“:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я - же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

По прибытіи на мѣсто своего назначенія, Лермонтовъ почти тотчасъ же былъ назначенъ въ дѣйствующую армію противъ чеченцевъ. Въ половинѣ іюля отрядъ, въ которомъ находился поэтъ, выступилъ въ походъ. Лермонтовъ отъ Дорохова принялъ отрядъ, составленный изъ отчаянныхъ удальцовъ-головорѣзовъ, которые смотрѣли на войну, какъ на ремесло. Опасность, удальство, лишенія и разгулъ были ихъ лозунгомъ. Лермонтова стали цѣнить какъ талантливаго, дѣльнаго и храбраго офицера. Надо отдать справедливость, поэтъ довольно часто выказывалъ безумную и совершенно никому не нужную храбрость. Опасность или возможность смерти дѣлала его остроумнымъ, разговорчивымъ и веселымъ. Отъ съѣдавшей его тоски, „отъ припадковъ черной меланхоліи“, несчастный поэтъ бросался въ водоворотъ сильныхъ ощущеній, онъ какъ бы искалъ смерти, по крайней мѣрѣ, рисковалъ жизнью постоянно. Литературнымъ памятникомъ, относящимся къ этой экспедиціи, явилось прекрасное описаніе сраженія подъ Валерикомъ. Ни въ стихотвореніи, ни въ письмахъ поэтъ не упоминаетъ о томъ, какую роль онъ лично игралъ въ бояхъ, но по отзыву начальства „во всѣхъ дѣлахъ поручикъ Лермонтовъ оказалъ примѣрное мужество и распорядительность“. Храбрый офицеръ былъ представленъ къ наградѣ, но въ концѣ концовъ ничего не получилъ.

Вскорѣ послѣ окончанія экспедиціи Лермонтовъ уѣхалъ изъ отряда на отдыхъ въ Пятигорскъ, гдѣ время проводилъ очень весело, ухаживая за разными женщинами.

Отсюда онъ повидимому тайкомъ отъ начальства посѣтилъ Крымъ, былъ въ Ялтѣ, ѣздилъ въ Оріанду, Алупку, Мисхоръ и Кореизъ.

Бабушкѣ поэта, Арсеньевой, не смотря на всѣ старанія, не удалось выхлопотать прощенія внуку, но зато ему все-таки

разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ, гдѣ онъ и пробылъ съ января по апрѣль 1841 года. Поѣздка въ столицу и свиданіе съ родными и друзьями оживили Лермонтова, прояснили и ободрили его духъ, разсѣявъ на время тучи черной меланхоліи, и онъ съ новымъ юношескимъ пыломъ закружился въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій.

Къ этому времени талантъ Лермонтова видимо окрѣпъ. Въ каждомъ новомъ произведеніи онъ проявлялся все съ большей силой и совершенствомъ. Къ пріѣзду поэта въ Петербургъ вышелъ въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи „Герой нашего времени“ и первое изданіе его лирическихъ произведеній. Слѣдуетъ замѣтить, что названіе „Герой нашего времени“ принадлежитъ Краевскому, тогда какъ Лермонтовъ сначала озаглавилъ романъ: „Одинъ изъ героевъ нашего времени“, что болѣе соотвѣтствовало значенію въ жизни того времени Печорина, который не обнималъ собою, не олицетворялъ всю интеллигенцію 30-хъ годовъ, а былъ только однимъ изъ героевъ того времени.

Между тѣмъ, въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ, Лермонтовъ началъ обнаруживать гораздо большую степень сознательности къ своему призванію, чѣмъ прежде. Съ одной стороны онъ начиналъ стремиться къ отрѣшенію отъ всякой подражательности западнымъ образцамъ и выйти на самостоятельную дорогу; съ другой стороны — явилось желаніе всецѣло посвятить себя литературной дѣятельности и для этого выйти даже въ отставку. Онъ мечталъ даже основать журналъ и говорилъ Краевскому слѣдующее: „Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное и общечеловѣческое. Зачѣмъ намъ все тянуться за Европой и за французами. Я многому научился у азіатовъ, и мнѣ бы хотѣлось проникнуть въ таинства азіатскаго міросозерцанія, зачатки котораго и для самыхъ азіатовъ и для насъ мало понятны. Но, повѣрь мнѣ, — говорилъ онъ Краевскому, — тамъ на Востокѣ тайникъ богатыхъ откровеній“.

Въ журналѣ Лермонтовъ думалъ давать только оригинальное и новое. „Мы въ своемъ журналѣ не будемъ предлагать обществу ничего переводнаго, а свое собственное. Я берусь къ каждой книжкѣ доставлять что-либо оригинальное, не такъ какъ

Жуковскій, который все кормитъ переводами, да еще не говоритъ, откуда беретъ ихъ".

Между тѣмъ, мечтамъ поэта не суждено было осуществиться, такъ какъ вслѣдствіе недоброжелательства правящихъ сферъ, на отставку было мало надежды. Ему было приказано вернуться къ своей части. Весною, передъ послѣднимъ отъѣздомъ на Кавказъ, Лермонтовъ пробылъ короткое время въ Москвѣ, гдѣ съ нимъ познакомился извѣстный впослѣдствіи нѣмецкій писатель фонъ-Боденштедтъ, который, какъ извѣстно, перевелъ произведенія русскаго поэта и оставилъ о немъ свои воспоминанія.

Пріѣхавъ на Кавказъ, Лермонтовъ взялъ отпускъ подъ предлогомъ болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ вмѣстѣ со Столыпинымъ, кн. Трубецкимъ и кн. Васильчиковымъ. Жизнь текла весело и разгульно, какъ живется въ возрастѣ отъ 20 — 25 лѣтъ. Въ скоромъ времени у Лермонтова произошла ссора съ бывшимъ сослуживцемъ и товарищемъ по юнкерской школѣ, Мартыновымъ. Послѣдствіемъ ссоры была дуэль, состоявшаяся у подножья Машука 15 іюля 1841 г. Секунданты не придавали серіознаго значенія поединку и не было приготовлено экипажа на случай, если кто-нибудь будетъ раненъ. Докторовъ не пригласили. Послѣ команды Мартыновъ быстро подошелъ къ барьеру. Выстрѣлъ раздался и Лермонтовъ упалъ, какъ подкошенный. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь... Друзья обступили трупъ, далекіе еще отъ сознанія, что Лермонтова уже не стало. Между тѣмъ „черная туча, медленно, поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопредставленному рабу Михаилу..."

Похороны поэта были сопряжены съ большими хлопотами, такъ какъ нѣсколько вліятельныхъ личностей, враждебныхъ поэту, старались повліять и на коменданта и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху „ядовитаго покойника," какъ одинъ изъ нихъ отозвался объ умершемъ.

Похороны поэта состоялись 17-го іюля около 6-ти часовъ вечера. Воинскія почести разрѣшены не были, и гробъ былъ

донесенъ до пятигорскаго кладбища на плечахъ товарищей. Въ похоронахъ участвовалъ весь Пятигорскъ.

Въ январѣ 1842 г. было разрѣшено перевести тѣло поэта изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Арсеньевой, село Тарханы, для погребенія въ родовомъ склепѣ. Тѣло Михаила Юрьевича было вырыто изъ кавказской земли, перевезено въ имѣніе и 23 апрѣля 1842 года положено въ землю родимаго села, рядомъ съ прахомъ матери.

„Ангелъ“ и „Парусъ“, какъ выразители основныхъ мотивовъ поэзіи Лермонтова.

Въ ранній періодъ своей литературной дѣятельности Лермонтовъ создалъ два стихотворенія, которыми хорошо опредѣляется направленіе его поэзіи; въ нихъ ярче всего сказалась двойственность его натуры. Въ стихотвореніи „Ангелъ“ поэтъ рисуетъ изящную и привлекательную картину, какъ „по небу полуночи“ въ своихъ объятіяхъ ангелъ несетъ съ неба на землю для временной жизни молодую душу и напутствуетъ ее пѣсней святой:

„Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Душа, воплотившись, влачитъ жалкое существованіе въ этомъ „мірѣ печали и слезъ“, но звуки чудесной пѣсни, которую ей напѣваетъ ангелъ, не умираютъ въ ея памяти, а напротивъ обадриваютъ въ минуты упадка силъ и будятъ въ ней высокіе порывы. Въ этомъ стихотвореніи Лермонтовъ проводилъ ту мысль, что стремленіе къ идеальному есть природная и необходимая потребность человѣческой души; въ человѣческой

душѣ съ самаго перваго дня ея существованія тлѣетъ Божія искра, которая, если не погрязнетъ въ мелочныхъ житейскихъ счетахъ и пошлости, всю жизнь будетъ горѣть какъ бы священнымъ огнемъ. Ни заботы и труды, ни свѣтскія развлеченія и успѣхи повседневной мелкой дѣйствительности не въ силахъ заглушить въ душѣ жажды высшей потребности. Развивая эти мысли, поэтъ выражаетъ и свое душевное настроеніе: міръ для такой души тяжелъ, дѣйствительность не удовлетворяетъ ее:

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Въ стихотвореніи „Парусъ“ Лермонтовъ слегка открываетъ занавѣсъ и обнаруживаетъ свой мятежный духъ. Въ видѣ аллегоріи поэтъ разсказываетъ, что въ немъ живутъ такіе порывы, которые не даютъ ему покоя:

Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Знакомство съ жизнью убѣдило поэта, что счастья нѣтъ на землѣ, но жизнь совершенно его не пугаетъ:

Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Онъ слишкомъ гордъ, чтобы итти на какіе-либо компромиссы. Его мятежный духъ не знаетъ покоя. Онъ ищетъ случая сразиться, чтобы борьбой съ тревогой — дать содержаніе своей жизни. Корабль не гонится за счастіемъ и не убѣгаетъ отъ него, онъ просто ищетъ бури, чтобы пробовать свои силы, дать пищу мятежному духу:

А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Итакъ, изъ двухъ этихъ стихотвореній мы видимъ два противорѣчащихъ другъ другу качества. Человѣкъ, повидимо-

му, глубоко разочарованный, не вѣрящій въ земное счастье, томящійся, не находящій мѣста на землѣ и даже подчасъ какъ бы просящій смерти, чтобы избавиться отъ „пустой и глупой шутки", называемой жизнью, — Лермонтовъ въ то же время ищетъ борьбы съ толпой, на которую смотритъ съ презрѣніемъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ заключается какъ бы исповѣдь мятежной души поэта. То онъ вырастаетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ до образа могучаго корабля, который готовъ сразиться съ необъятной стихіей, то впадаетъ въ сомнѣніе, теряетъ вѣру въ людей, то готовъ во всѣхъ видѣть зачатки высшаго начала. Печаль о минувшемъ, жажда разнообразныхъ ощущеній, которыя его однако не удовлетворяютъ, презрѣніе къ любви и жажда ея, стремленіе уединиться и порывы въ борьбѣ, упреки Богу, грусть и скука — вотъ главные мотивы лирическихъ стихотвореній Лермонтова.

Итакъ, разочарованіе и неудовлетворенность дѣйствительностью, тревога, грусть, страстное негодованіе и даже отчаяніе будутъ встрѣчаться во всѣхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, какъ ихъ главная основа.

„Поэтъ" и „Пророкъ", какъ выразители поэтическихъ воззрѣній Лермонтова.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ Лермонтова, а особенно въ лирическихъ ярко отразилась личность поэта. Эти стихи были какъ бы исповѣдью мятежной души поэта. Моментами въ поэзіи авторъ выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ до могущественнаго образа пророка, то вдругъ приравнивалъ себя къ слабой посредственности толпы; иногда онъ начиналъ искренне молиться и вновь впадалъ въ сомнѣніе, искалъ покоя въ общеніи съ природой и вдругъ находилъ себя достаточно сильнымъ для борьбы съ окружающей дѣйствительностью. Пе-

чаль о минувшемъ, долгіе годы разнообразныхъ ощущеній, которыя не могли его удовлетворить, безрезультатная любовь и въ то же время жажда этой самой любви, желаніе забыться и уснуть и страстные порывы къ бурной дѣятельности и борьбѣ, сѣтованія на Бога и тяжелое, хоть и гордое одиночество, часто щемящая сердце грусть и скука отъ невѣдѣнія, куда направить богатый запасъ силъ — вотъ чувства, которыя вылились въ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова.

Со свойственной ему страстностью авторъ высказываетъ ту мысль, что искусство не должно быть безучастно къ современности, а поэтъ долженъ быть хранителемъ и проповѣдникомъ идеаловъ добра и истины. Въ произведеніи „Поэтъ“ Лермонтовъ сравниваетъ судьбу поэта съ заржавленнымъ, лишеннымъ ноженъ кинжаломъ. По его взгляду, сладкіе звуки и молитвы поэта должны быть тѣсно связаны съ самою жизнью, но въ то же время поэтъ не имѣетъ права мѣнять свою поэтическую власть на житейскія блага, на золото...

Поэты, какъ „сыны небесъ“, должны стоять выше окружающей ихъ дѣйствительности и не должны унижаться до подлаживанія подъ вкусы толпы или отдѣльныхъ лицъ.

Поэты являются на землю „для житейскаго волненія и для битвъ“ съ несовершенствомъ жизни. Высокое признаніе поэта Лермонтовъ видитъ въ постоянномъ руководительствѣ мнѣній, чувствъ и стремленій общества, во всѣхъ явленіяхъ его жизни. Поэтъ долженъ указывать обществу цѣль, къ которой оно должно стремиться на пути своего развитія и процвѣтанія; поэтъ обязанъ обличать всякія уклоненія отъ этой цѣли, поэту слѣдуетъ жертвовать своими интересами на благо общества, служить этому обществу:

„Бывало, вѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ гимніамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой
И отзвукъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ“.

Хотя здѣсь говорится о прошедшемъ, тѣмъ не менѣе всякому становится яснымъ, что въ основѣ стихотворенія лежитъ мысль вообще о призваніи человѣка, одареннаго творческими силами.

Мысль, что задача поэзіи заключается не въ однихъ только сладкихъ звукахъ, но также и въ служеніи обществу, въ проповѣди среди его идей разумной и гуманной жизни, еще опредѣленнѣе выражена въ стихотвореніи „Пророкъ", гдѣ поэтъ выведенъ подъ видомъ библейскаго пророка. У Лермонтова пророкъ является среди людей съ проповѣдью чистаго ученья правды и любви. Задача поэта возвышенна и не легка: онъ обязанъ исправлять общество, давать ему нравственные уроки.

Между тѣмъ современное общество не понимаетъ поэта; общество, „толпа", погрузилось въ свои мелочныя заботы и совершенно чуждо высокимъ, идеальнымъ цѣлямъ; оно преслѣдуетъ всякаго, кто рѣшаетъ смутить его спокойное существованіе.

„Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня же ближніе мои
Бросали бѣшено каменья".

Мы видимъ, что общество, которое когда-то обращалось къ поэту съ требованіемъ давать ему строгіе уроки, стало въ изступленіи бросать въ него каменья. Когда же поэтъ — пророкъ, который обладаетъ даромъ „всевѣдѣнія" и слѣдовательно обнаруживаетъ въ сердцахъ людей „страницы злобы и порока", видитъ безполезность своей проповѣди, это сознаніе заставляетъ сильно страдать его чуткую душу. Опечаленный пророкъ удаляется въ пустыню, чтобы, такъ сказать, дать людямъ время сознать свои ошибки и раскаяться въ нихъ. Пока пророкъ жилъ въ пустынѣ, изгнавшіе его люди еще болѣе убѣждаются въ законности своихъ поступковъ. Лишь только пророкъ появляется на улицахъ „шумнаго града", старцы „съ улыбкой самолюбивой" указываютъ на него своимъ дѣтямъ, какъ на несчастнаго отверженца:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;

Глупецъ! — хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами".
„Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!".

Толпа не понимаетъ того, что поэтъ худъ и блѣденъ именно потому, что ему не даютъ покою мысли объ этой самой пошлой толпѣ.

Итакъ, Лермонтовъ смотрѣлъ на поэта, какъ на человѣка выступающаго на борьбу съ обществомъ для проповѣди любви и правды, насколько это возможно. Этого вопроса о цѣли поэзіи, о взглядѣ на поэта, не разъ касался и Пушкинъ, который, какъ извѣстно, проводилъ идею, высказываемую представителями такъ называемой теоріи искусства для искусства.

Не даромъ же Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ, что призваніе поэта:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Правда, и у Пушкина уже чувствуется въ „Пророкѣ", подготовка къ нравственной борьбѣ, когда раздается гласъ Божій, который говоритъ:

Востань, пророкъ, и внжль и внемли
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.

Еще выразительнѣе онъ высказалъ эту мысль въ стихотвореніи „Памятникъ":

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ.

Точно такого же взгляда держались вообще всѣ романтики и въ томъ числѣ яркій представитель этого направленія — Жу-

ковскій, но признавая за поэтомъ право свободнаго творчества, Пушкинъ далекъ отъ житейскаго интереса; онъ даже готовъ удалиться отъ свѣта въ широкошумныя дубравы и на берега пустынныхъ волнъ, между тѣмъ творецъ „желѣзнаго стиха, облитаго горечью излостью“ —Лермонтовъ съ открытымъ лицомъ вступаетъ въ борьбу съ обществомъ, открываетъ его раны, называетъ вещи своими именами. Такъ большая часть стихотворенія „Поэтъ“ проникнута насмѣшкой.

Въ концѣ стихотворенія раздается даже рѣзкій крикъ негодованія противъ лицемѣрія „изнѣженнаго вѣка:

Но скученъ намъ простой и гордый твой (т. е. поэзіи) языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...

Сатирическія стихотворенія.

Къ сатирическимъ стихотвореніямъ Лермонтова относятся тѣ, въ которыхъ поэтъ осмѣиваетъ современную ему интеллигентную молодежъ, а жизнь ея была ему хорошо извѣстна. Выйдя въ офицеры, Лермонтовъ цѣликомъ отдался развлеченіямъ свѣта. Онъ даже сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ какъ бы запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ. Но такая жизнь не исчерпывала всего времени Лермонтова, не удовлетворяла его. Онъ слишкомъ хорошо зналъ цѣну обществу, въ которомъ вращался.

Въ январѣ 1837 года, когда по Петербургу разнеслась роковая весть о безвременной кончинѣ А. С. Пушкина, Лермонтовъ этой новостью былъ потрясенъ до глубины души. Между тѣмъ многіе въ городѣ винили Пушкина и оправдывали его противника. Молодой поэтъ сталъ въ защиту погибшаго льва.

Стихотвореніемъ „На смерть Пушкина“ онъ далъ высокую оцѣнку его поэзіи и излилъ всю силу накипѣвшаго негодованія противъ враговъ умершаго поэта.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!

. . . . . .

Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать!

Здѣсь Лермонтовъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію своего предшественника и даже учителя Пушкина, котораго онъ считалъ геніемъ и свѣточемъ.

Онъ цѣнилъ поэта, какъ борца, который не побоялся выступить противъ мнѣній свѣта. Онъ понималъ, что Пушкина убило общество, а не пуля, внѣшняя случайная причина безвременной кончины маститаго писателя.

Поэтому-то Лермонтовъ кидаетъ вызовъ всему аристократическому свѣту. Онъ называетъ потомковъ „прославленныхъ отцовъ“ „свободы, генія и славы палачами“.

Въ то же время онъ понимаетъ, что измѣнить это общество невозможно и, обращаясь къ нему, даетъ такую характеристику:

Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!..,
Но есть, есть Божій судъ, наперстники разврата!
Есть грозный Судія: Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла Онъ знаетъ напередъ.

Дѣйствительно, въ такомъ испорченномъ и совершенно развращенномъ въ основныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ обществѣ не могло быть мѣста Пушкину съ его высокими идеалами и стремленіями. Лермонтовъ правильную оцѣнку давалъ безотрадной картинѣ современнаго ему общества. Такъ въ стихотвореніи „Дума“ (1838 годъ) чувствуется безотрадная грусть и страстное негодованіе. Общество рисуется необразованнымъ,

безъ нравственныхъ правилъ, безъ опредѣленной цѣли въ жизни, безъ разумно направленной воли, безъ всякой энергіи, къ добру и злу постыдно равнодушнымъ. Изображаемое поэтомъ общество глухо къ искусству и поэзіи, и если проявляетъ чувство любви и ненависти то случайно, такъ какъ оно не способно ни на какія жертвы вслѣдствіе своего безсилія и нравственной дряблости. Молодое поколѣніе отъ своихъ предшественниковъ получило въ наслѣдство однѣ лишь ошибки; жизнь ему въ тягость, такъ какъ онъ не имѣетъ никакой цѣли. Будущее такого общества печалитъ поэта и онъ предвидитъ, что

Толпой угрюмой и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.

Прошедшее общества такъ безцвѣтно и ничтожно, что можетъ вызвать лишь горькую насмѣшку и не представляетъ ни одного сколько-нибудь живого, страстнаго увлеченія; его настоящее — „ровный путь безъ цѣли, пиръ на праздникѣ чужомъ“, отсюда слѣдуетъ, что и будущее должно быть „пусто“, или же „темно“. Сатира эта указываетъ крайнее раздраженіе и негодованіе противъ „большого свѣта“, въ которомъ вращался поэтъ; ее нельзя считать характеристикою всего поколѣнія русскихъ людей. Въ своемъ негодованіи противъ „аристократіи“ Лермонтовъ увлекается и приписываетъ ей черты, которыя рядомъ звучатъ какъ-то несогласно и не могутъ дать яснаго представленія о предметѣ. Такъ, напримѣръ, Лермонтовъ приписываетъ обществу бремя познанія и сомнѣнія.

А между тѣмъ знанія и наука не бремя, а та сила, которая должна вносить свѣтъ, а не сомнѣнья. Поэтъ упрекаетъ общество въ перезрѣлости и во всезнаніи. Пожалуй, слова поэта были и справедливы, если онъ имѣлъ въ виду „науку страсти нѣжной“, что составляло краеугольный камень въ жизни Онѣгиныхъ. Съ истиннымъ, основательнымъ образованіемъ и лучшими надеждами несовмѣстимо бездѣлье, мелочность и отсталость.

Еще большею опредѣленностью отличается стихотвореніе

„Первое января“. Здѣсь поэтъ передъ читателями открываетъ мечты воображенія, уносящія его въ прошедшее, съ другой стороны рисуетъ картину, окружающей его дѣйствительности. Получается полный контрастъ. Воображеніе переноситъ Лермонтова въ деревню, въ которой онъ провелъ дѣтство.

Передъ глазами поэта вырисовывается и барскій домъ, и садъ съ разрушенной теплицей, и прудъ, покрытый зеленью, а за прудомъ село. Всѣ эти мѣста связаны съ дорогими для Лермонтова воспоминаніями. Но опомнившись, поэтъ возвращается къ дѣйствительности, къ маскараду, къ окружающимъ его людямъ. Его сразу охватываетъ „горечь и злость“ при видѣ пустоты и бездушіи общества, которое собирается только для веселья и убиваетъ время безъ всякой живой мысли, безъ серіозной цѣли. Когда эта пестрая толпа собирается для веселья, то и тогда она остается бездушною, какъ бы стянутою мелочными приличіями, условными движеніями и манерами. Нечего удивляться поэтому, что такое общество представляется не живыми людьми, а рядомъ масокъ. Фальшъ, пустота и ничтожество толпы тѣмъ рельефнѣе и ярче бросается въ глаза, что рядомъ съ нею поэтъ рисуетъ себѣ свѣтлую обстановку сельской жизни съ ея естественной простотой и свѣтлыми идеалами юности и красоты, что возвышаетъ душу и призываетъ человѣческое сердце къ любви.

Но дѣйствительность вызываетъ въ Лермонтовѣ негодованіе и отвращеніе къ этому неискреннему и безжизненному обществу, и онъ съ горькимъ чувствомъ восклицаетъ:

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

Чувство негодованія въ такой степени наполняетъ Лермонтова, что онъ болѣе не въ силахъ сдерживать того, что накопилось въ его душѣ. У него невольно вырывается крикъ наболѣвшаго сердца, и выливается въ чудныхъ и сильныхъ стихахъ, которые, какъ стальной хлыстъ, бичуютъ современное ему общество.

Мрачныя черты лирики Лермонтова.

Поэтическая дѣятельность Лермонтова чужда веселыхъ жизнерадостныхъ мотивовъ, она, напротивъ, носитъ какой-то мрачный, грустный, безотрадный характеръ. Изъ біографіи его мы знаемъ, что поэтъ и въ обращеніи съ мало знакомыми людьми былъ желченъ и скрытенъ; изъ случайнаго разговора съ нимъ можно было вынести впечатлѣніе, что это одинъ изъ свѣтскихъ молодыхъ людей только съ болѣе язвительнымъ языкомъ и желчнымъ умомъ. Сердце и умъ поэта были скрыты для толпы; что былъ какъ бы кладъ за семью замками, доступъ къ которому былъ труденъ. Лермонтовъ дѣлилъ все человѣчество на два разряда: къ одному принадлежали лишь очень немногіе люди, которыхъ онъ уважалъ: къ другому всѣ прочіе его знакомые и съ ними вмѣстѣ весь родъ человѣческій. Не мудрено послѣ этого, что разочаровавшись въ окружающемъ его обществѣ, онъ переносилъ свои чувства и на всѣхъ людей вообще, дѣлая исключеніе лишь для немногихъ.

Но разъ кто-нибудь добивался довѣрія поэта, для того душа его распахивалась и весь онъ представлялся въ совершенно новомъ свѣтѣ. Такъ Бѣлинскому долго не удавалось вызвать Лермонтова на серіозный разговоръ, и онъ разсказывалъ Панаеву слѣдующее: „Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка—настоящимъ человѣкомъ! Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію, думая себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серіозные разговоры... я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверти часа... Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ... „Я не люблю Вальтеръ-Скотта“—сказалъ мнѣ Лермонтовъ, въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ“, — и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него — и не

вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ прошелъ отъ Вальтеръ - Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ — и, что удивило меня, даже съ увлеченіемъ... Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!... Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось - таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собою, — я увѣренъ въ этомъ". Совершенно инымъ является Лермонтовъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Вся его скрытность, холодность, насмѣшливо - назойливая придирчивость пропадаетъ и поэтъ открываетъ передъ читателемъ всѣ тайники своей души. Въ поэтической дѣятельности Лермонтова, особенно въ лирическихъ его произведеніяхъ ярко отразилась личность поэта. Онъ былъ какъ бы пѣвцомъ личныхъ своихъ чувствъ, и его стихи въ большинствѣ случаевъ можно назвать исповѣдью наболѣвшей души. Въ изображеніяхъ сомнѣнья, мучительныхъ чувствъ стихъ Лермонтова полонъ нѣжной грусти, мягкости, задушевности и въ то же время съ истиннымъ художествомъ и правильностью передаетъ тончайшія движенія человѣческой души. Въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ поэтъ является самимъ собою, а потому мотивы ихъ служатъ самымъ серіознымъ доказательствомъ мрачныхъ и веселыхъ моментовъ его жизни.

Эти произведенія служатъ какъ бы зеркаломъ внутренняго міра Лермонтова; лирика — какъ бы его поэтическая автобіографія. Въ жизни поэта нервность духа положила печать на нервность его поступковъ: онъ леталъ съ Кавказа въ Петербургъ, изъ Петербурга вновь на Кавказъ, цѣликомъ окунался въ удовольствія и возвращался домой печальнымъ, презиралъ свѣтъ и жаждалъ новыхъ знакомствъ, новыхъ впечатлѣній, былъ печаленъ въ бществѣ и ѣхалъ веселиться за городъ, проказничалъ

какъ школьникъ, придирался къ близкимъ людямъ и вдругъ становился угрюмъ, серіозенъ не по лѣтамъ. Современная поэту жизнь не удовлетворяла его. Окружающіе люди представляются Лермонтову пустой, пестрой и бездушной толпой. Онъ переживаетъ тяжелыя душевныя муки; ему хотѣлось бы разрѣшить всѣ назрѣвшіе „проклятые“ вопросы. Но усилія его напрасны: онъ не можетъ выработать себѣ яснаго міросозерцанія и, не находя выхода изъ окружающаго его мрака, иногда доходитъ почти до отчаянія, до отрицанія самой жизни. Скорбь наполняетъ душу поэта, сомнѣнія угнетаютъ его, сознаніе отчужденности отъ окружающей среды—все это выражается полнымъ отчаяніемъ въ потерѣ вѣры въ самого себя и въ полномъ презрѣніи къ жизни. Неудивительно поэтому, что характеръ лирики Лермонтова—меланхолическій.

Благородную душу поэта угнетаетъ сознаніе ненормальныхъ преимуществъ одного класса людей передъ другими. Условія жизни вызываютъ въ поэтѣ тоску и грусть; онъ признаетъ себя членомъ того общества, гдѣ большинство людей необразованные, безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ, безъ ясной цѣли въ жизни, постыдно - равнодушные къ добру и злу. Мрачная дѣйствительность заставляетъ поэта искать выходъ изъ повседневной пошлости и несправедливости. Самъ собою напрашивается вопросъ, куда же стремиться? гдѣ идеалъ? Но тутъ оказывается, что стремленіе къ лучшему въ понятіи у Лермонтова отличается неопредѣленностью и мы сами не можемъ рѣшить, въ чемъ именно состояло „чудное желаніе“ свѣтлой и отзывчивой души поэта. А между тѣмъ, въ сердце Лермонтова все сильнѣе закрадывается тоска. Подъ вліяніемъ мрачныхъ мыслей, онъ перестаетъ цѣнить даже благороднѣйшія движенія человѣческаго сердца, которыя скрашиваютъ и согрѣваютъ жизнь. Съ насмѣшкою смотритъ онъ на любовь, дружбу и желанія.

„И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить.. но кого-же? на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Лермонтовъ содрогается передъ пошлостью человѣческой натуры, передъ эфемерностью страстей, которыя одни могли бы дать содержаніе жизни.

„Въ себя-ли заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти? вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка!“

Поэтъ съ отчаяніемъ смотритъ на безотрадную дѣйствительность и въ немъ зарождается презрѣніе къ людямъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно...

Въ его душу пахнуло холодомъ отчаянія; онъ сомнѣвается, узнаетъ ли когда-нибудь назначеніе и смыслъ человѣческой жизни; боится, что цѣль человѣческаго бытія останется для него неразрѣшимой задачей. Будущее поэту рисуется въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ, безотраднымъ, безцѣльнымъ, безсмысленнымъ:

Гляжу на будущность съ боязью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной...
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей?
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Лермонтову кажется, что жизнь его увяла, не успѣвши расцвѣсть. Новая жизнь начинается безъ идеаловъ, безъ стремленій, съ мертвящей пустотой на душѣ:

И тьмой, и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

Изнывая душой, Лермонтовъ, тѣмъ не менѣе, ищетъ поддержки, сочувствія. Гордость не позволяетъ ему заискивать передъ толпой. Его мятежный духъ не знаетъ покоя. Онъ думаетъ сразиться грудью съ тревогой, чтобы дать содержаніе жизни, потому что:

„Такъ жизнь скучна, коль въ ней боренья нѣтъ".

Но утомленная въ борьбѣ душа поэта иногда жаждетъ покоя, даже смерти. Эту мысль Лермонтовъ развиваетъ въ стихотвореніи „Благодарность". Жутко, больно и страшно становится за измученную душу поэта. Только вопль истерзаннаго сердца могъ вылиться въ такомъ сарказмѣ. Въ этомъ стихотвореніи чувствуется озлобленіе, и съ горькой насмѣшкой поэтъ благодаритъ Творца за всѣ тѣ мученія, которыя онъ послалъ ему въ удѣлъ. Поэтъ проситъ смерти:

„За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ".

Еще опредѣленнѣе высказывается поэтъ въ стихотвореніи „Выхожу одинъ я на дорогу", гдѣ окончательно подтверждаетъ то, что онъ уже отжившій человѣкъ, что надежды на лучшее будущее разбиты, и что единственнымъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія можетъ быть смерть. Въ началѣ стихотворенія передъ взоромъ читателя открывается чудная картина природы:

„Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ“...

Поразительная панорама, казалось бы, должна была успокоить поэта, но оказывается душа его полна тревоги и разочарованія. Между тѣмъ онъ не жалѣетъ прошлаго и ничего не ждетъ хорошаго отъ жизни впереди. Съ тоскою Лермонтовъ замѣчаетъ какой-то внутренній разладъ вмѣсто желанной гармоніи и у него невольно вырывается стонъ:

Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?

Вѣдь отъ жизни онъ ничего не ждетъ, а прошлаго ему ничуть не жаль, и поэтъ диктуетъ свои условія, которыя могли бы его примирить съ жизнью:

„Я ищу свободы и покоя:
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,—
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ“.

Поэтъ требуетъ невозможнаго и отлично это понимаетъ, но онъ сознаетъ, что трудно избавиться отъ назойливой тоски, разочарованія, однимъ словомъ, отъ всего того, чѣмъ переполнена его душа.

Но уходя отъ людей, Лермонтовъ тѣмъ сильнѣе въ иныя минуты чувствовалъ себя одинокимъ. Въ глубинѣ своего сердца онъ, какъ человѣкъ съ высшими стремленіями, глубоко сознавалъ разладъ съ обществомъ и понималъ, что примиреніе съ толпой для него невозможно. Грустное чувство, возбуждаемое сознаніемъ своего одиночества, выразилось въ элегіи „Дубовый

листокъ оторвался отъ вѣтки родимой". Онъ приравниваетъ себя къ дубовому листку, который оторвался отъ родимой вѣтки и гонимый жестокой бурей унесся въ степь. Отъ холода, зноя и горя онъ засохъ и увялъ. До срока созрѣвшій и выросшій въ суровой отчизнѣ странникъ послѣ многихъ жизненныхъ испытаній ищетъ временнаго пріюта у чинары высокой и говоритъ:

„Я бѣдный листокъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой;

Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ,
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.
– На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара,
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтки раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море".

Элегіи являются преобладающею формою въ лирическихъ стихотвореніяхъ Лермонтова; онѣ проникнуты нѣжною, подчасъ щемящею сердце, грустью. Эту характерную черту русской поэзіи замѣчательно вѣрно подмѣтилъ Пушкинъ, когда писалъ:

„ . . . . . Всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой—
Пѣснь русская. Цвѣтная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ.
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ."

Слѣдуетъ, однако замѣтить, что лирика Пушкина, если и отличается задушевностью и искренностью выраженнаго въ

ней чувства, но по силѣ и яркости этого чувства уступаетъ значительно лирикѣ Лермонтова. У Пушкина всегда звучитъ нотка надежды, у Лермонтова очень часто слышится стонъ человѣка, дошедшаго до безысходнаго отчаянія.

Умиротворяющіе мотивы лирики Лермонтова.

Нельзя сказать, чтобы презрѣніе къ жизни и разочарованіе въ себѣ, въ окружающихъ, являлись исключительными мотивами лирическихъ произведеній Лермонтова. Иногда душу поэта охватываютъ мысли умиротворяющаго характера. Уже въ стихотвореніи „Ангелъ“ Лермонтовъ, какъ мы выше говорили, старается развить ту идею, что нѣтъ живой души, въ которую бы съ перваго же дня рожденія не были заложены благія, высшія стремленія. Поэтъ былъ убѣжденъ, что сама природа человѣка благородна, и ее нельзя удовлетворить одними земными благами, а удовлетвореніе свое она всегда будетъ искать въ идеальныхъ стремленіяхъ, всегда будетъ тосковать по „звукамъ небесъ“:

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна.
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Въ стихотвореніи „Когда-бъ въ покорности незнанья“, Лермонтовъ высказываетъ чувство восторженности передъ глубиною и благородствомъ человѣческой натуры. Поэтъ увѣренъ, что счастье возможно, что оно лежитъ внутри всякаго человѣка, что оно вытекаетъ изъ коренныхъ свойствъ человѣческаго сердца. Каждый человѣкъ долженъ стремиться къ какому-то возвышенному, дорогому идеалу, хоть послѣдній не пріобрѣлъ въ его сознаніи опредѣленныхъ формъ; человѣкъ

долженъ прямо итти къ достиженію какого-то идеальнаго совершенства и въ себѣ и въ окружающемъ его мірѣ. Творецъ не вложилъ бы въ нашу душу святое чувство — надежду, если-бъ она никогда и нигдѣ не осуществлялась:

Когда-бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимаго желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ-бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно было вѣчно знать.

Поиски идеала, достиженіе котораго подчасъ кажется невозможнымъ, доказываютъ, что человѣческой натурѣ свойственны возвышенныя чувства. Въ сознаніи благодарства человѣческой природы Лермонтовъ и находилъ въ себѣ силы для борьбы съ житейскими невзгодами, съ повседневною дѣйствительностью.

Лермонтовъ находитъ примиреніе съ жизнью и въ созерцаніи красотъ природы. Въ своемъ стихотвореніи „Когда волнуется желтѣющая нива“ поэтъ даетъ почувствовать, что созерцаніе мирной красоты сглаживаетъ въ душѣ человѣка всякій слѣдъ мучительной горечи сомнѣній и разочарованій.

Въ каждой былинкѣ, травкѣ, цвѣточкѣ человѣкъ видитъ проявленія невидимаго Бога; вся окружающая его пышная и богатая природа какъ бы живетъ и своимъ существованіемъ доказываетъ все величіе Творца. Этотъ взглядъ у Лермонтова не заходитъ такъ далеко какъ у гетевскаго Вертера: видъ той обстановки, которую Богъ создалъ для земной жизни человѣка, невольно наводитъ его на мысль, что счастье возможно на землѣ. Природа, какъ горячо любящая мать, принимаетъ поэта съ распростертыми объятьями, успокаиваетъ его измученную тревогами душу и, самое главное, открываетъ передъ его глазами великую книгу безконечной жизни, какъ неизсякаемый источникъ познанія Божества. Познавая Его въ видимыхъ земныхъ формахъ, поэтъ получаетъ возможность созерцать Бога и непо-

средственно. Онъ подымаетъ взоръ кверху, и тамъ ему открывается Божество, и онъ невольно восклицаетъ.

„И въ небесахъ я вижу Бога...“

Но почему только теперь онъ увидѣлъ Бога? Страсти, чувства желѣзною цѣпью приковывали поэта ко всему земному и не давали возможности возвыситься душою и пріобрѣсти должной чистоты. Лицо поэта было покрыто морщинами, которые свидѣтельствовали о его душевныхъ мученіяхъ, земныхъ думахъ; его душа была сжата тяжелой тревогой, сердце истерзано сомнѣніями, а при такихъ условьяхъ видѣть Бога было невозможно. Лермонтовъ эти мысли выразилъ слѣдующимъ образомъ:

„Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ - подъ куста мнѣ лапдышъ серебристый
Привѣтливо кивастъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой - то смутный сонъ.
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...“

Это дивное стихотвореніе можно раздѣлить на двѣ части. Въ первой изъ нихъ три картины. Прежде всего Лермонтовъ изображаетъ конецъ лѣта. Называя ниву „желтѣющей“, поэтъ напоминаетъ о знойныхъ дняхъ, когда свѣжій лѣсъ при легкомъ вѣтеркѣ заставляетъ читателя вспомнить то сладостное чувство успокоенія и отрады, которое такъ пріятно для всякаго человѣка, когда лѣтній зной принуждаетъ его искать спасенія въ тѣни лѣса. Въ такіе дни кажется, что и малиновая слива была бы рада успокоиться „подъ тѣнью сладостной листка“ Во второй картинѣ изображается весна, когда въ природѣ все

исполнено жизни и радости; вниманіе поэта привлекаетъ ландышъ серебристый, который, какъ кажется поэту, привѣтливо киваетъ головой. Изображеніе оврага составляетъ содержаніе третьей картины. По оврагу, какъ бы играя, течетъ студеный ключъ. Перебѣгая по камешкамъ, онъ погружаетъ мысль человѣка въ какой-то смутный сонъ. Кажется, будто этотъ ручеекъ разговариваетъ съ поэтомъ и своимъ шумомъ, полнымъ таинственности, напоминающей древнія сказанія, заставляетъ его забыть окружающее и мысленно перенестись въ другой далекій, но мирный край. Во второй части стихотворенія поэтъ рисуетъ свое душевное состояніе въ то время, когда онъ сближается съ природою: тревога и тоска не терзаютъ его душу, мрачныя мысли исчезаютъ, какъ дымъ, сердце его наполняется чувствомъ радости и спокойствія, у него является надежда на земное счастье, и вѣра въ Бога укрѣпляется.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что это стихотвореніе по своей внѣшней формѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли, которую Лермонтовъ развиваетъ въ немъ, причемъ мысль вполнѣ закончена со стороны содержанія и формы и является чуднымъ примѣромъ сложнаго временнаго періода.

Въ поискахъ за отголосками „звуковъ небесъ“ и образа Бога въ небесахъ, тоскующая душа человѣка находитъ успокоеніе въ религіозномъ чувствѣ. Особенно успокоительно дѣйствуетъ на поэта молитва. Она облегчаетъ душу, разсѣиваетъ сомнѣнія, муки, поддерживаетъ его духъ, даетъ новыя надежды:

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится-ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Поэтъ удивляется той могучей, свѣтлой силѣ, которая заключается въ живыхъ словахъ чудной молитвы, той непостижимой, глубокой прелести, которой она полна:

Есть сила благодатная
Въ созвучьяхъ словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.

Молитва облегчаетъ душу поэта, гонитъ прочь сомнѣнія, муки, пробуждаетъ въ немъ новыя надежды, свѣтлыя мысли:

Съ души какъ бремя скатится.
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Въ произведеніи своемъ „Молитва“ („Я, Матерь Божія“) въ высшей степени трогательно обращеніе поэта къ „теплой заступницѣ міра холоднаго“, которую поэтъ не за свою молитъ душу пустынную:

Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей спутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ-ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь-ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Въ стихотвореніи „Вѣтка Палестины“ поэтъ выражаетъ чувство „полнаго мира и отрады“ при видѣ пальмовой вѣтви, привезенной изъ Іерусалима. Воображеніе Лермонтова рисуетъ яркую картину Св. Земли. Одна за другою, характеристическими чертами мелькаютъ Ливанъ, Солимъ, Іорданъ, бѣдные туземцы и набожные богомольцы, пришельцы изъ далекихъ странъ.

Первоначальное случайное впечатлѣніе Лермонтова подъ конецъ стихотворенія развивается и крѣпнетъ въ глубоко религіозномъ чувствѣ. Имъ овладѣваетъ мирное настроеніе, онъ на время забываетъ всѣ житейскія треволненія, душа его умиляется... Полнота и искренность чувства такъ захватываютъ поэта, что онъ начинаетъ говорить не столько законченными фразами, сколько отдѣльными словами и восклицаніями:

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой!...

Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Доступная всему свѣтлому душа Лермонтова была не чужда религіознаго чувства, и въ иныя минуты, какъ мы это видѣли, онъ находилъ въ немъ успокоеніе...

Иногда Лермонтовъ изображаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ и такіе мотивы, которые показываютъ, что его душѣ не были чужды нѣжная любовь и сердечная теплота. Въ минуту душевнаго отчаянія у Лермонтова вырвался вопль, что „вѣчно любить невозможно“, но это ничуть не доказываетъ, что онъ не способенъ къ чувству глубокой любви и дружбы. Нѣжные звуки, хотя, правда, и не часто, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ поэта. Такъ, напр., большою душевною теплотою согрѣто стихотвореніе, посвященное „Памяти Одоевскаго“.

Одоевскій былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ друзей Лермонтова, передъ которыми душа поэта не пряталась подъ маскою холода и презрѣнія. Пріятели вмѣстѣ странствовали по Кавказу и „дѣлили тоску изгнанья“.

Въ 1838 году Лермонтовъ вернулся въ Петербургъ, а его другъ:

...не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

Немногими, но сильными штрихами Лермонтовъ рисуетъ свѣтлую личность своего друга, его надежды, вдохновенія, его возвышенные и чистые идеалы. Тонъ и чувство, съ которымъ авторъ изображаетъ Одоевскаго, служатъ доказательствомъ существованія въ Лермонтовѣ той свѣтлой, поэтической стороны, которую онъ таилъ про себя и такъ рѣдко проявлялъ даже передъ близкими друзьями.

Все стихотвореніе проникнуто любовью къ близкому человѣку, но особенно нѣжно звучатъ слѣдующіе четыре стиха:

Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!

Въ концѣ стихотворенія, въ обращеніи къ другу, поэтъ развертываетъ передъ читателями дивную картину Кавказа:

Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ, не умолкая.

Нужно замѣтить, что по нѣжности чувства и простотѣ его выраженія это стихотвореніе одно изъ лучшихъ во всей русской литературѣ.

Такимъ же характеромъ отличается стихотвореніе „Казачья колыбельная пѣсня“. Въ тихую, лунную ночь мать - казачка, усыпляя своего сына, напѣваетъ ему пѣсенку. Чудная ночь наводитъ на мать нѣкоторую грусть и мечтательность. Казачка невольно переносится душою къ мужу, котораго, можетъ быть, убиваетъ кинжаломъ злой чеченъ. Но она успокаиваетъ себя мыслью, что отецъ ребенка старый, закаленный въ бояхъ воинъ и не погибнетъ отъ руки чеченца. Затѣмъ мечты матери переносятся къ будущей судьбѣ ребенка - сына. Она какъ бы видитъ сына, собирающагося въ походъ. Сынъ смѣло вдѣваетъ ногу въ стремя, садится на расшитое ея руками сѣдло и беретъ въ руки ружье; она предвидитъ, что сынъ не пойметъ ея горя изъ-за разлуки съ нимъ; ей представляются тревожные моменты своего положенія: горькія слезы ночью, безутѣшное ожиданіе, молитвы, гаданье... Все стихотвореніе проникнуто тихою, святою, материнскою любовью. Это чуство составляетъ какъ-бы мотивъ цѣлаго даннаго произведенія. Критикъ Бѣлинскій по

поводу этого стихотворенія говоритъ такъ: „Колыбельная пѣсня“: „Ея идея — мать: но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать - козачка, и потому созерцаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и оттѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественный апоѳеозъ матери, все, что есть святаго, беззавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какою дышетъ любовь матери — все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ“.

Три пальмы.

Въ стихотвореніи „Три пальмы“ Лермонтовъ рядомъ чудныхъ образовъ старался доказать, что не слѣдуетъ роптать на Провидѣніе, а довольствоваться тѣмъ, что предназначено человѣку судьбою. Стихотвореніе состоитъ изъ двухъ частей и имѣетъ форму аллегорическаго разсказа, взятаго цѣликомъ изъ природы и жизни Востока.

Въ началѣ стихотворенія обрисовывается картина оазиса среди песчаныхъ степей аравійской земли: на немъ возвышаются три гордыя пальмы, между которыми пробивается журчащій ручеекъ, питающій ихъ корни своими холодными струями. Прошло много лѣтъ, и окруженныя пустыней пальмы уже начали старѣть. „И стали три пальмы на Бога роптать“ за свою судьбу:

„На то-ль мы родились, чтобъ увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ..
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ!..

Провидѣнье услышало ихъ жалобы и на ихъ гибели до-

казало, какъ опасно жаловаться на свой рокъ. Какъ только пальмы замолкли, въ дали голубой показалось сначала пятно, „звонковъ раздались нестройные звуки“, и затѣмъ запестрѣлъ рядъ навьюченныхъ верблюдовъ. Караванъ арабовъ, шумя, подходилъ къ оазису.

Вторая картина начинается радостью пальмъ, что наконецъ-то исполнилось ихъ желаніе и:

Гордо кивая мохнатой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей
И щедро поитъ ихъ студеный ручей,

но радость пальмъ была преждевременна, такъ какъ грубый эгоистическій человѣкъ въ оазисѣ видитъ только возможность удовлетворить вызванныя данною минутою потребности. Полнымъ разрушеніемъ, огнемъ да „пепломъ сѣдымъ и холоднымъ“ заплатилъ человѣкъ природѣ за ея всегдашнюю готовность „служить“ ему; за отрадный отдыхъ, за мирный гостепріимный ночлегъ.

Безотрадное, тяжелое впечатлѣніе производитъ паденіе подъ безпощадными ударами топора „питомцевъ столѣтій,“ которые такъ радушно привѣтствовали человѣка, исчезновеніе подъ палящими лучами тропическаго солнца и насыщеннаго пескомъ вѣтра „студенаго ручья“, щедро поившаго нежданныхъ гостей, и наконецъ полное уничтоженіе и превращеніе чуднаго оазиса въ дикую пустыню. На этой трагической, грустной картинѣ поэтъ, какъ нельзя болѣе кстати, оставляетъ преемникомъ эгоисту человѣку хищника - коршуна, терзающаго и щиплющаго свою добычу. Три пальмы были недовольны своимъ мирнымъ существованіемъ, онѣ стали роптать на Бога подобно тѣмъ людямъ, которые ничтожный блескъ сдѣлали для себя идеаломъ, и для которыхъ цѣль жизни — въ пустой суетѣ и въ удовлетвореніи своего мелочнаго эгоизма. Провидѣніе дало имъ немного жестокій урокъ, указавъ, что не слѣдуетъ роптать за свою долю на Бога.

Сущность байронической поэзіи и вліяніе ея на творчество Лермонтова.

Сильная, страстная и самобытная натура Байрона не могла ужиться въ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыхъ улеглась общественная жизнь Англіи конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Онъ заговорилъ противъ традицій, и общество его отвергло; онъ удалился на континентъ и отсюда затѣялъ борьбу съ обществомъ, полемику перомъ, которая была тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ нетерпимѣе было общество.

Протестъ Байрона направленъ не только на общественный бытъ, на понятія, нравы, взгляды, убѣжденія того слоя англійскаго общества, который задавалъ тонъ всей странѣ. Въ слѣпомъ гнѣвѣ, въ бѣшеномъ протестѣ Байронъ оправдывалъ даже то, что невозможно оправдать съ раціональной точки зрѣнія: какъ на зло всему благонамѣренному англійскому обществу, онъ идеализируетъ злодѣевъ и сорванцевъ.

Полемика противъ общественныхъ формъ—одна изъ наиболѣе любимыхъ темъ общей литературы конца XVIII и начала XIX вв.; у Байрона она значительно сильнѣе, неумолимѣе, чѣмъ у его собратьевъ по перу, нѣмцевъ и французовъ; въ этомъ протестѣ Байронъ доходитъ до безумныхъ, лихорадочныхъ заключеній, къ какому-то безграничному, всеобщему отрицанію всего и вся, которымъ проникнуты его Манфредъ и Донъ-Жуанъ. Такое произведеніе могло появиться только изъ-подъ пера англичанина, который вдосталь насмотрѣлся общественной лжи и безобразной ходячей морали; который присмотрѣлся къ гнету застоявшагося, богатаго, лицемѣрнаго и самодовольнаго общества.

Отъ отрицанія порочной, ходячей морали Байронъ перескакиваетъ къ отрицанію всякихъ вообще принциповъ общественной морали, къ отрицанію всякихъ вообще основъ, регулирующихъ отношенія частнаго лица къ обществу и обратно; Байронъ приходитъ къ слѣпому поклоненію индивидууму, къ культу личности, за которой признаетъ абсолютную свободу чувства,

мысли и дѣйствія; поэтому Байронъ является поэтомъ лица, отдѣльной личности, развернувшей свои гигантскія силы, бросающей проклятія на отвергшее ее общество и въ тоже время требующей отъ этого же самаго общества и отъ всего міра поклоненія, признанія великимъ, геніальнымъ человѣкомъ чуть ли не обожествленія. Убѣдившись въ своемъ значеніи, въ своемъ гигантскомъ превосходствѣ надъ толпой, поэтъ такъ увлекается самъ собой, своими интересами и страстями, придаетъ такое большое значеніе своимъ замысламъ и чувствамъ, что считаетъ себя въ высшей степени интереснымъ лицомъ для другихъ, достойнымъ изученья и поклоненія; онъ начинаетъ передъ этимъ обществомъ рисоваться, интересничать. Извѣстно изъ біографіи, что Байронъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ казаться несчастнымъ, чтобы заинтересовать людей, удивить ихъ исключительностью своей натуры, заставить ихъ заниматься имъ, его персоной. Съ этою цѣлью онъ нерѣдко взводилъ на себя какія - то тайныя, невѣдомыя, сверхъестественныя преступленія, особенные нечеловѣческіе пороки, подчеркивая этимъ свой индивидуализмъ, исключительность своей натуры.

Общество, дѣйствительно, заинтересовалось, повѣрило Байрону, заговорило о немъ, но извѣстно, къ какимъ результатамъ это привело въ его семейной и общественной жизни. Надо, однако, помнить, что Байронъ и на самомъ дѣлѣ скорбѣлъ искренно, но нерѣдко при этомъ и позировалъ своею скорбью, рисовался ею.

Такимъ образомъ, въ душѣ поэта уживались одновременно и настоящій міровой пессимизмъ и напускной. Этотъ именно послѣдній, т. е. напускной, сдѣлался модой и получилъ самое широкое распространеніе въ Россіи въ 20-хъ и 40-хъ годахъ, когда началъ скорбѣть всякій человѣкъ, желающій показаться интереснымъ и обратить на себя вниманіе общества. У насъ въ изобиліи появились блѣдные молодые люди съ озлобленнымъ мрачнымъ взоромъ, съ таинственною репутаціею непонятыхъ и неоцѣненныхъ людей, съ печатью роковыхъ пороковъ на челѣ. Особенно ихъ было много среди военной молодежи. Своимъ напускнымъ разочарованіемъ и меланхолическою рѣчью они силились прикрыть внутреннюю пустоту, свое духовное ничтожество, но обществу, а особенно его женской половинѣ, они

казались серіозными, интересными людьми съ глубокими мыслями и сильными чувствами.

Лордъ Байронъ, какъ уже было сказано, поэтъ преимущественно континентальный, такъ какъ онъ явился выразителемъ, главнымъ образомъ, міровой скорби всей Европы и въ наименьшей степени—англійской. Родное общество не поняло, не оцѣнило его, а отвергло, заклеймивъ прозвищемъ „сатанинскаго поэта", а его произведеніями зачитывалась вся Европа; они получили большое значеніе въ Германіи, Франціи, Польшѣ и Россіи. Пессимистическіе мотивы міровой скорби господствуютъ во всѣхъ его крупныхъ произведеніяхъ, но Байронъ - лирикъ, а потому въ его крупныхъ произведеніяхъ нѣтъ спокойнаго, ровнаго, объективнаго отношенія къ дѣйствительности; нѣтъ и объективнаго анализа человѣческихъ типовъ.

Байронъ — поэтъ своего собственнаго чувства и мысли; всѣ герои его произведеній представляютъ въ разнообразныхъ положеніяхъ одинъ и тотъ же типъ, именно — его самого, но дѣло въ томъ, что личность поэта была такъ грандіозна, была надѣлена такимъ изобиліемъ чувствъ, что ея одной хватило на нѣсколькихъ героевъ поэтическихъ произведеній. Съ другой стороны, рисуя свою личность, Байронъ рисовалъ вообще современнаго ему человѣка скорбника, потому что въ Европѣ пессимизмъ встрѣчался на каждомъ шагу, а въ Англіи — былъ исключеніемъ, случайностью. Поэтому въ Англіи Байрона тогда не понимали, а въ Европѣ понимали и зачитывались и подражали; потому - то Байронъ въ гораздо большей степени можетъ считаться общеміровымъ поэтомъ, чѣмъ англійскимъ. Итакъ, Байронъ поэтъ совершенно субъективный, поэтъ личности. До какихъ же размѣровъ доходитъ у него культъ личности? Личность совершенно отдѣляетъ себя отъ общества, рветъ съ обществомъ всякую связь, стоитъ особнякомъ, презираетъ окружающее, считаетъ людей стадомъ, признаетъ только самого себя; ей надоѣлъ весь міръ и личность проклинаетъ его; она отрицаетъ все, ни во что не вѣритъ, потому что—разочаровалась и въ своемъ слѣпомъ самомнѣніи считаетъ себя выше всего въ мірѣ. Манфредъ, напримѣръ, отрицаетъ науку, говоритъ, что наука не даетъ человѣку ничего; она суета, по его мнѣнію; религію и вѣру онъ тоже уже давно презираетъ и считаетъ ее еще боль-

шей суетой, чѣмъ науку; онѣ, по его словамъ, годятся глупому стаду. Итакъ, науки, религіи и вѣры Манфредъ не признаетъ, а Манфредъ есть часть самого Байрона. Спрашивается, что же остается такому человѣку, такой личности? Полное отчаяніе и стремленіе найти въ чемъ бы то ни было забвеніе этого отчаянія. Личность такая, бросается искать забвенія въ самыхъ страшныхъ порокахъ: пьянствѣ, развратѣ, лишь бы не чувствовать, не сознавать этого отчаянія, не сознавать самого себя. Если личность находитъ себѣ забвеніе въ этихъ порокахъ—пьянствѣ и развратѣ, то она гибнетъ въ нихъ, какъ естественная жертва этихъ пороковъ; если не находитъ —она отходитъ еще съ большимъ отчаяніемъ, и тогда ей остается одинъ выходъ—самоубійство, чѣмъ и кончаютъ обыкновенно такія личности.

Манфредъ тоже умираетъ въ полномъ отчаяніи, проклиная все. Отвергая науку, религію и вѣру, т. е. все, чѣмъ регулируются отношенія человѣка къ окружающему обществу и обратно, личности, подобныя героямъ Байрона и ему самому, естественно должны находиться въ разладѣ и въ полномъ разрывѣ со своимъ обществомъ. Такъ, дѣйствительно, дѣло и обстоитъ съ байроновскими героями: всѣ они являются изгнанниками, скитальцами, людьми непонятыми, отверженными; они враги общества, разбойники, корсары, измѣнники, убійцы, человѣконенавидцы; они презираютъ и ненавидятъ все и даже самихъ себя. Они находятся въ дружбѣ лишь съ природой, да и то—дикой природой, до которой не коснулась еще рука ненавистнаго человѣка и своимъ прикосновеніемъ не осквернила ея. Но почему съ природой они находятся въ дружбѣ? Потому, что она своею первобытною дикостью, своею безыскусственною красотою является противовѣсомъ культурѣ, презираемой ими, и культурному обществу, смѣшному и ненавистному въ ихъ глазахъ. На лонѣ дикой, суровой природы, гдѣ нѣтъ и слѣда ненавистнаго культурнаго человѣка, они ищутъ успокоенія и забвенія, и чѣмъ суровѣе, диче и недоступнѣе природа, тѣмъ она милѣе сердцу такихъ людей.

Лермонтовъ очень рано увлекся байроновскою поэзіей. Весьма возможно, что въ силу большого сходства поэтическихъ темпераментовъ, поэзія Байрона имѣла большое вліяніе на на-

шего великаго поэта, — на Лермонтова. Увлеченіе Байрономъ овладѣло Лермонтовымъ еще на школьной скамьѣ. Ученическія тетради Лермонтова, составляющія драгоцѣнный матеріалъ для его біографіи, наполнены подражаніями и передѣлками изъ разныхъ поэтовъ, между прочимъ, изъ Пушкина, Гете, Шиллера и Байрона. Сразу же бросается въ глаза, что вліяніе Байрона мало по малу дѣлается преобладающимъ. Прочитавъ біографію Байрона, 16-тилѣтній Лермонтовъ началъ бредить великимъ англійскимъ писателемъ:

Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки,
О, если-бъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ бой;
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслью одной:
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Увлеченіе Байрономъ продолжалось и впослѣдствіи; такъ большинство написаннаго Лермонтовымъ носитъ на себѣ печать генія Байрона. Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ справедливо замѣтилъ, что герои Байрона похожи всѣ на одно лицо, потому что онъ всюду изображалъ самого себя. Изъ произведеній Байрона Лермонтовъ извлекъ этотъ титанически-гордый, неукротимый и тоскующій характеръ и сдѣлалъ его подъ разными именами героемъ своихъ произведеній.

Вслѣдствіе большого сходства натуры Лермонтова съ Байрономъ, нѣкоторыя стороны байронизма, какъ то: отрицаніе, гордость возмутившейся противъ общества личности и меланхолія были прочувствованы Лермонтовымъ глубже, чѣмъ Пушкинымъ. Неудивительно, что Байронъ былъ въ полномъ смыслѣ слова «властителемъ его думъ»; поэтому Лермонтовъ является наиболѣе яркимъ представителемъ «байронизма» въ русской литературѣ.

Несмотря однакожъ на то, что вліяніе Байрона на Лер-

монтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слѣпымъ подражателемъ.

Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе. Масса лирическихъ стихотвореній свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ ростѣ его таланта. Подражая складу русскихъ народныхъ былинъ, онъ создаетъ дивную пѣсню про купца Калашникова: „Героемъ нашего времени“ онъ кладетъ основы русскаго психологическаго романа. Лермонтовъ, написавшій стихи „На смерть Пушкина“ уже не задумчивый юноша, а является поэтомъ русской мысли, русской безотрадной дѣйствительности и онъ былъ правъ сказать о себѣ:

Нѣтъ, я не Байронъ, — я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ
Но только съ русскою душой.

Произведенія Лермонтова, пріуроченныя къ историческимъ моментамъ жизни Россіи.

Уже въ первые дни своего поэтическаго творчества, среди разочарованія и рѣзкой, хотя и мѣткой сатиры, Лермонтовъ иногда обращался къ предметамъ русской народности, то современной то уже отжившей, исторической.

Тонъ стихотвореній съ этимъ содержаніемъ болѣе покойный, чѣмъ въ остальной его лирикѣ, а въ изображеніи событій много объективности и полноты. Нѣкоторыя стихотворенія, какъ напр. „Родина“, ясно указываютъ о поворотѣ мыслей и чувствъ поэта къ интересамъ жизни сельской, такъ сказать, народной. Этотъ поворотъ поэта отъ своего тѣснаго кружка къ народу, отъ вопросовъ общечеловѣческихъ къ національнымъ,

означалъ рѣшительный шагъ на пути къ полной зрѣлости таланта Лермонтова. Не даромъ критикъ Бѣлинскій, основываясь на послѣднихъ его произведеніяхъ съ національнымъ направленіемъ, указалъ, что Лермонтовъ погибъ въ то время, когда огромный его поэтическій талантъ только сталъ окончательно крѣпнуть: „Кипучая натура его начала устанавливаться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойно сталъ вглядываться въ глубъ жизни“.

Въ основѣ стихотворенія „Два великана“ лежитъ мысль объ исполинской борьбѣ Россіи съ полчищами Наполеона. Вообще же отечественная война и ея героп не одинъ разъ вдохновляли нашихъ поэтовъ.

Отголоскомъ на этотъ историческій моментъ въ жизни Россіи явилось стихотвореріе „Два великана“. Въ немъ отразилось то патріотическое воодушевленіе или, лучше сказать, патріотическій подъемъ духа русскаго народа, когда ему угрожалъ великанъ „изъ далекихъ чуждыхъ странъ“. Въ этомъ стихотвореніи Лермонтовъ принялъ нѣсколько задорный тонъ. Такъ, описывая нашествіе Наполеона поэтъ характеризуетъ его случайными и очень рѣзкими штрихами:

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Когда же поэтъ переходитъ къ описанію русскаго великана, стихотвореніе принимаетъ восторженный тонъ. Русскій витязь спокойно поджидаетъ своего соперника и на его вызовъ отвѣчаетъ „улыбкой роковою“; онъ посмотрѣлъ и такъ тряхнулъ головою, что дерзкій пришелецъ охнулъ и упалъ въ дальнее море

На невѣдомый гранитъ,
Тамъ гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

Между тѣмъ намъ извѣстно изъ исторіи, что борьба съ полчищами Наполеона, лучшими войсками въ мірѣ, была для

нашего отечества очень тяжела; и необходимо было напряженіе всѣхъ русскихъ силъ, чтобы изгнать „великую армію“.

Содержаніе стихотворенія „Бородино“ также относится къ исторіи отечественной войны 1812 г., но только мысль развита полнѣе.

Эта небольшая поэма отличается тою же величавою простотою и безыскусственностью рѣчи, хотя безъ народнаго размѣра, своеобразностью манеры, эпическимъ одушевленіемъ и торжественностью тона, наконецъ, силою энергіи и непреклонною рѣшимостью героя. Здѣсь предметъ разсказа стоитъ ярко: это не вся война, а только отдѣльный, хотя и главный моментъ ея — Бородинскій бой.

Въ стихотвореніи „Бородино“ особенно хорошъ типъ стараго ветерана „великой годины“, представителя длиннаго ряда „чудо-богатырей“, спокойно глядящаго въ глаза смерти, тѣшившагося войною и ея опасностями и готоваго сложить голову за родину. Передъ глазами читателя окрывается картина, гдѣ свободно, съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ и даже, пожалуй, торжественностью, ветеранъ-солдатъ даетъ на все полный и живой отвѣтъ; онъ въ глубоко простодушной, но полной силы и поэзіи рѣчи этого старика-солдата, проникнутой всенародной мыслью и общерусскимъ чувствомъ, высказалъ правдивую оцѣнку врага, полный сознанія отзывъ о собственной и своихъ товарищей стойкости и самоотверженіи, безпредѣльную преданность родинѣ и непоколебимую, смиренную вѣру въ неисповѣдимыя пути „Господней воли“:

„Не будь на то Господня воля
Не отдали бъ Москвы.

Въ стихотвореніи „Бородино“ старикъ, участникъ Бородинской битвы, ведетъ разговоръ съ молодымъ солдатомъ. Молодому воину-патріоту хочется успокоить свое недоумѣніе, твердо увѣриться въ томъ, что онъ чувствуетъ сердцемъ—въ томъ, что:

не даромъ
Москва спаленная пожаромъ
Французу отдана.

Ветеранъ успокаиваетъ его и изображаетъ различные мо-

менты бородинскаго боя. Сначала онъ разсказываетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали сраженію; объ отступленіи русскихъ войскъ, о ворчаніи солдатъ-стариковъ на медлительность полководцевъ.

Далѣе идетъ разсказъ о выборѣ мѣста для сраженія, о двухдневной перестрѣлкѣ, которая не удовлетворяла нашихъ солдатъ, съ нетерпѣніемъ ждавшихъ боя.

Наконецъ ветеранъ переходитъ къ разсказу о самой битвѣ; онъ описываетъ положеніе обоихъ лагерей, клятву солдатъ, данную полковнику,— умереть, но не уступать Москвы непріятелю, яркими красками рисуетъ кровопролитіе и ужасъ битвы, когда непріятель двигался, какъ туча, когда кругомъ земля тряслась отъ движенія войскъ и пущенной пальбы.

Разсказъ объ отступленіи басурмановъ солдатъ заключаетъ разсказомъ о своихъ сподвижникахъ-богатыряхъ.

Въ стихотвореніи «Бородино» читатель видитъ передъ собою живую, трогательную, вѣрную дѣйствительности картину изъ времени отечественной войны. Простота рѣчи стараго солдата ни капли не мѣшаетъ ей быть въ то время сильною, благородною рѣчью, полною поэтическаго воодушевленія. Въ стихотвореніи „Бородино“ авторъ хотѣлъ выразить глубокое уваженіе къ памяти героевъ отечественной войны и дать почувствовать, что память о нихъ не умретъ, а напротивъ въ душѣ потомковъ оставитъ живой, неизгладимый слѣдъ:

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя,
Богатыри — не вы!

Надо отдать справедливость, что поэтъ чудно справился со своей задачей. Старикъ-солдатъ является типомъ русскаго солдата со всѣми характерными чертами этого разряда русскихъ людей; покорность волѣ Божьей, беззавѣтная любовь къ родинѣ, отчаянная храбрость, шутливость и юморъ въ минуты самой страшной опасности. Самый складъ рѣчи солдата полонъ простоты и безыскусственности, пересыпанныхъ своеобразными выраженіями, свойственными народному русскому языку, какъ на-

примѣръ: „полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ“, „у нашихъ ушки на макушкѣ“, „пойдемъ ломить стѣною“ и т. п.

Прославляя „чудо-богатырей“, гордость и славу русскаго народа и найдя сильныхъ и здоровыхъ людей въ народной массѣ, поэтъ могъ уже не отчаиваться за будущее своего отечества. Стихотвореніе „Споръ“ и указываетъ на эту вѣру поэта въ современныя ему силы.

Главнымъ мотивомъ стихотворенія „Споръ“ является историческое событіе, именно покореніе Кавказа русскими. Лермонтовъ въ этомъ произведеніи доказываетъ мысль, что Россія призвана не только покорить Кавказъ, но и водворить тамъ европейское просвѣщеніе, правильную промышленность и торговлю, порядокъ и гражданственность. Эта основная идея выражена поэтомъ аллегорически и развита съ замѣчательнымъ художествомъ и законченностью. Олицетвореніе Шатъ-горы (Эльбруса) и Казбека и разговоръ ихъ очень оживляютъ изложеніе, дѣлаютъ его болѣе интереснымъ. Въ разговорѣ намѣчены, какъ бы мимоходомъ, тѣ черты, которыя указываютъ уже на начала европейской гражданственности и промышленности въ тѣхъ мѣстахъ Кавказа, куда недавно еще не смѣлъ пробиться человѣкъ, „гдѣ носились лишь туманы и цари-орлы“. Сѣдовласый Шатъ предсказываетъ Казбеку, что онъ долженъ покориться человѣчу, и что ему угрожаетъ опасность со стороны многолюднаго и могучаго Востока. Но Казбекъ не боится Востока и рисуетъ картину жизни восточныхъ народовъ, гдѣ „родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ девятый вѣкъ“ и нѣтъ надежды на пробужденіе. Благодаря его изнѣженности и беззаботности съ полною убѣжденностію восклицаетъ: „нѣтъ! не дряхлому Востоку покорить меня!“ Тогда старый Шатъ указываетъ Казбеку на опасность съ сѣвера:

Казбекъ видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.

Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки.

. . . . . .

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно медленно, какъ тучи,
Прямо на востокъ.

Въ этой грозной картинѣ выставлено начало русскаго движенія, стройнаго, неудержимаго, какъ горный потокъ, неотразимаго, какъ туча, съ сѣвера на востокъ. Это движеніе, какъ предсказалъ поэтъ, поглотило воинственный Кавказъ.

Роскошный по своимъ красотамъ природы и богатству естественныхъ произведеній Кавказъ постепенно усвоиваетъ все хорошее изъ европейской цивилизаціи. Жители бросаютъ дико-воинственный образъ житни, привыкаютъ къ земледѣльческому быту. Правда, туманы и цари - орлы по прежнему носятся надъ скалами, но и „караваны“ и желѣзныя дороги проходятъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде что - нибудь подобное казалось невозможнымъ. Въ послѣдней части Лермонтовъ изображаетъ, какъ Казбекъ, не въ силахъ будучи сосчитать враговъ и предчувствуя бѣду, окидываетъ взоромъ племя горъ своихъ и на вѣки затихаетъ.

Во всѣхъ разнобранныхъ стихотвореніяхъ чувствуется любовь Лермонтова къ родинѣ, его глубокая вѣра въ славное будущее Россіи; но всѣ эти произведенія пріурочены къ тому или иному моменту исторической жизни нашего отечества, между тѣмъ имъ было создано и такое произведеніе, въ основѣ котораго лежитъ чувство любви къ родинѣ, любви живой, искренней, неотразимой, безъ всякихъ объясненій причинъ. Въ стихотвореніи „Родина“ поэтъ старается хоть сколько - нибудь разобраться въ чувствѣ любви къ отчизнѣ.

Лермонтовъ любитъ родину, но странною любовью его влечетъ къ отечеству не слава, купленная кровью, не завѣтныя преданія старины, не горделивое сознаніе своихъ силъ, но безграничный просторъ лѣсовъ, степей, полей, разливы рѣкъ „подобные морямъ, нивы и деревни, сельская простая жизнь изъ края въ край въ Россіи, безпрерывный трудъ крестьянъ, съ рѣдкимъ неизысканнымъ весельемъ.

Но я люблю
Ея полей холодное молчанье,

Ея лѣсовъ дремучихъ колыханіе,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ,
И взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ,
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Картины сельской жизни поэтъ рисуетъ немногими, но правдивыми чертами. Онъ не прикрашиваетъ дѣйствительности. Читаешь и, какъ будто, видишь бѣдное населеніе Россіи, далеко разбросанныя другъ отъ друга „печальныя“ деревни, испытываешь неудобство проселочныхъ дорогъ, заглядываешь въ незатѣйливое хозяйство и простое житье крестьянское. Между тѣмъ тонъ стихотворенія „Родина“ таковъ, что ободряетъ и успокаиваетъ читателя. Въ этомъ просторѣ, въ простотѣ сельской жизни, какъ бы, чувствуется залогъ чистоты нравовъ и широкаго развитія всякаго рода дарованій. Въ стихотвореніи „Родина“, замѣтна горячая любовь и уваженіе автора къ жизни крестьянъ, это живо напоминаетъ полныя правды произведенія безыскусственной народной поэзіи.

ПОЭМЫ.

Измаилъ-Бей.

Содержаніе.

Созданіе поэмы „Измаилъ-Бей“ относится къ 1832 году. Оно, какъ изданіе многихъ другихъ поэмъ, явилось плодомъ впечатлѣній, навѣянныхъ природой и жизнью Кавказа, легендъ и всякихъ сказаній, слышанныхъ авторомъ отъ горцевъ. Поэма состоитъ изъ короткаго посвященія, трехъ частей и заключенія.

Трудно опредѣлить, къ кому именно авторъ относитъ свое посвященіе. Оно по содержанію довольно туманно, авторъ обращается и къ „птичкѣ рая,“ и къ „звѣздѣ любви“, называя ее „товарищемъ суровыхъ бурь“. Посвященіе это содержитъ всего лишь двадцать строкъ, и авторъ переходитъ къ самому разсказу.

Первыя строки онъ посвящаетъ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о природѣ Кавказа, о племенахъ, его населяющихъ, о ихъ нравахъ и обычаяхъ, безумной отвагѣ и гостепріимствѣ. Во время своихъ путешествій по Кавказу авторъ познакомился съ какимъ-то старикомъ чеченцемъ; отъ этого старика автору случилось слышать разсказъ, который онъ выдумалъ перенести „на сѣверъ дальній“, т. е. передать его русскими стихами для русской публики. Разсказъ этотъ, по замѣчанію автора, „то бурный, то печальный“.

Давно, еще въ то время, когда вершины горныя, вершины Кавказа „еще не знали ни золота, ни русской стали“ на берегу Подкумка были разбросаны цвѣтущіе аулы, и населяющіе ихъ горцы благоденствовали со своими черноокими красавицами. Но

все проходитъ на этомъ свѣтѣ. Миновали и золотые дни чеченцевъ. Съ сѣвера несокрушимой и неудержимой лавиной надвигались русскія войска и колонисты, а свободолюбивые и независимые горцы ни за что не хотѣли имъ подчиниться, принять чуждую культуру и разстаться съ милой ихъ сердцу стариной. Они предпочитали покинуть могилы предковъ и переселиться на новыя мѣста, но русскіе все надвигались. Взаимная вражда и ненависть росли съ каждымъ пораженіемъ, съ каждымъ шагомъ отнятой земли. Горцы, доведенные до отчаянія, подняли знамя священной войны противъ русскихъ подъ предводительствомъ знаменитаго горца за независимость родины, князя Росламбека, героя многихъ легендъ и пѣсенъ.

Въ этотъ самый годъ, осенью по горной тропинкѣ подвигался на конѣ всадникъ въ костюмѣ чеченца. Онъ съ удивленіемъ озирался по сторонамъ. Тамъ, гдѣ всадникъ ожидалъ увидѣть родной аулъ, онъ видитъ груду развалинъ, заростающихъ лѣсомъ. Горецъ догадался, что это и есть мѣсто, гдѣ стоялъ его родной аулъ, въ которомъ провелъ онъ первые годы своего счастливаго беззаботнаго дѣтства. Онъ не можетъ не вѣрить своимъ глазамъ. Въ это время въ кустахъ раздался выстрѣлъ, и изъ чащи вышелъ казакъ съ убитымъ фазаномъ. Всадникъ на чистомъ русскомъ языкѣ обратился къ нему съ вопросомъ, что представляютъ собой эти развалины, и получилъ подтвержденіе своихъ догадокъ относительно участи родного аула. Въ голосѣ и словахъ казака всаднику послышался торжествующе-насмѣшливый тонъ побѣдителя. Блеснула шашка въ рукѣ горца, и безпечный покоритель горныхъ ауловъ-казакъ лежалъ на землѣ въ видѣ бездыханнаго трупа. Это былъ первый актъ мщенія со стороны горца надменнымъ покорителямъ. Кто же онъ такой? Всадникъ съ поникшей головой ѣдетъ прочь отъ этого печальнаго мѣста въ самую глубину горъ.

„Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ —
Все уничтожилъ русскій воинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ наученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей,
И такъ отмститъ за униженье
Любезной родины своей.
Я знаю васъ, — онъ шепчетъ, — знаю!
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня...“

Изъ этой выдержки можно заключить, что всадникъ не всегда былъ ненавистникомъ и врагомъ русскихъ: проливать ихъ кровь и воздвигнуть изъ ихъ костей мавзолей онъ пожелалъ всего лишь „съ нынѣшняго дня“, т. е. съ того момента, когда убѣдился, что его родной аулъ разоренъ руками русскихъ. Онъ знаетъ ихъ давно и давно презираетъ. Оказывается, дѣйствительно, вскорѣ, что всадникъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ увлеченъ на сѣверъ, т. е. еще ребенкомъ попалъ въ руки русскихъ, получилъ воспитаніе въ ихъ средѣ, узналъ хорошо культурную жизнь, но не забылъ своей родины. Пребываніе въ средѣ русскихъ научило его презирать ихъ нравы и условія ихъ жизни. По натурѣ своей онъ остался дикаремъ и не усвоилъ себѣ того, чѣмъ жили всѣ въ этой средѣ. Онъ вернулся на родину, на лоно дикой нетронутой природы Кавказа, думая тутъ найти себѣ счастье или, покрайней мѣрѣ, успокоеніе. Вмѣсто родныхъ ауловъ онъ нашелъ однѣ развалины. Не долго думая, путникъ пускается дальше и ночуетъ въ уединенной саклѣ старика-горца; у него три сына и красавица дочь—Зара. Вся семья живетъ грабежами и пылаетъ ненавистью къ русскимъ. Всадникъ, отдыхая въ гостепріимной саклѣ старика, невольно засмотрѣлся на красавицу Зару; въ немъ вспыхнули угасшія мечты и надежды на личное счастье съ любимой женщиной. Между тѣмъ поведеніе Зары явно обнаруживаетъ, что она заинтересована путникомъ и поддается дѣйствію его красоты, смѣлости и равнодушія ко всему, но путникъ, замѣтивъ въ ней зарождающуюся любовь, думаетъ про себя, что выборъ дѣвушки плохъ, что она не знаетъ, кто онъ такой. Онъ говоритъ про себя такъ:

„Еще не знаешь ты, кто я —
..... нѣтъ не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобою
Хранитель, вѣрно, неземной;
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цѣловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?"

Оказывается, что путникъ не находитъ въ своей душѣ силы откликнуться на любовь прекрасной Зары. Наступаетъ утро. Путникъ благодаритъ за пріемъ гостепріимнаго старика и выходитъ на дворъ, гдѣ Зара держитъ за узду уже вполнѣ осѣланнаго коня. Она умоляетъ его остаться тутъ съ нею, обѣщаетъ ему свою любовь, свою жизнь. Эта страстная рѣчь трогаетъ сердце всадника, но, собравшись съ силами, онъ отвѣчаетъ такъ:

„Скажи, чего ты хочешь — слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда - то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
Не не рѣшусь судьбы мятежной
Соединить съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что меня, хоть малость, любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ;
Щадить — мнѣ власти не дано...
И не простого человѣка,
Хотя въ одеждѣ я простой,
Утѣшься, Зара, предъ собою,
Ты видишь брата Росламбека.
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ.... Прости, прости!....."

Съ этими словами всадникъ ускакалъ, оставивъ опечаленную Зару стоять окаменѣлой на мѣстѣ.

Этимъ заканчивается первая часть поэмы. Во второй ча-

сти изображается коварная политика владѣтельнаго князя Росламбека, который послѣ того, какъ его старшій братъ, Измаилъ-бей, былъ посланъ покойнымъ горцемъ въ страну русскихъ изучить ихъ нравы и пріемы войны и пропалъ безъ вѣсти, самовластно правилъ надъ горцами, держась чисто восточной политики и по отношенію къ своимъ и къ врагамъ. Онъ:

„Склонялся передъ русскими смиренно;
А между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разорялъ во тьмѣ ночной;
И возвратясь въ аулъ на пиръ кровавый,
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы".

Относительно своего народа Росламбекъ думалъ:

„Народъ - ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покупайся вырвать, но украдь".

Въ отсутствіе своего брата Измаила, о которомъ всѣ вспоминали и жалѣли его, Росламбекъ подготовилъ уже сильное народное возстаніе противъ русскихъ. Наступаетъ великій праздникъ священнаго Байрама, послѣ котораго назначенъ походъ. Въ самый разгаръ торжествъ появляется знакомый намъ всадникъ, и всѣ собравшіеся узнаютъ своего героя, пропавшаго Измаила. Росламбекъ долженъ былъ, подчиняясь народному энтузіазму, уступить первенство Измаилу. Тайная досада съѣдаетъ его душу, но онъ скрываетъ это и молчитъ. Начинается походъ. Ожидается серіозная встрѣча съ врагомъ, по поводу которой устраивается совѣтъ военачальниковъ; во главѣ его, разумѣется, стоятъ Измаилъ и Росламбекъ. Мнѣнія выражаются ими противоположныя: коварный Росламбекъ стоитъ за неожиданное ночное нападеніе изъ засады; оно обѣщаетъ полный успѣхъ. Прямой и отважный Измаилъ противится этому. Ему по душѣ открытая встрѣча съ врагомъ, грудь съ грудью. Измаилъ отдѣляется отъ войска и уходитъ прочь. На горѣ Шайтанѣ мрачный и ожесточенный лежитъ онъ одинъ возлѣ небольшого костра и дожидается утра. Слышенъ шорохъ, и изъ

кустовъ показывается фигура русскаго офицера: онъ отошелъ отъ русскаго стана, заблудился въ горныхъ ущельяхъ и наткнулся на костеръ Измаила; за нимъ мчались черкесы, которые перебили сопровождавшихъ его казаковъ; однако онъ ввѣряетъ свою жизнь чести Измаила и получаетъ отъ послѣдняго въ отвѣтъ:

„Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь—садись и грѣйся".

Между ними завязывается дружескій разговоръ. На вопросъ Измаила, не жажда ли славы привела русскаго офицера на бранный Кавказъ, послѣдній отвѣчаетъ, что имъ руководитъ жажда мести. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у него была невѣста. Все уже было готово къ счастливой свадьбѣ, но ему пришлось отправиться въ походъ и оставить на время свою невѣсту. Во время его отсутствія дѣвушка встрѣтилась съ красавцемъ горцемъ Измаиломъ-беемъ, который тогда пребывалъ въ Россіи, была увлечена имъ, обезчещена и брошена, когда у Измаила прошелъ любовный пылъ. Бѣдная дѣвушка сошла съ ума. Женихъ возвратился и, узнавъ объ этомъ, далъ клятву разыскать оскорбителя своей невѣсты и отомстить ему надлежащимъ образомъ. Вотъ эта-то жажда мести привела русскаго офицера на Кавказъ, такъ какъ онъ знаетъ, что Измаилъ-бей вернулся изъ Россіи къ своимъ роднымъ племенамъ.

Измаилъ-бей спокойно выслушалъ разсказъ своего знакомца; онъ ни однимъ движеніемъ лица или глазъ не выдалъ себя. Онъ проводилъ офицера почти вплоть до русскихъ палатокъ, остановился на опушкѣ лѣса и произнесъ офицеру:

Прощай! ты можешь безопасно
Теперь итти въ шатры свои.
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Страшись; быть можетъ,
Раскаяніе прибавишь къ ней.
Болѣзни этой не поможетъ
Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
Ты губишь прелесть юныхъ дней

Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ,
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри-жъ: онъ здѣсь передъ тобой!"

Не дожидаясь отвѣта изумленнаго офицера, Измаилъ спокойно повернулся и медленно, не оборачиваясь, скрылся въ чащѣ лѣса.

Наступило утро. Горсть джигитовъ, не желавшихъ подчиниться Росламбеку, подъ предводительствомъ Измаила, готовилась вступить въ бой съ русскимъ отрядомъ. Всѣ молча сидѣли возлѣ тлѣющихъ костровъ, ожидая появленія Измаила. Въ сторонѣ ото всѣхъ стоялъ молодой черкесъ съ дѣвичьими чертами лица. Онъ нѣжными руками держалъ въ поводу коня. Взоръ его былъ устремленъ съ ожиданіемъ въ ту сторону, откуда ожидался Измаилъ. Юный черкесъ назывался Селимъ. Никто не зналъ, откуда онъ, и каково его прошлое. Онъ старался не разговаривать, чтобы звукомъ голоса не выдать тайны своего пола.

Третья часть поэмы изображаетъ разгаръ возстанія горныхъ племенъ. Аулы горятъ, битва смѣняется битвой. Измаилъ жестоко мститъ русскимъ за порабощеніе своей родины, но постепенно сподвижниковъ у него остается все меньше и меньше. Около него неизмѣнно находится юный Селимъ. Онъ не отстаетъ въ битвахъ и походахъ отъ своего вождя, видъ котораго придаетъ юношѣ бодрость и счастье. Однажды, преслѣдуемый врагами, Измаилъ въ сопровожденіи Селима скрылся въ глухой пещерѣ. Утомленный долгими скитаніями, Селимъ положилъ нечаянно голову на колѣни вождя и задремалъ чуткимъ, неспокойнымъ сномъ. Изъ устъ спящаго вырывались различныя горестныя восклицанія, полныя тоски и безнадежной любви. Измаилъ понялъ тогда, кто такой Селимъ, его вѣрный спутникъ. Онъ разбудилъ Селима, но не показалъ и виду, что проникъ въ его тайну. Въ это время приближаются джигиты и сообщаютъ, что вблизи находится отрядъ русскихъ войскъ. Измаилъ приказываетъ приготовиться къ нападенію,

а Селиму говоритъ, чтобъ онъ не принималъ участья въ битвѣ, щадя свою молодость и красоту. Селимъ гордо отвѣтилъ, что онъ никогда не разстанется съ Измаиломъ:

„Нѣтъ, говоритъ онъ: я повсюду
Въ изгнаньи, въ битвѣ спутникъ твой;
Нѣтъ! клятвы я не позабуду —
Угаснуть или жить съ тобой

. . . . . .

. . . . . .

И что мнѣ смерть! О, нѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ,
Но не оставлю Измаила!“

Измаилъ молча протянулъ Селиму руку. Всѣ приготовленія къ битвѣ уже окончены. Селимъ поетъ боевую пѣсню, воодушевляющую фанатичныхъ джигитовъ. Смыслъ ея таковъ, что человѣкъ, вѣрный въ любви, хоть и погибнетъ въ битвѣ, все же не будетъ оставленъ любимымъ человѣкомъ; человѣкъ, измѣнявшій въ любви, погибнетъ безъ славы, „дожди его ранъ не обмоютъ, и звѣри костей не зароютъ“. Смыслъ этой пѣсни понятенъ былъ только Измаилу. Желая доказать противное, онъ вскакиваетъ на коня и подаетъ сигналъ къ выступленію. Всадники пускаются горными тропинками и къ утру уже были возлѣ русскихъ шатровъ. Закипаетъ бой. Съ той и другой стороны падаютъ убитые. Измаилъ-бей бьется впереди всѣхъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Онъ не знаетъ страха и усталости. Среди русскихъ рядовъ выдѣляется храбростью и какою-то бѣшенною неутомимостью какой-то офицеръ. Онъ видимо ищетъ случая столкнуться съ Измаиломъ. Послѣдній, дѣйствительно, въ пылу битвы встрѣтился съ нимъ и узналъ въ немъ жениха обманутой имъ дѣвушки, съ которымъ когда-то разговаривалъ при свѣтѣ костра. Блеснула шашка въ рукѣ Измаила, и обезглавленный трупъ русскаго офицера, не успѣвшаго отомстить своему оскорбителю, валялся у ногъ Измаила. Бой кипитъ, но къ русскимъ подходитъ подмога, и черкесы раз-

биты; одинъ Измаилъ не покидаетъ поля сраженія. Въ это время около него появляется вѣрный Селимъ и насильно за поводья выводитъ коня и полуживаго Измаила изъ сѣчи. Съ опасностью для жизни вѣрный Селимъ спасаетъ Измаила отъ погони. Въ безопасномъ мѣстѣ онъ укрылъ Измаила. Послѣдній очнулся, узналъ въ своемъ вѣрномъ спутникѣ влюбленную Зару и понялъ, что послѣдняя въ мужскомъ костюмѣ слѣдовала повсюду за нимъ, не будучи въ состояніи преодолѣть своего чувства. Настойчивая Зара добилась своего: любви Измаила. Ея любовь, преданность и настойчивость побѣдили его холодность и равнодушіе. Для нея наступила пора счастья. Долго ли это продолжалось, никто не знаетъ; прошло два года. Война съ русскими продолжала пылать. Измаилъ уже безъ Селима совершалъ свои ратные подвиги; куда дѣлся послѣдній, — никто не осмѣливался спросить мрачнаго Измаила. Однажды послѣдній отдыхалъ на вершинѣ холма, находясь внѣ опасности отъ русскихъ штыковъ и пуль. Съ нимъ было нѣсколько вѣрныхъ узденей. Вдругъ неожиданно грянулъ изъ кустовъ выстрѣлъ, и Измаилъ упалъ мертвымъ. Оказалось, что роковой предательскій выстрѣлъ былъ сдѣланъ братомъ Измаила—Росламбекомъ, который изъ зависти не могъ снести популярности подвиговъ брата и рѣшилъ убить его. Уздени бросились къ Измаилу, обнажили грудь и въ ужасѣ отшатнулись: на его груди, пронзенной предательской пулей, виднѣлся ненавистный имъ христіанскій символъ—крестъ. Джигиты назвали убитаго Измаила проклятымъ гяуромъ и оставили его тѣло на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и птицамъ.

Предсказаніе вѣрнаго Селима, въ пропѣтой имъ передъ боемъ пѣснѣ, — исполнилось: измѣнившій въ любви погибнетъ безъ славы, и кости его не будутъ преданы честному погребенію.

Характеристика Измаила-бея.

Характерною чертою въ изображеніи Измаила-бея является злой рокъ, который повсюду и при всякихъ условіяхъ преслѣдуетъ этого человѣка.

Измаилъ только первые дѣтскіе годы провелъ на родинѣ, окруженный высокими вершинами Кавказа; все остальное время онъ провелъ въ Россіи, гдѣ выросъ, получилъ воспитаніе и, вѣроятно, нѣкоторое образованіе и даже принялъ христіанство. Въ поэмѣ имѣется достаточно указаній на то, чтобы предположить, что въ Россіи Измаилъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ, особенно у женщинъ. Особенной цѣны, однако, этому успѣху онъ не придавалъ. Напротивъ, это еще больше увеличивало его презрѣніе къ русскимъ: легкій и, быть можетъ, не всегда заслуженный успѣхъ давалъ Измаилу нѣкоторое право на это. Усвоивъ себѣ по внѣшности привычки культурнаго человѣка, Измаилъ, однако, не переставалъ быть свободолюбивымъ горцемъ, по своему понимающимъ честь своей родины и ея благо; послѣднее онъ видѣлъ въ непримиримой борьбѣ за ея политическую независимость, первое же — въ кровавыхъ схваткахъ грудь съ грудью съ врагомъ. Другой борьбы онъ не понималъ и не признавалъ.

Образъ Измаила бея взятъ Лермонтовымъ не изъ европейскаго міра; подобно многимъ героямъ Байрона онъ отрѣшается отъ культурнаго европейскаго общества, но изъ подъ одежды воинственнаго черкеса все же проглядываетъ знакомый намъ обликъ разочарованнаго европейца, созданный именно въ духѣ героевъ Байрона. Въ Измаилѣ заключается что-то роковое, что кладетъ рѣзкій отпечатокъ на него и отличаетъ отъ другихъ людей: отношеніе его къ другимъ людямъ, вліяніе, которое онъ производитъ на всѣхъ и на все, съ чѣмъ соприкасается, — чисто фантастическаго характера; въ нихъ чувствуется элементъ рока. Измаилъ самъ отлично это сознаетъ и неоднократно высказываетъ другимъ. По поводу сближенія своего съ людьми, которое не обходится имъ даромъ, онъ горестно восклицаетъ, прощаясь съ Зарой, что „все любящее его увлечено за нимъ вослѣдъ, что его дыханіе губитъ радость, что онъ не властенъ щадить“. Принося, однако, невольныя жертвы себѣ, какъ человѣку, избранному для того рокомъ, онъ и самъ является жертвою судьбы.

Бываютъ люди: чувства — имъ страданья;
Прпчуда злой судьбы — ихъ бытіе.

Отъ фатализма рождается въ душѣ Измаила холодное спокойствіе; онъ знаетъ, что положеннаго предѣла переступить нельзя, что людская вражда не постигаетъ главы, постигнутой уже рокомъ, который не щадитъ своихъ жертвъ. Но этому мужу судьбы природа дала непобѣдимый умъ, окрѣпшій въ борьбѣ; при немъ всегда насторожѣ гордая мысль и холодъ сомнѣній; онъ не желаетъ ни позабыть, ни усладить страданій; онъ мечтаетъ только побѣдить, хотя побѣдить не можетъ.

Но здѣсь снова возникаетъ вопросъ: отчего эти страданія? какая причина грусти этого жестокаго властелина людей, въ такомъ человѣкѣ, каковъ Измаилъ? Правда, онъ созданъ для великихъ страданій; но все имъ испытанное—враги, друзья, изгнанье не могли осудить его на тѣ страданія, которыя являются на вершинѣ утонченной европейской цивилизаціи, не могли привести его ни къ анализу, ни къ сомнѣнью, этому лютому врагу людей. Вопросъ, нами предложенный, снова остается безъ отвѣта. Для объясненія его не имѣется почти никакихъ данныхъ, кромѣ одного: юный лѣтами Измаилъ старъ опытомъ:

Старикъ для чувствъ и наслажденія,
Безъ сѣдины между волосъ;

сердце его сдѣлалось мертвымъ; на душѣ лежитъ бремя тяжелыхъ думъ; уста привыкли къ проклятію; онъ лишній между людьми. Измаилъ — „для великихъ созданъ былъ страстей и обладалъ пылающей душой“, но рано разочаровался въ жизни:

. . . . . и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему.
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ.
Гдѣ радость и печаль — все призракъ ложный,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ. .

Изъ мыслей, преслѣдующихъ Измаила, замѣчательна также мысль о скоротечности жизни, о ничтожности ея.

Забылъ онъ жизни скоротечность;
Онъ въ мысляхъ жизни властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность
. . . . . .

Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила.

Ненавидя русскихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается чуждымъ своему родному народу и погибаетъ, наконецъ, отъ черкесской пули, всѣми покинутый, одинокій.

Поэма „Измаилъ-бей“ была первымъ опытомъ пера въ Байроновскомъ духѣ молодого поэта, а потому нельзя ставить ему въ укоръ, что герой повѣсти вышелъ блѣднымъ и неяснымъ. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что и у Пушкина первый опытъ литературнаго воспроизведенія разочарованнаго страдальца въ духѣ Байрона тоже оказался крайне слабымъ.

Хаджи-Абрекъ.

Жители большого и богатаго аула Джемата были независимы. Съ оружіемъ въ рукахъ, воинственные горцы отстаивали свою свободу, и слава объ ихъ подвигахъ разнеслась не только по Кавказу, но дошла до „дальнихъ и чужихъ“ народовъ. Однажды, подъ горой, „гдѣ вѣтеръ вѣетъ, гдѣ подъ утесомъ бьетъ потокъ“, кружокъ джематскихъ удальцовъ слушалъ разсказъ пришельца.

Сидя между ними на камнѣ, дряхлый старикъ лезгинецъ говорилъ слѣдующее: у него было три дочери и три сына, но всѣхъ ихъ постигла злая участь, и онъ остался одинокъ, какъ голый пень. Онъ проситъ наѣздниковъ Джемата показать свою удаль и возвратить ему, старику, единственную оставшуюся дочь, которую похитилъ князь Бей-Булатъ. Далѣе несчастный разсказываетъ, что два старшихъ сына его пали въ неравномъ бою на чужбинѣ, младшій былъ пронзенъ штыками у него на глазахъ; двѣ старшія дочери „въ плѣну увяли,“ и единственнымъ утѣшеніемъ жизни осталась младшая дочь; и вотъ, съ нею

лезгинецъ рѣшилъ поселиться въ пустынѣ, въ пещерѣ, но несчастья не прекратились. Однажды въ глухую ночь онъ спалъ, а надъ нимъ сидѣла дочь. Вдругъ онъ слышитъ шепотъ, слабый крикъ, конскій топотъ. Какой-то всадникъ, схвативъ Леилу, быстро помчался въ горы. Съ того мучительнаго дня старикъ, горя мечтою о кровавомъ мщеньи, влачится по горамъ и не можетъ найти себѣ покоя. Не имѣя силъ лично отмстить врагу, лезгинецъ проситъ удалыхъ наѣздниковъ Джемата возвратить ему дочь. На просьбу старика откликается „витязь черноокій“ Хаджи, который проситъ старика два дня ждать, говоря, что Хаджи безстрашный ни разу не садился на коня даромъ. Если же онъ не будетъ къ сроку, то пусть лезгинецъ позабудетъ его обѣтъ и молитъ пророка о его душѣ.

Сакля Бей-Булата была расположена на краю крутого ската. Въ тѣни, у порога сидитъ юная лезгинка и грустно глядитъ вдаль. Услышавъ отдаленный топотъ коня, она обрадовалась, думая, что ѣдетъ князь. Когда-же всадникъ подъѣхалъ ближе, она увидала, что незнакомый странникъ, „въ полѣ запоздалый, гостепріимный ищетъ кровъ.“ Лезгинка проситъ гостя слѣзть съ коня и почтить „кровлю Бей-Булата передъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь.“ Хаджи передаетъ Леилѣ, что онъ привезъ ей поклонъ отъ ея отца, который еще живъ и влачитъ свое жалкое существованіе „то въ чужой саклѣ, то въ пустынѣ“. Леила, со своей стороны, заявила, что она счастлива.

Между тѣмъ гость, погруженный въ свои мысли, сидѣлъ молча за столомъ. Желая его развеселить, Леила взяла свой бубенъ, и ударяя по немъ, „лезгинку пляшетъ и поетъ“. Но веселье Леилы не разсѣиваетъ грусти страннаго гостя. Вдругъ послѣдній спрашиваетъ Леилу, не пугала ли ее когда нибудь мысль о смерти. Лезгинка отвѣчаетъ, что ей нечего думать о „холодной могилѣ“ когда она на землѣ нашла свой рай.

Хаджи задаетъ ей второй вопросъ, не грустила ли она о своемъ родномъ Дагестанѣ, но она отвѣчаетъ, что здѣсь ей лучше, веселѣй, такъ какъ „счастье только тамъ, гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!“ что „отечества для сердца нѣтъ! она насилья не боится; какъ птичка, вырвется, умчится!“ Хаджи же говоритъ, что послѣ любви „блаженство на землѣ второе“

мщенье и прибавляетъ: „Нѣтъ, за единый мщенья часъ, клянусь, я не взялъ бы вселенной!“

Затѣмъ Хаджи разсказываетъ Леилѣ слѣдующее: много лѣтъ тому назадъ его братъ погибъ отъ пули Бей-Булата и, умирая, „месть и ненависть свою онъ завѣщалъ“ Хаджи-Абреку. Однажды Хаджи отыскалъ убійцу, занесъ надъ нимъ свой кинжалъ, но рѣшилъ, что мгновенная смерть не можетъ заплатить за столько лѣтъ печали, грусти, мукъ... Предполагая, что Бей-Булатъ „что-нибудь да въ мірѣ любитъ,“ Хаджи рѣшилъ погубить предметъ его любви.

Обращаясь къ Леилѣ, онъ сказалъ, что ея послѣдній часъ пробилъ, она должна погибнуть, такъ какъ голосъ брата требуетъ мести, и теперь Хаджи готовъ выполнить свою клятву. Какъ снѣгъ, поблѣднѣла Леила, бросилась передъ нимъ на колѣни и умоляла сжалиться надъ нею. Но Хаджи остался неумолимъ. „Блеснула шашка. Разъ и два... и покатилась голова... и окровавленной рукою съ земли онъ приподнялъ ее и острой шашки лезвіе обтеръ волнистою косою. Потомъ бездушное чело одѣвши буркою косматой, онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.“ Конь его помчался въ горы, какъ стрѣла.

Въ аулѣ Джемата всѣ спали, кромѣ лезгинца, который съ тоской глубокой смотритъ вдаль. Вдругъ старикъ увидѣлъ, что съ горы съѣзжаетъ какой-то усталый всадникъ, который что-то держитъ подъ буркой. „Подарокъ вѣрно отъ милой дочери“—подумалъ лезгинецъ.

Всадникъ остановился, дрожащею рукою открылъ темную бурку и на траву тихо скатился кровавый даръ, голова Леилы. Старикъ прижалъ ее къ своимъ устамъ „какъ будто ей передавалъ послѣднее мученье.“ Храня глубокое молчанье, Хаджи не удивлялся лезгинцу, а, взглянувъ на шапку и коня, „быстро въ горы удалился.“

Спустя годъ, путники, блуждая, въ пыли нашли два трупа и схоронили ихъ на вершинѣ. Лица труповъ выражали ненависть и злобу двухъ враговъ, а руки были сплетены, какъ бы въ дружественныхъ объятіяхъ. Въ одномъ изъ нихъ узнали Бей-Булата, „никто другого не узналъ.“

Характеристика Хаджи-Абрека.

Хаджи-Абрекъ былъ родомъ изъ независимаго аула Джемата, жители котораго не стѣнами, а храбростью защищали свою родину; для удалыхъ наѣздниковъ битва была праздникомъ, и слава о нихъ разнеслась далеко за предѣлы Кавказа.

Хаджи представлялъ собою яркій типъ такого удальца, который ничего не страшится и, разъ на что-нибудь рѣшился, не оставляетъ дѣла не оконченнымъ. Какъ настоящій сынъ дикаго и буйнаго въ свое время Кавказа, Хаджи смѣло придерживается „преданій старины глубокой," старинныхъ обычаевъ своей родины—кровавой мести за смерть своего брата. Много лѣтъ тому назадъ князь Бей-Булатъ убилъ его брата, и по мѣстнымъ обычаямъ кровь слѣдовало смыть кровью. Идея мести овладѣваетъ всецѣло Хаджи, но онъ не можетъ удовлетвориться обыкновенной смертью врага. Такъ однажды, онъ уже занесъ кинжалъ надъ княземъ, но подумалъ:

. . . . . Это-ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что-нибудь да въ мірѣ любитъ;
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!

Хаджи рѣшается мстить утонченно, жестоко; онъ мечтаетъ о часѣ мести, какъ о высшемъ удовольствіи и говоритъ:

Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной!

Идея мести заѣла впечатлительнаго горца, и онъ дѣлается жестокъ, безсердеченъ, забываетъ даже священный обычай гостепріимства.

Узнавъ изъ разсказа старика, что Бей-Булатъ похитилъ красавицу Леплу, дочь несчастнаго лезгинца, который проситъ

удалыхъ наѣздниковъ возвратить ему его сокровище. Хаджи выступаетъ на помощь старику. Онъ разыскиваетъ саклю врага, гдѣ его самымъ сердечнымъ образомъ принимаетъ Лейла. Она подаетъ угощенья и, видя, что гость остается по прежнему мрачнымъ, пѣсней и пляской подъ бубенъ старается его развеселить; но ничто не могло смягчить жестокое сердце гостя; онъ даже признается, говоря ей:

Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной,
Душа, какъ адомъ, вся зажглась;
Но это чувство улетѣло...

Онъ не считается съ тѣмъ, что невинная Лейла ничѣмъ предъ нимъ не провинилась. Хаджи, желая посильнѣе уязвить Бей-Булата за смерть своего брата, убиваетъ несчастную женщину, которая радушно его приняла и всѣми способами старалась разогнать его угрюмость. Только дикая страна, куда еще не проникла культура и цивилизація, могла порождать подобные типы; невѣжество, грубость, безпрерывныя войны, ничтожество жизни человѣка въ глазахъ другого человѣка, впечатлительность, природная черствость—вотъ главнѣйшія причины возникновенія и появленія такихъ типовъ, какъ Хаджи.

Идея мщенія представляетъ уже довольно старую литературную тему, получившую самую разнообразную обработку сообразно эпохамъ и литературнымъ понятіямъ. Она встрѣчается въ классической литературѣ, и въ средніе вѣка, и у безсмертнаго Шекспира въ „Венеціанскомъ купцѣ“. Лермонтовъ въ небольшой, но выразительной поэмѣ далъ своеобразную, оригинальную обработку столь заманчивой и богатой темы.

„Демонъ“.

Общія замѣчанія.

Лермонтову исполнилось пятнадцать лѣтъ, когда имъ была задумана поэма „Демонъ“. Онъ не переставалъ надъ нею работать почти до самой смерти, подвергая свое произведеніе безконечнымъ поправкамъ и передѣлкамъ. Ни одно изъ своихъ произведеній юный поэтъ не вынашивалъ съ такою любовью въ своей душѣ, какъ „Демона“. Эта тщательная переработка и пересмотръ происходили вѣроятно, вслѣдствіе того, что Лермонтовъ съ каждымъ годомъ все больше и больше отходилъ отъ „дикаго бреда“, какъ выражался онъ самъ, и приближался къ трезвой дѣятельности. Оно, конечно, вполнѣ понятно: пятнадцатилѣтнему мальчику міръ весь представляется въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ зрѣлому человѣку. Міросозерцаніе ребенка и взрослаго человѣка не одно и то же. Трезвая дѣйствительность все больше и больше брала верхъ надъ поэтомъ и сыграла, разумѣется, важную роль въ созданіи этой поэмы. Въ виду этого справедливо можно замѣтить, что „Демонъ“ является какъ бы памятникомъ, поставленнымъ поэтомъ своему дѣтству и юности и, какъ большинство памятниковъ, онъ идеализированъ и символиченъ.

Поэма эта, при всей своей фантастической обстановкѣ, тѣсно связана съ жизнью самого поэта, а потому въ ней прежде всего слѣдуетъ видѣть и цѣнить личное признаніе автора, какъ попытку обобщить и разрѣшить тѣ нравственные вопросы, которыми болѣлъ и самъ авторъ и весь его вѣкъ. Лирическій элементъ занимаетъ въ поэмѣ важное мѣсто, но отдѣлить его отъ сути поэмы нельзя,—до такой степени онъ переплетенъ съ самимъ сюжетомъ и его развитіемъ въ поэмѣ.

Надо замѣтить, что главная идея, положенная авторомъ въ основу своей поэмы, принадлежала всецѣло ему; она была выношена и выстрадана исключительно его душой, безъ малѣйшей попытки найти опору или откликъ въ комъ бы то ни бы-

ло. Она состоитъ въ одномъ, очень, повидимому, простомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трагическомъ вопросѣ: можетъ ли человѣкъ примириться съ полнымъ одиночествомъ своей души и удовлетвориться имъ, не искать встрѣчи съ другими людьми и отклика у нихъ, даже въ томъ случаѣ, если въ немъ самомъ погибли уже всѣ добрыя чувства, если самъ онъ силенъ душевно настолько, что не нуждается въ человѣческомъ обществѣ, а самою жизнью пресыщенъ и разочарованъ до такой степени, что въ душѣ у него господствуетъ полнѣйшая апатія. Если признать, что все же человѣкъ не въ состояніи сжиться со своимъ вынужденнымъ одиночествомъ, то какая сила можетъ заставить его дышать, можетъ вдохнуть жизненную силу въ совершенно мертвую душу?

Изъ біографіи поэта видно, какъ искренно считалъ онъ свою душу умершей для всѣхъ чувствъ, и потому станетъ понятнымъ, почему такъ долго, въ теченіе всей почти своей жизни, онъ могъ работать надъ своей поэмой: въ ней онъ старался утѣшить самого себя, увѣрить, что полнаго одиночества и индиферентизма въ жизни не бываетъ, хоть временно такіе моменты и возможны; что, наконецъ, никогда не исчезающая возможность любви можетъ быть вѣрнымъ залогомъ духовнаго обновленія и даже счастья, какъ это именно и случилось съ демономъ. Казалось бы, что такое существо, какъ демонъ, не можетъ найти отклика и участія, не только любви, ни въ комъ. Между тѣмъ случилось совершенно иначе; слѣдовательно, тѣмъ болѣе можетъ расчитывать человѣкъ, какой бы демонической натурой онъ не былъ надѣленъ, что онъ встрѣтитъ свою Тамару.

Для этой основной идеи слѣдовало найти подходящую литературную форму, и съ этимъ поэтъ долго не могъ справиться. Естественно, что послѣ долгихъ исканій онъ, наконецъ, наткнулся на старое преданіе - легенду, что беззавѣтная любовь чистой души можетъ искупить преступленіе даже величайшаго грѣшника, каковымъ является сатана. Эта легенда давно уже получила самую разнообразную обработку въ западной литературѣ, и Лермонтовъ могъ быть съ этимъ знакомъ еще въ дѣтскіе годы.

Началъ создавать Лермонтовъ свою поэму въ 1829 году, а окончилъ въ 1840, т. е. къ этому году относится та редакція

„Демона“, которая по времени является послѣдней и которую потому принято считать окончательной, но кто знаетъ, удовлетворяла ли она вполнѣ автора, и не передѣлалъ ли бы онъ ее еще. Существуетъ нѣсколько редакцій поэмы, различныхъ по своему составу. Принятая за окончательную имѣетъ слѣдующій составъ: два посвященія, первую и вторую часть и эпилогъ.

Содержаніе поэмы „Демонъ“.

Удаленный отъ престола Всевышняго, Демонъ леталъ надъ грѣшной землей. Предъ его духовными глазами проносился безконечный рой воспоминаній о тѣхъ дняхъ, когда онъ еще былъ чистымъ, безгрѣшнымъ херувимомъ. Съ того времени протекли цѣлые вѣка, а онъ все время оставался одинокъ въ подвластныхъ ему сферахъ. Онъ повсюду сѣялъ зло и преступленіе, но не находилъ въ этомъ отрады. Борьбы и сопротивленія онъ нигдѣ не встрѣчалъ, и зло потеряло въ его глазахъ свою привлекательность. Демонъ чувствовалъ себя одинокимъ и неудовлетвореннымъ, но зналъ, что ни въ комъ не найдетъ сочувствія или отклика. Волей-неволей онъ вынужденъ былъ примириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, и въ такомъ мрачномъ состояніи своего мятежнаго духа безцѣльно носился надъ землей. Случайно онъ проносился надъ вершинами Кавказа, но роскошныя и величественныя картины снѣжныхъ великановъ не производили на него ни малѣйшаго впечатлѣнія.

. . . . гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенья Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего....

Демонъ летѣлъ дальше, надъ равнинами „роскошной Грузіи“, гдѣ вся обстановка, природа и люди располагаютъ чело-

вѣка къ забвенію и примиренію, къ счастію и успокоенію. Какъ разъ въ это самое время въ домѣ и на открытомъ дворѣ стараго Гудала происходило обрученіе его прекрасной дочери Тамары съ владѣтельнымъ княземъ Синодала.

Авторъ особенно старательно подчеркиваетъ необычайную красоту Тамары:

„Клянусь полночною звѣздой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росою
Не омывалъ подобный станъ;
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.“

Особенную очаровательность сообщало Тамарѣ то обстоятельство, что ея веселье и радость по поводу обрученія и скораго выхода замужъ за любимаго человѣка было проникнуто дымкой легкой и безсознательной грусти, которая всегда овладѣваетъ дѣвушкой, когда она покидаетъ родную семью и входитъ въ новую и чужую. Пролетающій Демонъ случайно увидѣлъ эту неизъяснимо-прекрасную Тамару и остановился въ своемъ головокружительномъ полетѣ, пораженный такой красотой.

. . . . . На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ;
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался, — и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,

Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ ли призракъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ."

Вотъ какой неожиданный и рѣшительный переворотъ произошелъ въ душѣ Демона при видѣ чистой красоты Тамары. Оказывается, что даже такое падшее существо, какъ Демонъ, не утратило способности реагировать на красоту, соединенную съ безгрѣшіемъ и духовной чистотой.

Проходитъ нѣкоторое время. Счастливый женихъ Тамары спѣшитъ вернуться домой: его ожидаетъ веселая свадьба и всѣ радости любви. Князь Синодала ведетъ богатый караванъ. Дорога идетъ по опасной узкой тропинкѣ на краю пропасти, на днѣ которой шумитъ и пѣнится глубокій черный ручей. Какъ разъ въ этомъ опасномъ мѣстѣ горцы устроили засаду и поджидали караванъ. Грянулъ выстрѣлъ—другой. Князь бросился впередъ, а его всѣ путники перепугались и разбѣжались. Князь былъ убитъ, а его богатый караванъ сталъ добычей разбойниковъ. Добрый конь князя вынесъ его изъ схватки и прискакалъ домой, но съ сѣдла сняли уже бездыханный трупъ.

Въ семьѣ стараго Гудала поднялись вопли, стоны. Несчастная невѣста, внѣ себя отъ горя и печали, упала на постель со страшными рыданіями. Горе ея неизъяснимо. Вдругъ она слышитъ гдѣ-то надъ собой нѣжный голосъ, который баюкаетъ ее и утѣшаетъ. Волшебный голосъ пѣлъ Тамарѣ о безплодности ея слезъ и отчаянія. Ничто вѣдь не можетъ воскресить убитаго жениха, а ѣдкія слезы туманятъ только ясный взоръ Тамары. Убитому теперь уже нѣтъ дѣла до нея: „онъ слышитъ райскіе напѣвы." Это былъ Демонъ-искуситель. Незамѣтно онъ перешелъ къ совѣту забыть убитаго князя, пріобрѣсти равнодушное спокойствіе, стать подобной холоднымъ безстрастнымъ облакамъ, которымъ чужды всѣ земныя страданія и печали. Съ этого Демонъ въ своей пѣснѣ перешелъ на

обѣщанія прилетать къ изголовью ложа Тамары всякій разъ, „лишь только ночь своимъ покровомъ верхи Кавказа осѣнитъ; лишь только міръ, волшебнымъ словомъ завороженный, замолчитъ.“ Демонъ обѣщалъ навѣвать на Тамару золотые сны и улетать съ появленіемъ перваго луча солнца.

Слова этой чудной пѣсни и волшебнаго голоса замерли въ отдаленіи. Тамара вскочила со своего ложа. По ея жиламъ пробѣжалъ огонь; всѣ чувства въ ней закипѣли разомъ, но никого не было, хоть въ ушахъ еще раздавался чудный голосъ. Подъ самое утро Тамара задремала сладкимъ сномъ и видѣла кого-то, кто блисталъ неземной красотой, но

То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ,—о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ...“

ЧАСТЬ II.

Часть вторая изображаетъ плачъ и просьбы Тамары. Она убѣждаетъ стараго Гудала, своего отца, позволить ей уйти въ монастырь: жизнь ей не мила. Своего жениха забыть она не можетъ, а потому и не выйдетъ замужъ ужъ ни за одного изъ многочисленныхъ жениховъ, осаждающихъ ее своимъ сватовствомъ. Дома ей тѣсно и душно. Какіе-то таинственные голоса и грезы преслѣдуютъ ее по ночамъ и навѣваютъ грѣховныя мысли. Она чувствуетъ, понимаетъ, что простой домъ отца не является надежнымъ оплотомъ отъ ночныхъ грезъ. Душевный покой, ей кажется, она обрящетъ въ стѣнахъ монастыря. Старый Гудалъ внялъ мольбамъ своей дочери: онъ отвезъ Тамару въ отдаленный, глухой монастырь, и тамъ, облеченная въ грубую власяницу, Тамара стала влачить свои дни: однако и тамъ она не нашла желаннаго успокоенія. Знакомый таин-

ственный голосъ продолжалъ раздаваться въ ея ушахъ и во время богослуженія въ церкви и во время уединенной молитвы въ кельѣ. Иногда какой-то туманный образъ скользилъ передъ ея затуманенными глазами среди клубовъ кадильнаго дыма. Цѣлые часы проводитъ несчастная Тамара на колѣняхъ предъ святымъ образомъ, ища успокоенія своей душѣ, но все это не помогаетъ. Ужасная тоска и одиночество владѣютъ ея думами, а внутренній голосъ не перестаетъ шептать, что „онъ придетъ.“ Съ глазами полными печали и слезъ, Тамара ложится на свое жесткое ложе, смоченное обильными слезами.

Наступаетъ ночь. Демонъ носится вокругъ святой обители, долго не смѣя осквернить ея стѣнъ своимъ нечистымъ пребываніемъ. Демонъ долго колебался; и была минута, когда онъ готовъ былъ улетѣть и навсегда оставить коварный замыселъ; окно Тамары было слабо освѣщено блескомъ мерцающей лампады, и сама она, понуривъ голову, сидѣла и пѣла грустную пѣсню, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Душа Демона не выдержала этой красоты и чистоты. Онъ прослезился отъ умиленія и вошелъ въ келью къ Тамарѣ съ душой открытой для любви и правды. Передъ собой Демонъ увидѣлъ блистающаго херувима, который, осѣнивъ Тамару бѣлыми крыльями, закрывалъ ее отъ его хищныхъ взглядовъ. Херувимъ встрѣтилъ Демона вопросомъ, какъ осмѣлился онъ проникнуть въ это святое убѣжище невинной души; на это Демонъ, съ загорѣвшимся ревностью взглядомъ, отвѣтилъ, что сердце Тамары преисполнено гордыни и отмѣчено уже его демонскою печатью, а поэтому онъ властвуетъ въ этой кельѣ, а ея прекрасная обитательница является его законной добычей. Тогда херувимъ взмахнулъ своими бѣлоснѣжными крыльями, взглянулъ съ тоской на Тамару и „въ эѳирѣ неба потонулъ.“

Тамара прямо обращается къ Демону съ вопросомъ, что онъ: исчадье ада или посланникъ небесъ? На этотъ вопросъ Демонъ отвѣчаетъ вполнѣ правдиво, что онъ тотъ, „кого никто не любитъ, и все живущее клянетъ,“ что онъ „врагъ небесъ и зло природы,“ однако „царь познанья и свободы,“ что пространство и время для него не существуютъ. Демонъ, наконецъ, говоритъ, что его голосъ и обликъ знакомы ей, такъ какъ она видѣла и слышала его во снѣ. Заканчиваетъ

Демонъ признаніемъ въ любви, мольбою его выслушать и отчаянной жалобой на свое одиночество. „Что безъ тебя, — говоритъ Демонъ Тамарѣ, — мнѣ эта вѣчность? Моихъ владѣній безконечность? Пустыя звучныя слова, обширный храмъ безъ божества!“

Выслушавъ горячія признанія Демона, Тамара въ отвѣтъ начинаетъ упрашивать его пощадить ее и оставить въ покоѣ. Она называетъ его лукавымъ духомъ, его слова—огнемъ и ядомъ и задаетъ вопросъ, зачѣмъ онъ любитъ ее.

Демонъ отвѣчаетъ ей, что этого онъ не знаетъ, но что онъ любитъ ее нездѣшнею любовью. Далѣе онъ жалуется ей на свое безконечное томленіе въ одиночествѣ и говоритъ:

„О! еслибъ ты могла понять
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья,
И наслаждаться, и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда желѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть
И все на свѣтѣ презирать!...

Вслѣдъ за этимъ Демонъ произноситъ передъ Тамарой свою исповѣдь, преисполненную сплошнымъ отчаяніемъ. Онъ говоритъ такъ трогательно, съ такой глубокой вѣрой и томленіемъ, что Тамара заслушалась его словами и въ отвѣтъ ему призналась въ своей любви, но она боится лукаваго духа и требуетъ отъ него ненарушительной клятвы въ томъ, что онъ отречется отъ всего зла, принесетъ полное покаяніе и вступитъ на путь добра. Демонъ произноситъ свой знаменитый монологъ, въ которомъ обѣщаетъ Тамарѣ отрѣчься „отъ старой мести, отъ гордыхъ думъ“; онъ клянется, что отнынѣ „ядъ мести ничей ужъ не встревожитъ умъ.“ Вслѣдъ за этимъ онъ обѣщаетъ Тамарѣ такое блаженство въ любви, такія сокровища, что она станетъ неизмѣримо выше всѣхъ земныхъ существъ. За все это онъ проситъ только ея любви.

Окончивъ свой монологъ, Демонъ поцѣловалъ Тамару, и вмѣстѣ съ этимъ поцѣлуемъ въ нее проникъ смертельный ядъ страсти. Тамара пала...

„Мучительный, ужасный крикъ
Ночное возмутилъ молчанье...
Въ немъ было все; любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой...

Тамара умерла. Какъ чудное изваяніе изъ мрамора лежала она въ гробу, осыпанная цвѣтами изъ родного ущелья. Родные, знакомые и сосѣди собрались на похороны Тамары. Старый отецъ ея внѣ себя отъ горя; онъ рѣшилъ предать тѣло дочери землѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ покоятся его и ея предки. Одинъ изъ предковъ Гудала подъ старость, въ искупленіе своихъ грѣховъ, построилъ среди вѣчныхъ снѣговъ Казбека храмъ и завѣщалъ похоронить его подлѣ него. Тамъ уже была готова могила, предназначенная для вѣчнаго успокоенія Тамары.

Бѣлый чистый херувимъ на своихъ золотыхъ крыльяхъ поднимался къ престолу Всевышняго. Онъ несъ въ объятіяхъ грѣшную душу Тамары, смывая съ нея своими слезами слѣды „проступка и страданья.“ Херувимъ уже приближался къ вратамъ рая, какъ вдругъ дорогу ему преградилъ злобный Демонъ. Душа Тамары, заглушая молитвой ужасъ, съ надеждой и вѣрой прижалась къ херувиму. Демонъ былъ неузнаваемъ: взглядъ его сверкалъ безконечной злобой и непримиримой враждой; онъ былъ пропитанъ смертельнымъ ядомъ; отъ него вѣяло могильнымъ холодомъ. Задыхаясь отъ злобы, Демонъ шепталъ, указывая на душу Тамары: „Она моя.“

Въ отвѣтъ на это херувимъ возразилъ злобному духу:

Изчезни, мрачный духъ сомнѣнья!
Довольно ты торжествовалъ,
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли

Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эоира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила,—
И рай открылся для любви!

Херувимъ строгими укоряющими глазами взглянулъ на мрачнаго Демона, взмахнулъ крыльями и „въ сіяньи неба потонулъ“, а Демонъ остался „одинъ, какъ прежде, во вселенной безъ упованья и любви.“

Прошло много, много лѣтъ, но еще до сихъ поръ на склонѣ Казбека, надъ Кайшаурскою долиной высятся каменныя стѣны монастыря.

Идея и художественность поэмы.

Являясь существомъ, враждебнымъ всему земному, все ненавидящимъ и презирающимъ, Демонъ груститъ при воспоминаніи о тѣхъ лучшихъ дняхъ, когда онъ любилъ и вѣрилъ. Пролетая надъ роскошными долинами Грузіи, Демонъ видитъ жилище стараго князя Гудала; князь сосваталъ свою дочь, красавицу Тамару, и по этому случаю устроилъ большой пиръ, на который созвалъ всю свою семью. Демонъ пролетаетъ какъ разъ въ ту минуту, когда Тамара, въ ожиданіи жениха, окруженная подругами, съ бубномъ въ рукахъ начала танцовать. Демонъ поддается обаянію женской красоты. Въ немъ про-

бываетъ вдругъ сознаніе святости любви и добра; изъ жестокаго сѣющаго зло существа онъ превращается въ увлекающагося юношу, который изъ чувства ревности губитъ своего соперника и, отрекшись отъ гордыхъ думъ, падаетъ къ ногамъ Тамары, когда она уже находится въ монастырѣ, охраняемая херувимомъ. Тамара умираетъ отъ жгучаго, ядовитаго поцѣлуя Демона. Между нимъ и ангеломъ идетъ споръ о душѣ Тамары, ангелъ спасаетъ ее, и Демонъ въ концѣ концовъ остается побѣжденнымъ, остается одинъ во вселенной „безъ упованья и любви.“

Въ поэмѣ „Демонъ“ оказалось и увлеченіе Лермонтова байроновскимъ разочарованьемъ, и презрѣніе къ людямъ, и впечатлѣнія красотъ Кавказа, и мечты о счастьѣ, и мысли о крайней противоположности гордости и великодушія, добродѣтели и порока, надменности и кротости, своекорыстія и любви. У Байрона Лермонтовъ заимствовалъ мысль вывести героя поэмы существомъ безплотнымъ. Но мрачный Люциферъ байроновской мистеріи „Каинъ,“ „гордый геній съ отуманеннымъ глубокою печалью ликомъ“, будучи носителемъ и представителемъ современныхъ поэту идей отрицанія, при глубокомъ страданіи, происходящемъ отъ безотраднаго знанія, всегда остается вѣренъ своей демонической натурѣ и мощно ведетъ непримиримую борьбу съ геніями творчества, шагъ за шагомъ оспаривая у него все его созданіе на небѣ и на землѣ.

У Лермонтова Демонъ, этотъ гордый „царь познанія и свободы, врагъ небесъ и зло природы и бичъ земныхъ рабовъ“ вовсе не отличается мятежнымъ протестомъ и внутреннимъ разладомъ, а нисходитъ на степень простого человѣка, являющагося рабомъ своихъ же земныхъ страстей. Въ бѣсовской іерархіи онъ стоитъ на довольно скромной степени, что и позволяетъ ему ощущать чисто земныя чувства: любовь и раскаяніе. У него нѣтъ даже иронiи и смѣха, этого безпощаднаго оружья, которымъ надѣленъ каждый демонъ, сознающій свою силу.

Правда, сила есть у лермонтовскаго Демона, но она—сила физическая. Способность превращенія, произвольнаго перемѣщенія и разрушенія находится въ его власти, но у него нѣтъ способности перерожденія. Онъ является какъ бы человѣкомъ,

поступившимъ въ услуженіе духу тьмы, но не забывшимъ старыхъ привычекъ. Земля его привлекаетъ, женщина трогаетъ его сердце и потеря этой женщины сердитъ, несмотря на „язвительную улыбку," какой онъ укоряетъ побѣдоноснаго ангела.

Поэтъ выводитъ Демона въ минуту наплыва печальныхъ воспоминаній о томъ, какъ онъ „жилъ безъ злобы, безъ сомнѣнья, неопытный, но любящій и любимый." „Печальный, отверженный" онъ цѣлые вѣка „блуждаетъ въ пустынѣ міра безъ пріюта", стараясь по временамъ въ мятежной душѣ заглушить постоянную печаль и сердечный ропотъ, спастись отъ неизбѣжныхъ думъ и забыть незабвенное.

На „живыя красы Божія міра и блескъ природы" этотъ „гордый" духъ смотритъ „презрительнымъ окомъ." Сначала природа ему нравилась, но онъ „вникъ въ нее глубокимъ взглядомъ и объялъ душою ея жизнь," но не на долго. Она перестала вызывать въ немъ новыя чувства и новыя силы, и скоро его ненависть распространилась и на нее. Все земное не вызывало въ немъ иного чувства, кромѣ „холоднэй зависти", потому что все виденное имъ онъ „презиралъ или ненавидѣлъ". Дѣло дошло до того, что, какъ говоритъ о немъ Лермонтовъ, „Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья":

Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
И зло наскучило ему.

Скука является такимъ образомъ настоящею болѣзнью, отравляющею существованіе безплотнаго генія. Чуждый любви, онъ однако тяготится своимъ одиночествомъ. Послѣ его паденія, для него были порваны всѣ связи съ міромъ, для него остыли навсегда „природы жаркія объятія". Люди встрѣчаютъ Демона только одной враждой и проклятіями и въ разговорѣ съ Тамарой онъ самъ рисуетъ весь ужасъ своего положенія

Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться и страдать!

Жить для себя, скучать собою
И этой вѣчною борьбою.
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать.
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!

Мученья одиночества и отверженія усиливаются для Демона постоянною мыслью о потерянномъ раѣ, усиливаются невозможностью для него „незабвенное забыть". Въ сравненіи съ этими мученіями ему кажутся ничтожными всѣ бѣдствія и страданія людей. Единственнымъ утѣшеніемъ для него является надежда, что когда-нибудь смертная дѣвушка полюбитъ его и своею любовью возродитъ его къ новой, лучшей жизни. При видѣ танцующей Тамары въ его безкровномъ сердцѣ загорается лучъ надежды на возможность возрожденія; онъ начинаетъ „грустить о лучшихъ дняхъ," когда „вѣрилъ и любилъ," однимъ словомъ разочаровывается въ своей профессіи „сѣятеля зла", но въ то же время въ душѣ его не вполнѣ умерли гордость и злоба. Какъ романтическій любовникъ, онъ только что увидѣлъ прекрасную Тамару, вдругъ „ощутилъ въ себѣ неизъяснимое волненіе, и вновь въ пустыню нѣмой души его проникли любовь, добро и красота". Но дѣвушка, возбудившая подобныя чувства въ сердцѣ Демона, не можетъ быть обыкновеннымъ существомъ: она должна быть надѣлена особенной чистотой и святостью души, особенной силой чувства.

Такою и является Тамара, которая принадлежитъ къ числу тѣхъ смертныхъ, о которыхъ поэтъ говоритъ:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра
И міръ былъ созданъ не для нихъ.

Увидя Тамару, Демонъ проникается къ ней любовью; въ немъ возникаетъ надежда на спасеніе. Онъ посѣщаетъ красавицу въ сновидѣніяхъ, тревожитъ ея сердце любовью и жалостью. Считая эти видѣнія грѣховнымъ ис-

искушеніемъ, Тамара уходитъ, наконецъ, въ монастырь и отдается служенію Богу. Но и въ кельѣ она не находитъ спокойствія и мира для своей истерзанной души; Демонъ не оставляетъ ее и въ этомъ убѣжищѣ, стараясь добиться ея сожалѣнія и любви, въ которой онъ видитъ свое спасеніе. Мысль о немъ постоянно тревожитъ ее, смущаетъ ея молитвенное настроеніе. Она начинаетъ, наконецъ, чувствовать къ нему жалость. Ей вспоминается старинное повѣріе о томъ, что чистая дѣвушка можетъ вернуть къ добру злого духа:

Ея тревожныя мечтанія
Опять къ нему обращены;
Вновь гость чудесный передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и вѣровать не смѣя.
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...

Сожалѣніе, зарожденное имъ въ сердцѣ дѣвушки, является для Демона первымъ шагомъ къ окончательной побѣдѣ. До сихъ поръ онъ только въ сновидѣніяхъ посѣщалъ Тамару и теперь онъ настолько человѣченъ и чистъ въ своихъ чувствахъ, что въ рѣшительную минуту, передъ тѣмъ, какъ войти въ келью, начинаетъ колебаться. Онъ знаетъ, что она будетъ его жертвой и вопросъ: что онъ можетъ дать ей взамѣнъ преданности, начинаетъ безпокоить его:

Долго онъ не смѣлъ
Святытю мирнаго пріюта
Нарушить — и была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ
Оставить умыселъ коварный.

Эта единственная минута сознанія промелькнула какъ молнія, и пѣсня Тамары погружаетъ его снова въ томительно-сладкое настроеніе, и

Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться —
Его крыло не шевелится!

Несмотря на сопротивленіе ангела хранителя, Демонъ входитъ въ келью Тамары:

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.

Мысль о возрожденіи черезъ посредство любви, о прекращеніи своего одиночества и своихъ страданій волнуетъ его сладостной надеждой. Онъ разсказываетъ Тамарѣ о своей несчастной судьбѣ, о своихъ терзаніяхъ, о своей вѣчной печали, которая „то ластится, какъ змѣй, то жжетъ и блещетъ, будто пламень, то давитъ мысль его какъ камень“. Тамара глубоко взволнована его рѣчью; въ отвѣтъ на его страстныя признанія, она требуетъ отъ него только клятвы въ томъ, что онъ навсегда откажется отъ зла. Тамара проситъ его:

Клянись мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Уже ль ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?

Затѣмъ въ поэмѣ слѣдуетъ знаменитая клятва Демона, въ которой перемѣшаны ложь и правда, сознательный обманъ и огонь искренняго увлеченія, преклоненіе гордости передъ добромъ. Демонъ клянется

...позоромъ преступленія
И вѣчной правды торжествомъ.

и въ то же время — „краткою мечтой“ побѣды надъ Богомъ. Онъ говоритъ неправду Тамарѣ:

Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ
Слѣды небеснаго огня, —

и въ то же время въ этихъ словахъ слышится еще не умершее въ его сердцѣ желаніе нравственнаго возрожденія и онъ говоритъ:

Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ничей ужъ не встревожитъ умъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру...

Надо отмѣтить, что слова Демона вполнѣ искренны, но для того, чтобы примириться съ небомъ ему необходимо переродиться, проникнуться свѣтлой, чистой и всеобъемлющей любовью, — а къ этому Демонъ совершенно неспособенъ. Онъ любитъ для себя, любовь его отличается эгоистическимъ характеромъ, она не успокаиваетъ, не просвѣтляетъ его души. Это ясно сказывается въ его словахъ, обращенныхъ къ Тамарѣ:

Безъ сожалѣнія, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты;
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить.

Въ этихъ словахъ Демона чувствуется одно только холодное презрѣніе къ жизни и къ людямъ; они доказываютъ, что сердце его осталось такимъ же черствымъ и надменнымъ какъ и прежде, и что любовь къ Тамарѣ не привела его къ внутреннему перерожденію. Благодаря всему этому примиреніе съ небомъ, возвращеніе къ Богу, вѣчному источнику любви, для Демона, понятно, невозможно. Тамара умираетъ и душа ея уносится къ Нему, такъ какъ своей самоотверженной любовью она заслужила спасеніе. Демонъ тщетно предъявляетъ свои права на душу покойницы, ангелъ отстраняетъ его, говоря, что „она страдала и любила — и рай открылся для любви“. Послѣ неудачнаго спора съ ангеломъ за „несозданную для міра“ душу Тамары, Демонъ проклялъ „безумныя свои мечты“:

И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

Фантастичность этого эпилога и его содержаніе были Лермонтову продиктованы традиціонной легендой. Рай долженъ былъ открыться для чистой любви и начало добра должно было восторжествовать надъ началомъ зла.

Теперь становится понятнымъ, почему въ послѣдней сценѣ трудно узнать привлекательнаго и даже любезнаго героя поэмы:

Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, не знающей конца,
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.

Какъ символъ, противопоставленный ангелу, онъ не могъ имѣть иного вида. Земная оболочка съ него упала и остался одинъ безплотный духъ отрицанія.

Лермонтовъ долго перерабатывалъ свою поэму и не торопился ея печатаніемъ. Она ходила въ безчисленныхъ спискахъ и была принята публикой съ восторгомъ. Восторгъ этотъ былъ знаменателенъ и доказывалъ, что думы и чувства автора не отстаютъ отъ вѣка. Демонъ — единственная личность, самъ того не замѣчая, объединялъ въ себѣ многія черты цѣлаго поколѣнья. Кто читалъ поэму въ первый разъ, тотъ не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что гдѣ-то онъ встрѣчался съ Демономъ или съ подобными ему типами. Кромѣ того, читатель могъ замѣтить и въ себѣ самомъ нѣкоторое духовное родство съ героемъ поэмы. Дѣло въ томъ, что къ этому образу примыкаетъ длинный рядъ западно-европейскихъ типовъ, а въ жизни его поддерживалъ цѣлый кругъ романтически настроенной молодежи. Много содѣйствовала успѣху „Демона“ внѣшняя отдѣлка. Она всѣмъ бросалась въ глаза и всѣхъ ослѣпляла. Надо замѣтить,что Пушкина уже не было въ живыхъ когда „Демономъ“ стали зачитываться. Никто изъ современниковъ Пушкина не могъ равняться красотой своего стиха со стихами Лермонтова; да и самъ учитель, по природѣ своей любившій больше простоту, чѣмъ блескъ, едва ли могъ указать въ своихъ произведеніяхъ что-либо равное „Демону“ по эффектамъ внѣшней отдѣлки.

Кромѣ того, поэма „Демонъ“ въ высшей степени при-

влекательна частностями. Лучшія мѣста въ ней—описанія кавказской природы и жизни: картины горъ, роскошныхъ долинъ Грузіи, типическія изображенія Гудала, Тамары, князя Синодала, а въ эпилогѣ—описаніе осиротѣлаго замка и древней церкви, охраняемой сторожевыми льдами да мятелями:

„На склонѣ каменной горы,
Надъ Койшаурскою долиной,
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звеня, издалека;
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.
Но грустенъ замокъ, отслужившѝй
Когда-то очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, пережившій
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца;
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинною полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчь,
Ненужный падшему герою...

— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Плащамы снѣжными покрыты,
И на груди ихъ вмѣсто лампъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ метель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ, къ той странѣ,
Съ востока облака одни
Спѣшатъ толпой на поклоненіе;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ.
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.“

Нѣкоторыя сцены „Демона“ отличаются большой драматичностью и захватываютъ читателя, какъ напр., сцена когда Демонъ объясняется съ Тамарой. Однако на ряду съ огромными достоинствами, поэма имѣетъ довольно крупные недостатки. Личность героя все время остается неясной, неопредѣленной. Съ самаго перваго появленія Демона въ сновидѣніяхъ Тамары и описанія его внѣшности, уже чувствуется что-то туманное. Во все время повѣствованія мысли, поступки „злого духа“ отличаются раздвоенностью, въ немъ нѣтъ цѣльности, да

кромѣ того въ самой поэмѣ много недосказаннаго. Читатель до конца остается въ неизвѣстности относительно причинъ паденія Демона, что весьма важно для его характеристики. Многіе намеки оставлены безъ разъясненія: такъ, Демонъ говоритъ: „Я царь познанья и свободы“, однако эта важная черта такъ и осталась у поэта неразъясненной. Встрѣчаются противорѣчія и въ обрисовкѣ характера Тамары: между первой и второй частью.

Мцыри.

Лермонтовъ во всю свою жизнь не могъ успокоиться, не могъ отыскать предмета, который помогъ бы ему „забыться и заснуть“. Это клеймо злой судьбы, враждебной примиренію и покою, лежитъ на всѣхъ главныхъ герояхъ, созданныхъ поэтомъ. Всѣ они болѣе или менѣе демоны въ человѣческомъ образѣ подъ разными именами, въ различныхъ обстановкахъ, въ различныхъ мантіяхъ. Являясь передъ глазами читателей подъ различными именами, въ различныхъ возрастахъ, въ разныя времена и у разныхъ народовъ, они очень похожи другъ на друга, почти тождественны между собою по характерамъ. Во всѣхъ лермонтовскихъ герояхъ живетъ „могучій духъ“ какая-то роковая, стихійная сила, которая съ самаго ранняго дѣтства неудержимо влечетъ ихъ къ борьбѣ, отчаянной и безплодной, хотя подчасъ дѣятельной и разрушительной. Они—все презирающіе эгоисты, властолюбивые, гордые и холодно мстительные люди: на землѣ эти лишніе люди постоянно мучатся неразрѣшимыми сомнѣніями, скукой, ищутъ забвенія, но безнадежно. Неугомонно дѣятельные, они сами не знаютъ чего хотятъ, къ чему стремятся, не знаютъ даже самихъ себя, не властны надъ собою, не могутъ сдерживать „необъятныхъ силъ,“ роковымъ образомъ влекущихъ ихъ къ ненасытной дѣятельности. Эти чуждые всѣмъ на землѣ люди—какіе-то „роковые“

люди, самое бытіе которыхъ можно объяснить только лишь „причудой злой судьбы“. Вполнѣ понятно, что Лермонтовъ не могъ находить такихъ роковыхъ демоническихъ характеровъ въ современномъ „изнѣженномъ и немощномъ“ обществѣ; въ погонѣ за ними онъ постоянно оставляетъ окружающую его среду и выбираетъ дѣйствующими лицами для своихъ эпическихъ произведеній то горцевъ, народъ необразованный, дикій, не утратившій естественныхъ силъ и готовый отважно проявить ихъ при каждомъ случаѣ, то обращается къ исторіи и тамъ ищетъ могучихъ энергичныхъ, неустрашимыхъ и рѣшительныхъ характеровъ. Даже мѣстомъ дѣйствія для своихъ героевъ поэтъ чаще всего выбираетъ Кавказъ, дикая, но величественная красота котораго, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ могучему и широкому разгулу „необъятныхъ“ силъ этихъ героевъ.

Лучшею изъ кавказскихъ поэмъ Лермонтова, какъ по обработкѣ сюжета, такъ и по роскошнымъ описаніямъ природы, справедливо считается поэма „Мцыри“.

Герой поэмы „Мцыри“, юноша, полный „могучаго духа“, душевной энергіи, съ пылкимъ сердцемъ и безпокойнымъ умомъ. Во вступленіи разсказа выражается стремленіе къ простору и свободѣ того гордаго и могучаго горца, котораго хотѣли заперѣть въ монастырѣ, какъ орла въ клѣткѣ. Шести лѣтъ привезенный русскимъ генераломъ изъ горъ въ Тифлисъ и сильно заболѣвшій, Мцыри томился безъ жалобъ, не обнаруживалъ мукъ даже слабымъ стономъ, отвергалъ пищу и съ гордымъ безмолвіемъ дожидался смерти.

Онъ не уступалъ Измаилу въ могучихъ силахъ духа, укрѣпленныхъ, а неослабленныхъ болѣзнею. Попеченія монаха спасли его отъ смерти. Впослѣдствіи его окрестили; онъ выросъ, получилъ званіе „мцыри,“ что на грузинскомъ языкѣ значитъ: послушникъ. Онъ выросъ вдали отъ своихъ, въ чуждой ему обстановкѣ, стѣснительной и ничего не говорившей его сердцу. Отца и матери онъ не помнилъ, но душою чувствовалъ святость этихъ именъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ его жизни были туманныя воспоминанія о прежнихъ годахъ любви и свободы, которыя окружали его дѣтство среди родной ему природы. Контрастъ этихъ воспоминаній со скучною и замкнутой монастырскою жизнью оставался неразрѣшимымъ противорѣчіемъ, кругомъ,

въ которомъ должны были вращаться его мысли и чувства.

Онъ былъ одинокъ, и одиночество свое пытался скрашивать мечтой, неопредѣленной мечтой, которая влекла его куда-то въ даль, сулила ему въ будущемъ славу подвиговъ, прославившихъ жизнь его предковъ, и обѣщала ему въ награду любовь, еще неиспытанную имъ въ жизни. Онъ уже готовился изрѣчь обѣтъ монашества, какъ вдругъ одною осеннею ночью, во время страшной грозы, когда всѣ монахи были въ ужасѣ и отъ страха пали ницъ на землю, онъ убѣгаетъ изъ монастыря на свободу безъ опредѣленной цѣли, руководимый однимъ желаніемъ вырваться изъ темницы:

„Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской.“

Три дня, проведенные имъ на свободѣ были для него цѣлою жизнью. Скитаясь среди пустынной природы, какъ дикарь, онъ упивался однимъ только чувствомъ свободы. Его бурное сердце, не знающее и не желающее покоя, какъ-то неровно и порывисто. Описывая грозу въ дремучемъ лѣсу, Мцыри съ восторгомъ восклицаетъ:

. . . . . О, я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ.
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой.

Едва только Мцыри очутился на лонѣ чудной природы, межъ его бурнымъ сердцемъ и грозой завязалась краткая, но живая дружба. Всѣ волшебные голоса природы, вся ея краса сразу стали ему доступны. Никогда въ монастырѣ онъ не былъ такъ религіозно настроенъ, какъ среди этой дикой природы. На четвертый день его нашли въ степи умирающимъ и перенесли обратно въ монастырь, гдѣ онъ передъ смертью разсказываетъ старому монаху обо всемъ, что онъ испыталъ во время своего бѣгства.

Самая поэма заключается въ исповѣди Мцыри, въ описаніи тѣхъ впечатлѣній и ощущеній, которыя испыталъ онъ во время трехдневнаго скитанья.

Убѣгая изъ монастыря, Мцыри, наконецъ, усталый прилегъ между высокихъ травъ и заснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ, что лежитъ на краю страшной бездны. Наступаетъ разсвѣтъ, природа пробуждается, повсюду раздается веселое пѣніе птичекъ. Мцыри припадаетъ къ землѣ и начинаетъ вслушиваться въ волшебные, странные звуки, которые раздаются вокругъ него; ему кажется, что эти голоса ведутъ рѣчь „о тайнахъ неба и земли“. Между тѣмъ наступаетъ полдень: томимый жаждой, Мцыри спускается съ бездны по ея крутизнамъ къ рѣчкѣ за водой. Здѣсь, въ царствѣ свободы, юноша встрѣчается съ молодой грузинкой, которая мелькнула ему, какъ небесное видѣніе; она прошла, не замѣчая его, и скрылась.

Вдругъ голосъ... легкій шумъ шаговъ..
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ.
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безыскусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла;
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.

Сонъ освѣжаетъ силы странника и онъ встаетъ, чтобы продолжать свой путь къ родному краю, забывъ, что теперь для этого края онъ человѣкъ чужой.

Пройдя горы, онъ вступаетъ въ густой тѣнистый лѣсъ и здѣсь встрѣчаетъ „вѣчнаго гостя пустыни“, „могучаго барса“, который грызя сырую кость, весело визжалъ. Сцена борьбы съ барсомъ—одна изъ лучшихъ сценъ поэмы. Человѣкъ вступаетъ въ отчаянную борьбу съ вольнымъ сыномъ природы.

И барсъ, и Мцыри—родные по крови и враги случайные. Они одною любовью любятъ свой край и свою свободу. Но случай столкнулъ ихъ, и болѣе слабый погибъ. Когда Мцыри бродилъ одинъ по лѣсамъ, на свободѣ, гордость и презрѣніе къ людямъ развились въ его душѣ въ ненависть. Потерявъ надежду попасть на родину, онъ предался отчаянію, плакалъ горючими слезами и „грызъ сырую грудь земли“; но онъ не желалъ людской помощи.

Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной,
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ —клянусь, старикъ,
Ябъ вырвалъ слабый мой языкъ,

Мцыри не искалъ людской помощи и тогда, когда изнемогалъ въ лѣсу отъ ранъ, отъ голода и жажды; а между тѣмъ тѣ люди, отъ которыхъ могла бы прійти, и дѣйствительно, пришла помощь, монахи,—не сдѣлали ему никакого зла. въ сущности самъ онъ былъ радъ, что могъ, умирая, излить передъ однимъ изъ нихъ все, что волновало его душу.

Злоба доходитъ въ его сердцѣ до того, что онъ начинаетъ гордиться своимъ отчужденіемъ отъ человѣка; въ немъ развиваются иногда звѣрскіе инстинкты и берутъ перевѣсъ надъ духовнымъ началомъ.

Гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней,
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ, и прятался, какъ змѣй.

Да и въ борьбѣ съ барсомъ Мцыри проявилъ не человѣческую доблесть, а скорѣе самъ превратился въ животное:

И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ,
Какъ барсъ пустынный золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ,
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ,
Казалось, что слова людей
Забылъ я ..

Побѣдивъ барса, Мцыри вышелъ изъ лѣсу; онъ услышалъ звонъ монастырскаго колокола; ему стало такъ тяжело, какъ-будто кто ударилъ его въ грудь желѣзомъ; онъ смутно понялъ тогда, что ему не проложить слѣда на родину, къ которой устремлены были всѣ его молодыя мечты.

Стремленіе дать просторъ и упражненіе накопившейся силѣ, неукротимая жажда дѣятельности довели Мцыри до „жажды крови“, но судьба, своею рукою ведшая его инымъ путемъ, зло „смѣялась“ надъ нимъ: на четвертый день она снова привела его въ окрестности монастыря, откуда онъ бѣжалъ. Между тѣмъ жаръ палилъ сильнѣе, а Мцыри, лишенный силъ, лежалъ на травѣ. Въ мучительной жаждѣ онъ началъ бредить. Въ сонныхъ грезахъ забытья фантазія подсказывала ему поэтическую пѣсню рыбки:

Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье —
И холодъ, и покой...

Мцыри вернулся вновь къ своей темницѣ, проблуждавъ напрасно въ горахъ, и не найдя дороги къ обѣтованному краю.

И страшно было мнѣ. Понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что безполезно столько дней

Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ.
И все зачѣмъ? Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой.
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!

Все, что онъ вынесъ изъ этой отчаянной попытки вырваться на волю, было: трехдневная жизнь съ природой, сонъ любви и безплодный геройскій подвигъ — убійство невиннаго звѣря.

Финалъ поэмы полонъ религіознаго смиренія. Мцыри — герой мирно настроенный, хотя онъ и въ родствѣ съ демоническими натурами. Пусть онъ и не желалъ людской помощи, и былъ чуждъ для людей, но „людямъ онъ не дѣлалъ зла“ и умеръ „рабомъ и сиротой“, безъ проклятій и съ вѣрой въ Бога:

„Прощай, отецъ... дай руку мнѣ.
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ..
Знай, этотъ пламень съ юныхъ дней,
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!
Когда я стану умирать—
И вѣрь, тебѣ не долго ждать —
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли

Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ,
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ,
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!...

Вообще поэма „Мцыри“ не богата дѣйствіемъ, такъ какъ поэтъ передаетъ въ ней собственно одинъ фактъ изъ жизни своего героя, но за то она обильна поразительными и яркими картинами, изъ которыхъ, какъ на лучшую и самую блестящую, полную трагизма и ужаса, можно указать на картину борьбы съ барсомъ.

Въ этой поэмѣ Лермонтовъ далъ особенно широкій просторъ картинамъ природы и выказалъ въ созданіи ихъ замѣчательное мастерство. Мало того, что природа Кавказа вообще изображена у него полнѣе чѣмъ у Пушкина, онъ по замѣчанію Боденштедта, нѣмецкаго его переводчика и критика, „стоитъ въ этомъ отношеніи на недосягаемой высотѣ“. Своими картинами онъ рѣшилъ трудную задачу удовлетворить въ одно и то же время и естествоиспытателя и эстетика. Онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до мельчайшихъ подробностей. Всѣ картины его возстаютъ передъ нами въ яркихъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою-то поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣ-

жестью этихъ горъ, цвѣтовъ луговъ и лѣсовъ. Но главнымъ образомъ „Мцыри“ замѣчательна тѣмъ, что въ ней поэтъ старается указать и даже нѣсколько объяснить элементы и мотивы, изъ которыхъ сложился и подъ вліяніемъ которыхъ развился могучій духъ героя. Вообще же Лермонтовъ не любитъ объяснять, во имя чего дѣйствуютъ созданные имъ герои, по какимъ причинамъ и побужденіямъ образовалось въ нихъ то духовное состояніе, которое обнаруживается въ ихъ дѣйствіяхъ, чувствахъ и понятіяхъ. Даже и здѣсь онъ дѣлаетъ это, такъ сказать, мимоходомъ, ограничиваясь лишь отрывочными замѣчаніями, намеками, въ родѣ того, что мучительный недугъ развилъ въ ребенкѣ могучій духъ его отцовъ, или, что постоянная тоска по родинѣ воспитала въ немъ одну, но пламенную страсть. На самомъ же дѣлѣ главною причиною необычайной энергіи и силы могучаго духа Мцыри является все та же природа или порода; воспитаніе, жизнь сдѣлали въ этомъ случаѣ не много — они только поддержали, развили враждебныя могучія силы героя. Въ „Мцыри“ высоко, до утонченности развиты чувство свободы и чуство прекраснаго и вообще обоятельную нѣжность чувства, а равно и гордое презрѣніе къ людямъ слѣдуетъ отнести на счетъ самаго поэта, а не его героя, по природѣ способнаго только къ дикой, огненной, полузвѣрской страсти.

Критикъ Бѣлинскій отозвался о поэмѣ Мцыри такъ: „Можно сказать безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужскими окончаніями звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ со средоточнымъ чувствомъ, несокрушимою силою могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ, какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! Тутъ и бури духа и умиленіе сердца, и вопли отчаянія и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, мракъ ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ

полудня, и таинственное обояніе вечера! Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа."

Бояринъ Орша (1835—1837).

Поэма „Бояринъ Орша" была задумана еще въ юношескіе годы, какъ это видно по отрывку „Исповѣдь" 1830 г., изъ котораго много стиховъ было взято Лермонтовымъ для „Боярина Орши". Поэма эта была дополнена и передѣлана въ духѣ Байрона, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что относится къ внѣшней сценировкѣ, наконецъ, болѣе удачныя мѣста были вновь перенесены самимъ авторомъ въ позднѣйшую изъ поэмъ, въ „Мцыри",

Обрисовка героевъ въ поэмѣ „Бояринъ Орша" страдаетъ неясностью. Хотя дѣйствіе происходитъ въ Россіи, въ эпоху Іоанна Грознаго, однако ничего народнаго въ поэмѣ нѣтъ, кромѣ именъ.

Содержаніе поэмы.

Глава 1-ая. Въ царствованіе Іоанна Грознаго жилъ въ Москвѣ бояринъ Михаилъ, по прозванію Орша. Важный боярскій санъ онъ получилъ отъ государя. Царь „далъ ему съ руки своей кольцо", пожаловалъ собольею шубою „съ плечъ своихъ". Мало того, похристосовавшись „въ день Воскресенія Христа" съ бояриномъ, Грозный царь обѣщалъ подарить ему „тридцать царскихъ деревень" съ тѣмъ, чтобы Орша до конца дней своихъ „не отлучался отъ дворца". Но бояринъ былъ угрюмъ, не любилъ придворнаго шума; видъ трепещущихъ льстецовъ былъ ему противенъ и онъ щипалъ концы своихъ усовъ при видѣ ихъ; кромѣ того, его какъ-то разъ

обидѣлъ опричникъ. На милостивыя слова государя, бояринъ сталъ просить отпустить его на родину. Онъ откровенно сознался „надеждѣ—царю“, что силы его падаютъ съ каждымъ днемъ, и онъ даже не можетъ вымстить обиды врагу, а между тѣмъ во дворцѣ и безъ него много вѣрныхъ слугъ. Съ другой стороны, старый его домъ на крутомъ берегу Днѣпра, близъ границы Литвы совсѣмъ разрушился, а ему хотѣлось бы поклониться Днѣпру и умереть тамъ, гдѣ онъ родился. Царь отпустилъ боярина и послѣдній увидѣлъ свой старый домъ. Золотомъ, серебромъ, иконами въ драгоцѣнныхъ ризахъ, шелковыми коврами и другими царскими подарками разукрасилъ Орша свой теремъ. Но главное сокровище всѣхъ этихъ богатствъ „былъ Божій даръ“—молодая дочь, и ее бояринъ любилъ безгранично, „о ней онъ думалъ день и ночь“. Свѣжая, невинная красавица была какъ-бы живымъ памятникомъ былого и объ участи ея Орша постоянно мечталъ.

Наступилъ вечеръ. Въ боярскомъ домѣ лишь свѣтится одно окно. Дворъ усадьбы угрюмъ и пусть. Сторожъ провѣривъ, хорошо-ли заперты замки, съ гремучей связкою ключей подошелъ къ калиткѣ, возвелъ взоръ къ небу и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ, сказалъ: „А завтра быть грозѣ большой“. Это предположеніе онъ высказалъ, замѣтивъ, что „молнія вдали такъ и доходитъ до земли; и бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ, завернутъ въ черныхъ облакахъ; и воетъ вѣтеръ, будто звѣрь“... Считаясь съ суевѣрными предзнаменованіями, сторожъ говоритъ, что въ такую погоду онъ ни за какія блага не рѣшился-бы „отъѣхать отъ крыльца“ и такъ разсуждая, онъ поспѣшилъ домой. И снова вокругъ усадьбы водворилась мертвая тишина. Въ домѣ боярина всѣ спятъ за исключеніемъ его угрюмаго властелина. Бояринъ лежитъ на своемъ богатомъ ложѣ; полусгорѣвшая свѣча причудливо освѣщаетъ иконы и невольно въ душу Орши закрадывается тоска, а затѣмъ и страхъ. Далѣе онъ свиснулъ и на его свистъ вошелъ „любимый рабъ его Соколъ“. Заявивъ слугѣ, что ему скучно, что его мучаютъ однѣ черныя думы, бояринъ приказалъ ему сѣсть поближе на скамейку и сказками разсѣять его грусть; онъ думалъ, что повѣсти про „прежніе златые дни“ заставятъ его припомнить это время и заснуть подъ „говоръ словъ“.

Присѣвъ на скамьѣ, Соколъ началъ разсказывать, что „за тридевять земель, въ тридесятомъ княжествѣ“ жилъ извѣстный и мудрый царь. Богатство царскихъ палатъ поражало всѣхъ; жизнь царя текла весело, пока не подросла его красавица дочь. Какъ самое дорогое сокровище, царь скрылъ свою дочь „отъ молодецкихъ глазъ,“ не допуская къ ней никого. Самъ царь ходилъ три раза въ день любоваться царевной-дочерью. Однажды въ темную ночь, ему захотѣлось взглянуть, какъ спитъ молодая дочь. Тихо пробравшись въ башню, гдѣ была скрыта красавица, царь замѣтилъ, что дочь „сладко спитъ, но не одна“, а вмѣстѣ съ молодымъ конюхомъ. Разгнѣвавшись, царь повелѣлъ ихъ обоихъ безъ суда засмолить въ бочку и бросить въ море. Махнувъ дрожащею рукою, бояринъ прервалъ разсказчика и велѣлъ ему удалиться, а сказку, „про оскорбленнаго отца“ онъ окончитъ въ другой разъ.

Какъ тѣни облака, промчались черныя думы по морщинамъ старика, и встревоженное сердце предчувствовало какую-то бѣду. Собравъ свои силы, бояринъ быстро поднялся со своего мягкаго ложа, накинулъ на плечи шубу, взялъ свѣчу и быстро направился къ свѣтелкѣ своей дочери.

При взбираніи по крутой лѣстницѣ, отъ волненія „свѣчка раза два изъ рукъ не выпала едва.“ Поднявшись онъ видитъ, что приставленная къ дочери няня спитъ, сидя на сундукѣ и только иногда во снѣ киваетъ головой. Услыша стукъ, старуха проснулась, перекрестилась, и снова заснула крѣпкимъ сномъ. Приложивъ свое чуткое ухо къ замку, бояринъ, увѣренный въ непорочности своей дочери, мысленно думалъ наказать раба Сокола „за дерзкій и хитрый намекъ.“ „Но вдругъ... о горе! о позоръ! онъ слышитъ тихій разговоръ...!“

И старику пришлось услышать лепетъ его дочери со слугою Арсеніемъ, окончившійся неоднократными поцѣлуями. Бояринъ былъ въ ужасѣ и, „изступленный и нѣмой, предсталъ предъ блѣдною четой“... Раздался громкій, мучительный крикъ старика и на его зовъ сбѣжалась толпа послушныхъ рабовъ, которые безъ борьбы схватили юношу, крѣпко связали его веревками и увели. Послѣ этого съ бояриномъ остался только одинъ Соколъ. Бояринъ въ послѣдній разъ взглянулъ въ дверь, трижды повернулъ ключъ въ заржавленномъ замкѣ,

потомъ отворилъ окно, подъ которымъ бушевалъ грозный Днѣпръ, и съ силою бросилъ ключъ въ воду. Такъ рѣшивъ свою судьбу, бояринъ тихо указалъ своему вѣрному рабу на волны, „и тотъ поклономъ отвѣчалъ.“

Затѣмъ снова всѣ въ домѣ заснули крѣпкимъ сномъ, кромѣ его угрюмаго властителя.

Глава II. Дѣйствіе этой главы происходитъ въ монастырѣ, гдѣ на обѣднѣ присутствуетъ много народу, въ томъ числѣ и боярынъ Орша. Рабы его, прекрасно одѣтые и вооруженные, находятся на монастырскомъ дворѣ у святыхъ воротъ.

Между бояриновыми слугами выдѣляется молодой стремянный боярина, который правою рукой держитъ за гриву боярскаго коня,

Послѣ окончанія обѣдни, колокола еще гудятъ, слышно еще пѣніе, и среди длиннаго ряда свѣчъ идетъ отецъ игуменъ, котораго сопровождаютъ монахи „прямо въ трапезу“, гдѣ долженъ совершиться грозный и послѣдній судъ надъ грѣшной головой. Въ трапезѣ налѣво къ стѣнѣ стояли два стола „и пышныхъ креселъ полукругъ“. Мебель и украшеніе этой комнаты составляли работу скромныхъ и смиренныхъ иноковъ. Передъ столомъ на мягкомъ креслѣ сидѣлъ, молча, боярынъ Орша. Въ противоположномъ концѣ этой залы стоялъ къ нему спиною одинъ Арсеній, закованный въ цѣпяхъ, въ одеждѣ раба. Вдругъ отворилась дверь, и раздался звукъ шаговъ. Вошла „толпа людей въ высокихъ, черныхъ клобукахъ, съ свѣчами длинными въ рукахъ“; впереди ихъ шелъ слѣпой старикъ-игуменъ, склонясь на ногахъ и держа въ рукѣ передъ собой крестъ, усыпанный дорогими камнями.

Перекрестившись, старецъ отдалъ приказаніе подвести плѣнника и въ то же время позвалъ къ себѣ одного изъ чернецовъ; затѣмъ игуменъ, наклонившись, прошепталъ на ухо что-то боярину, который съ своей стороны, только кивнулъ головой. Послѣ этого слѣпой старецъ махнулъ рукой; монахъ понялъ этотъ знакъ и, обратившись къ Арсенію, сказалъ, что онъ на свѣтѣ много уже грѣшилъ, но послѣдній грѣхъ страшнѣе всѣхъ прочихъ, а потому земной судъ не можетъ простить ему, „но въ небѣ есть Судья иной: Онъ милосердъ, Ему теперь при насъ дѣла свои повѣрь.“ Далѣе Арсеній благода-

рить, что онъ пришелъ сюда выслушать его исповѣдь; а затѣмъ онъ говоритъ, что и безъ него легко знать все дѣло, но душу свою разсказать это ужъ черезчуръ трудно. Если-бъ Арсеній былъ въ состояніи открыть передъ старцемъ свою грудь, то послѣдній, безъ сомнѣнія, не могъ-бы положительно сказать что Арсеній злодѣй. Несмотря на то, что у монаховъ имѣется свой законъ, утвержденный рукою Бога, Арсеній прибавляетъ, что въ его сердцѣ имѣется другой не менѣе святой законъ который вполнѣ оправдываетъ его поступокъ. Затѣмъ Арсеній, увѣряя, что подъ одеждой раба онъ все таки человѣкъ, какъ и всякій другой, открыто заявляетъ, что слѣпой старикъ навѣрное поддался-бы соблазну, если-бы увидѣлъ эту дѣвушку не только на яву, но и во снѣ; плѣнникъ увѣренъ, что старецъ, подобно ему, позабывъ грозныя клятвы, считалъ-бы себя счастливымъ перенести его позоръ и страданіе „за ея слово, ласку или взоръ“. Тутъ бояринъ Орша прерываетъ Арсенія и не позволяетъ ему вспоминать о его дочери, которую онъ считаетъ змѣей, выросшей на его груди. Арсенія же бояринъ называетъ найденышемъ „безъ креста, презрѣннымъ рабомъ и сиротой“, и грозитъ ему отплатой. Тогда Арсеній говоритъ, что онъ, правда, не знаетъ своихъ родителей, и, по словамъ окружающей близкой среды, онъ былъ взятъ боярином и отданъ на воспитаніе монахамъ. Боярин хотѣлъ, чтобы Арсеній въ обители отвыкъ отъ сладкихъ словъ „отецъ и мать“, но этимъ не достигъ своей цѣли. Съ этого момента онъ не хочетъ предать ихъ имя палачу и готовъ умереть его рабомъ, какъ жилъ. Далѣе Арсеній обращается къ игумену, говоря, что имъ обоимъ нечего бояться въ виду того, что ихъ обоихъ ждетъ смерть, безразлично, когда она предстанетъ; правда, что святой отецъ попадетъ въ рай, а онъ въ адъ, но путь все-таки для нихъ одинъ и тотъ-же.

Въ теченіе всей своей жизни Арсеній два раза чувствовалъ себя свободнымъ; въ первый разъ онъ былъ свободенъ, когда монахи, испуганные грозой, столпились при алтарѣ и лежали ницъ на землѣ, а Арсеній убѣжалъ изъ стѣнъ монастыря, восторгаясь бурею, называя ее своимъ братомъ и, предаваясь разнымъ мечтамъ. Настоящій-же моментъ — второй случай его свободы.

На все сказанное Арсеніемъ игуменъ ему отвѣчаетъ, что монахи вовсе не интересуются его мечтами, но что онъ обвиняется совсѣмъ въ другомъ дѣлѣ. Старецъ проситъ его открыть ему своихъ сообщниковъ, при помощи которыхъ онъ задумалъ увести дочь боярина. На это Арсеній отвѣчаетъ, что имена своихъ сообщниковъ онъ сохранитъ въ глубокой тайнѣ и что ни въ чемъ не признается, даже если-бы его подвергли пыткѣ.

Несмотря на просьбы и мольбы монаховъ и игумена, чтобы Арсеній ничего не скрылъ и не богохульствовалъ, онъ крѣпко держится своего слова и говоритъ, что его могила ничуть не страшитъ.

Послѣ этого Арсеній началъ восхвалять міръ, говоря, что онъ хочетъ жить и упрекалъ игумена въ томъ, что у игумена есть что въ мірѣ забыть, такъ, какъ онъ въ свое время жилъ. При этихъ дерзкихъ словахъ Арсенія игуменъ вышелъ со своего мѣста и прервалъ его рѣчь.

Присутствующіе же монахи грозно перешептывались между собой и рѣшили наглаго преступника подвергнуть пыткамъ, но Арсеній по прежнему невозмутимъ и вполнѣ хладнокровно выслушиваетъ подобнаго рода угрозы. Когда же святые отцы собрались въ храмѣ, гдѣ шла обѣдня, въ церковь вбѣгаетъ служка и что-то сообщаетъ игумену. Послѣдній вздрогнувъ, приказалъ спросить казначея, не потерялъ ли онъ ключей отъ темницы, въ которой сидѣлъ Арсеній. Оказалось, что Арсеній убѣжалъ изъ темницы, хотя ключи были у казначея. Послѣ монахи замѣтили, что рѣшетка узкаго окна была распилена, а на пескѣ сохранились слѣды различныхъ ногъ. Кромѣ того, остался стальной кинжалъ, и въ вѣтвяхъ березы былъ скрученъ крѣпкимъ узломъ польскій шелковый кушакъ. По слѣдамъ, оставшимся на пескѣ, монахи дошли до рѣки Днѣпра; здѣсь на берегу рѣки они замѣтили на мели „рубецъ отчалившей лодки“, а вблизи валялся кусокъ того-же кушака. Все это убѣдило монаховъ, что Арсеній большой злодѣй, разъ нашлись люди, которые выручили его изъ такого несчастія и помогли ему бѣжать.

Глава III. Съ наступленіемъ суровой зимы, боярынъ Орша приказалъ собраться своимъ слугамъ, наточить мечи и осѣдлать

коней. Вслѣдъ за этимъ стало извѣстно, что литовцы со своими лучшими воеводами направляются на русскую землю. Отъ русскаго войска помчались во всѣ стороны гонцы, призывающіе бояръ и ихъ слугъ на битву. Орша со своими слугами выѣхалъ на войну.

Выѣзжая со двора, слуги боярина осѣнили себя крестнымъ знаменемъ, а Орша, какъ татарскій князь, не крестясь, возвелъ свои глаза на теремъ, гдѣ раньше онъ жилъ безъ заботъ, но гдѣ теперь обитаетъ только вѣтеръ. Послѣ битвы по полю, усѣянному обломками копій и мечей разъѣзжалъ всадникъ, который что-то искалъ. По серединѣ долины, у кургана съ корнистымъ дубомъ сначала происходилъ страшный бой, который продолжался не долго. На этомъ курганѣ лежала громада обезображенныхъ тѣлъ. Когда въѣхалъ на этотъ курганъ всадникъ, онъ вспомнилъ, что на этомъ мѣстѣ съ пятью рабами мужественно сражался бояринъ, который не въ состояніи былъ убѣжать съ поля битвы. Въ это время смертельно раненый бояринъ Орша приходитъ въ себя и, узнавъ Арсенія, крайне сожалѣетъ, что онъ не успѣлъ ему отомстить; Арсеній умоляетъ боярина позабыть прошлое, проситъ его сказать ему, гдѣ находится его дочь, которую онъ поклялся спасти.

Бояринъ велитъ ему отправиться въ его старый теремъ, гдѣ живетъ его дочь, которая по цѣлымъ днямъ и ночамъ не спитъ и не ѣстъ, но ждетъ своего милаго; онъ велитъ ему спѣшить, такъ какъ обиженный отецъ не долженъ быть страшенъ для нихъ. Съ этими словами бояринъ Орша испустилъ духъ.

Арсеній поднялъ голову боярина съ земли, распахнулъ его кафтанъ и увидѣлъ кровавые слѣды ранъ. Приложивъ руку къ сердцу старика, Арсеній по трепету заигравшихъ жилъ убѣдился, „что въ буйномъ сердцѣ мертвеца кипѣли страсти до конца.“

Съ наступленіемъ вечера Арсеній сѣлъ на коня и, спустя нѣкоторое время, очутился на крутомъ берегу Днѣпра, у терема боярина Орши. Онъ слѣзъ съ коня и направился въ домъ. Налѣво двери были заперты на большой замокъ. Вынувъ ножъ, Арсеній всунулъ въ скважину замка, который безъ труда распался. Отворивъ дверь, Арсеній робко вошелъ въ свѣ-

тлицу своей возлюбленной, но тамъ онъ увидѣлъ одинъ ея скелетъ. Страшно грустно ему стало, что „она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ.“ Онъ уходитъ отсюда навсегда, погруженный въ страшную тоску и полагаетъ, что „вьюга завѣетъ его слѣдъ“.

Характеристики дѣйствующихъ лицъ.

Арсеній.

Сюжетъ поэмы „Бояринъ Орша“, несмотря на внѣшній колоритъ русской народной жизни, не содержитъ въ себѣ ничего русскаго. Бояринъ орша, его дочь, его совѣтникъ, описаніе замка и сцена битвы — все напоминаетъ произведенія Байрона. Въ самыхъ же герояхъ мы снова замѣчаемъ пристрастіе Лермонтова къ одному и тому же типу. Какъ въ горцѣ, не смотря на его племенное отличіе отъ европейцевъ, явился европеецъ, такъ въ современникѣ поэта, явились бояринъ Орша и Арсеній, жившіе во время оно (какъ это отмѣчено въ началѣ поэмы), въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Главное дѣйствующее лицо носитъ байроновскій характеръ и совершенно не соотвѣтствуетъ духу того времени. Личность Арсенія окружена какою-то таинственностью. О его прошедшей жизни мы узнаемъ изъ поэмы очень мало; его происхожденіе темно, такъ какъ неизвѣстно, чей онъ сынъ. Арсеній не помнитъ своихъ родителей, а воспитатели его, монахи, старались всячески заглушить въ немъ сладкое слово „отецъ и мать“. Помимо немногихъ намековъ на то, что Арсеній дѣтство свое провелъ въ монастырѣ, мы ничего не знаемъ, и слѣдовательно не можемъ объяснить себѣ элементы и мотивы, изъ которыхъ сложился и подъ вліяніемъ которыхъ развился характеръ героя. Читатель знакомится съ Арсеніемъ въ тотъ періодъ возраста, когда онъ дѣйствуетъ самостоятельно, безъ непосредственнаго вліянія съ чьей либо стороны, но надо думать, что когда-нибудь такое вліяніе было. Арсеній молодъ, но его молодость отягощена мрачной думой, силою которой жизнь изживается въ короткіе годы и грядущее сулитъ только повто-

реніе прошлыхъ страданій. Несмотря на душевныя терзанія, Арсеній отваженъ, храбръ и къ жизненнымъ невзгодамъ, которымъ онъ подвергался, съ которыми ему приходилось сталкиваться, относится не только вполнѣ равнодушно, но благодаря своей энергіи всюду выходитъ побѣдителемъ. Арсеній бурю называетъ своимъ братомъ, не пугается грозныхъ минутъ жизни, такъ какъ убѣжденъ, что онѣ неизбѣжны въ человѣческой жизни. Въ то же время онъ способенъ на глубокое сердечное чувство. Чувство любви дѣйствуетъ на Арсенія смягчающе и просвѣтляюще; онъ весь горитъ пламенемъ возвышенной любви къ красавицѣ, которая своимъ внѣшнимъ видомъ, своей осанкой, своимъ милымъ взоромъ воспламѣнила и очаровала его страстную душу. Представъ передъ судьями монахами, Арсеній вовсе не думаетъ скрываться или отказываться отъ своего чувства, хотя тутъ же сидитъ отецъ любимой имъ дѣвушки; онъ даже старается убѣдить игумена, что и послѣдній, можетъ быть, поступилъ бы не иначе, если бы судьба столкнула его съ такой же чудной дѣвушкой.

Но всѣхъ равно влечетъ судьба.
И подъ одеждою раба,
Но полный жизни молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты, слѣпой старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить,
И клятвы бъ грозныя забылъ,
И перенестъ бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое страданье, мой позоръ!

Вся исповѣдь Арсенія передъ судомъ—восторженное славословіе свободы чувствъ, мнѣній и дѣйствій; гимнъ свободѣ, на которую имѣетъ право каждый человѣкъ, полный молодости и силъ. Однако онъ благороденъ и великодушенъ: онъ ни за что не рѣшается выдать своихъ сообщниковъ; съ гордой силой воли онъ выноситъ тяжелыя и позорныя пытки и заявляетъ,

что онъ самъ вырветъ свой слабый языкъ, если на минуту крикъ измѣнитъ ему. Бѣжавъ изъ монастыря, Арсеній думаетъ мстить Оршѣ и своей бывшей родинѣ, отъ которой отрекся, участіемъ въ нападеніи поляковъ на русскихъ. Когда же на полѣ битвы онъ встрѣчаетъ умирающаго своего врага, въ его сердцѣ нѣтъ злобы. Онъ разспрашиваетъ старика, гдѣ его дочь, такъ какъ онъ поклялся спасти ее. Мало того, Арсеній полный радости спѣшитъ къ своей возлюбленной, и что же онъ застаетъ, когда доскакалъ до усадьбы? — одинъ бездушный прахъ.

Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли.

Видъ праха любимой дѣвушки поражаетъ Арсенія, еще болѣе убѣждаетъ въ безцѣльности жизни, и онъ заключаетъ поэму такими словами:

Иду отсюда навсегда,
Безъ думъ, безъ цѣли, безъ труда,
Одинъ съ тоской.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Арсеній, какъ бы второй экземпляръ Мцыри, но только умудренный жизненнымъ опытомъ. Разсказъ его о себѣ не только изложеніемъ, но цѣлыми тирадами повторяетъ иногда слова Мцыри.

Можно предположить, что послѣдній, какъ болѣе обработанный, передаетъ тотъ образъ, который въ первомъ, еще неясно обозначившемся очеркѣ, зачался въ фантазіи поэта. Это два наброска одного и того же характера: одинъ—набросанный безъ отдѣлки, другой—болѣе отдѣланный.

Бояринъ Орша.

Бояринъ Орша выведенъ въ поэмѣ врагомъ Арсенія, но слѣдуетъ замѣтить, что по своему характеру они натуры род-

ственныя. Неравенство лѣтъ, конечно, не значитъ здѣсь ничего. Надо думать, что онъ былъ одинъ изъ вѣрныхъ слугъ Іоанна Грознаго. Вѣдь, не напрасно государь обдариваетъ его, даетъ кольцо со своей руки, жалуетъ собольею шубою со своего плеча. Расположеніе и любовь Грознаго къ боярину видны изъ того, что государь хотѣлъ имѣть его при себѣ до конца его дней и, за исполненіе своего желанія, обѣщалъ подарить ему тридцать деревень, лишь бы бояринъ „не отлучался отъ двора.“ Но Орша отличался угрюмымъ нравомъ и правдивостью. Трусливая лесть царедворцевъ была ему противна; шумные царскіе пиры не пользовались особенною его любовью, и онъ выпросилъ у Грознаго разрѣшеніе поселиться въ своемъ родномъ имѣніи на крутомъ берегу Днѣпра. И здѣсь, въ глуши, бояринъ остался вѣрнымъ слугою своего государя, и какъ только разнеслась вѣсть, что Литва идетъ войною на русскую землю, Орша сейчасъ же собрался съ вооруженной челядью въ походъ. На войнѣ бояринъ храбро сражается, окруженный своими пятью рабами, и врагамъ дорого досталась его голова. Облитый кровью, онъ старался своею саблею наносить удары врагамъ.

Но совершенно съ другой стороны онъ обрисованъ въ своей жизни. Несмотря на свой угрюмый, крутой нравъ, никогда не ослабѣвающій передъ бѣдами, онъ благоговѣетъ передъ своею красавицей дочерью. Но страстно любя свою дочь, бояринъ изъ чувства оскорбленной гордости, обрекаетъ ее однако на страшную смерть отъ голода въ заточеніи за то, что она хотѣла тайно бѣжать съ любимымъ человѣкомъ. Въ битвѣ съ врагами Орша падаетъ героемъ, не измѣняя ни силѣ непреклоннаго нрава, ни чувству непреклоннаго мщенія; онъ и умираетъ такимъ же непримиримо гордымъ, какъ жилъ; даже въ послѣдній моментъ своей жизни онъ не забываетъ чувства мщенія и на разспросы Арсенія съ чувствомъ злобной ироніи отвѣчаетъ, что любимая имъ дѣвушка поджидаетъ его дома.

Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ.
Спѣши...

Не подозрѣвающій истины, Арсеній скачетъ въ усадьбу боярина и находитъ въ запертой свѣтелкѣ только кости любимой дѣвушки. Боярину Оршѣ удалось отомстить своему врагу.

Художественная сторона поэмы.

Картины, которыя рисуетъ Лермонтовъ въ своей поэмѣ, верхъ совершенства; даже трудно сказать, которая изъ нихъ удалась поэту лучше. Правда, въ созданныхъ поэтомъ типахъ мы встрѣчаемъ своихъ прежнихъ знакомцевъ. Такъ, Арсеній изображенъ такимъ же гордымъ страдальцемъ, съ печатью отверженія, какъ и Измаилъ-бей. Въ обрисовкѣ героевъ чувствуется вліяніе Байрона; но что касается описательной части поэмы, то Лермонтовъ здѣсь ясно доказалъ, что ему понятна не одна только дикая природа Кавказа; природа Россіи въ его художественномъ описаніи не оставляетъ желать ничего лучшаго: художественность и правдивость сами собою бросаются въ глаза. Укажемъ хотя на то мѣсто, которое невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателей, именно описаніе трупа нѣкогда граціозной, полной любви красавицы, когда ее Арсеній разыскалъ, ускакавъ съ поля битвы:

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула.. и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь—жилецъ могилъ.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.

Общія замѣчанія.

Изъ произведеній, въ которыхъ Лермонтовъ отъ хилаго и жалкаго настоящаго переносится въ прошедшее, ища въ болѣе или менѣе отдаленныхъ вѣкахъ нормальной, полной жизни съ цѣльными, сильными и энергичными характерами, самымъ лучшимъ, по богатству, цѣльности и законченности содержанія, по полнотѣ жизни и глубинѣ идеи, по яркости красокъ и образовъ и по высокохудожественной отдѣлкѣ, безспорно является „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова".

Въ предкахъ, отдаленныхъ отъ изнѣживающаго и разслабляющаго вліянія цивилизаціи, поэтъ, понятно, скорѣе могъ найти то, чего онъ искалъ. Вѣдь у нихъ мысль и воля, слово и дѣло шли рука объ руку, безъ разладу. Разъ они были убѣждены, что слѣдуетъ и необходимо поступить такъ или иначе, они шли напрямикъ къ своей цѣли, не откладывали дѣла въ долгій ящикъ, не размышляли при его совершеніи, не раскаивались и по окончаніи его. Поэтъ отъ настоящаго міра, не удовлетворяющей его русской дѣйствительности, перенесся въ ея историческое прошлое, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа. Поэтому-то „Пѣсня" занимаетъ совершенно особенное положеніе среди произведеній Лермонтова. Въ то время, какъ въ другихъ произведеніяхъ ярко бросается въ глаза вліяніе Байрона, отъ котораго Лермонтовъ до конца своихъ дней не могъ освободиться, въ этой поэмѣ Лермонтовъ выказалъ полную самостоятельность, замѣчательное пониманіе народной поэзіи и способность творить въ народномъ духѣ.

Въ одномъ изъ своихъ юношескихъ стихотвореній Лермонтовъ говоритъ про себя самаго:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Этотъ національный элементъ проявился въ творчествѣ Лермонтова только однажды, именно въ „Пѣснѣ про купца Калашникова“, но зато въ этомъ небольшомъ по размѣрамъ произведеніи поэтъ блестящимъ образомъ выказалъ свою способность къ самобытному творчеству въ народномъ духѣ. По формѣ и по содержанію „Пѣсня“ отличается замѣчательно художественной отдѣлкой. Въ ней заключена цѣлая драма, развивающаяся съ роковою неизбѣжностью. Быстрота дѣйствія и сжатость разсказа еще болѣе усиливаютъ трагическое впечатлѣніе. При этомъ изложеніе отличается эпически спокойнымъ тономъ, столь характернымъ для народной поэзіи. Вообще Лермонтовъ съ замѣчательнымъ искусствомъ проникъ въ самый духъ русской поэзіи, въ духъ русской старины.

Краткое содержаніе поэмы.

„Пѣсня про купца Калашникова“ написана Лермонтовымъ въ 1837 г. Содержаніе ея распадается на три сцены. Поэма начинается картиною пира у царя Ивана Васильевича. Грозный царь сидитъ въ своемъ золотомъ вѣнцѣ, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками. Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ и обнести пирующихъ. „И всѣ пили, царя славили,“ одинъ только изъ опричниковъ „въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ“. Замѣтивъ равнодушіе Кирибѣевича къ общему веселью, царь спрашиваетъ опричника о причинѣ его думы, въ которую онъ погрузился. Низко кланяясь, опричникъ проситъ у царя прощенія и съ чувствомъ разсказываетъ о своей страстной и пылкой любви къ молодушкѣ Аленѣ Дмитріевнѣ. Выслушавъ Кирибѣевича, царь со смѣхомъ отвѣчаетъ своему любимому опричнику, что его горю

не трудно помочь: предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье, велитъ сперва поклониться „смышленной“ свахѣ, а потомъ послать своей Аленѣ подарки.

Но здѣсь Кирибѣевичъ признается Грозному, что предметъ его страсти „въ церкви Божіей перевѣнчана съ молодымъ купцомъ по закону нашему христіанскому...“ Разсказъ опричника поражаетъ всѣхъ. Положеніе Кирибѣевича оказывается прямо безвыходнымъ, но читатель чувствуетъ сердцемъ, что такой человѣкъ для достиженія своей цѣли не остановится ни передъ чѣмъ. Завязка уже готова, дѣйствіе зародилось, повѣсть превращается въ мрачную драму съ трагическимъ концомъ.

Вторая сцена начинается мирной картиной простой семейной жизни, въ которую поступокъ опричника вноситъ горе и несчастіе. Молодой купецъ, статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ Калашниковъ, стоитъ въ своемъ магазинѣ за прилавкомъ, товары раскладываетъ, „гостей заманиваетъ, деньги считаетъ“. Съ наступленіемъ сумерокъ онъ заперъ лавку и спѣшитъ домой. Придя въ свой „высокій домъ“, Калашниковъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молодая жена, ни малыя дѣтушки, что столъ не покрытъ и передъ иконой свѣча еле теплится. Отъ старухи Еремѣевны онъ узнаетъ, что Алена Дмитріевна ушла къ вечернѣ и не возвратилась, хотя „вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой женой“ и сѣли ужинать. Не особенно ласково встрѣтилъ Калашниковъ свою жену. Тогда Алена Дмитріевна бросилась своему мужу въ ноги, говоря, что она „не боится смерти лютой, а боится его немилости“. Далѣе она разсказываетъ, что шедши отъ вечерни домой, услышала за собой чьи-то шаги, оглянулася — человѣкъ бѣжитъ; это Кирибѣевичъ схватилъ ее за руки, обѣщалъ ей разные подарки, цѣловалъ ее въ присутствіи сосѣдокъ, которыя насмѣхались надъ нею; вырвавшись изъ рукъ его, она оставила у него фату бухарскую и узорный платокъ, — подарочекъ мужа. Свой разсказъ она заключаетъ просьбою мужу не позволить вѣрную жену обижать „злымъ охульникамъ.“. Выслушавъ разсказъ жены, Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя младшими братьями и передаетъ имъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему злымъ царскимъ опричникомъ. А такъ какъ „такой обиды

не стерпѣть душѣ, да не вынести сердцу молодецкому, то говоритъ имъ о своемъ твердомъ намѣреніи на смерть биться съ Кирибѣевичемъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра въ присутствіи царя, и проситъ братьевъ постоять за святую правду, если онъ будетъ побитъ. Братья даютъ клятву не выдать старшаго брата, второго отца. Этимъ совѣщаніемъ оканчивается вторая сцена поэмы.

Третья картина поэмы начинается описаніемъ времени и мѣста для „суда Божія.“ „Заря алая подымается“, начинается чудное зимнее утро. На мѣсто поединка на Москву-рѣку сходятся удалые молодцы. Пріѣзжаетъ и царь съ дружиною, боярами и опричниками. Онъ приказываетъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто для охотничьяго бою, одиночнаго и вызывать охотниковъ. На приглашеніе царя выступаетъ Кирибѣевичъ и вызываетъ себѣ „супротивниковъ“. Изъ толпы выходитъ Степанъ Парамоновичъ. Опричникъ тономъ удальства разспрашиваетъ противника о его родѣ-племени, чтобъ знать, по комъ панихиду служить, чтобъ было, чѣмъ похвастаться. .Совершенно спокойно Калашниковъ называетъ себя; далѣе, онъ разсказываетъ, что онъ сынъ честнаго отца, и что жилъ онъ по закону Господнему: не позорилъ чужихъ женъ, не разбойничалъ ночью темною, не прятался отъ свѣта небеснаго. Услышавъ намекъ Калашникова, Кирибѣевичъ поблѣднѣлъ, морозъ между плечъ пробѣжалъ. Начался „богатырскій бой“ и Кирибѣевичъ былъ убитъ. На вопросъ Грознаго: убилъ ли Калашниковъ „лучшаго бойца“ вольной волею или нехотя, купецъ говоритъ царю всю правду, но не хочетъ выдать причины своего мщенія. Предвидя казнь, Калашниковъ проситъ царя „не оставить своей милостью малыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его“. Государь беретъ семейство Калашниковыхъ подъ свое покровительство, братьямъ разрѣшаетъ торговать по всему царству „безданно, безпошлинно“. На площади, гдѣ должна была совершиться казнь Калашникова, собралось много народа. Прощаясь съ родными братьями передъ казнью, Калашниковъ проситъ ихъ поклониться отъ его имени Аленѣ Дмитріевнѣ да „заказать ей меньше печалиться“, а дѣтямъ ничего не говорить. И казнили Степана Калашникова „смертью лютою“. Но отъ него осталась честная могила, съ вѣ-

ющимъ отъ нея живымъ преданіемъ, говорящая живущимъ рѣчью нѣмою, но заставляющей ихъ и креститься, и пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть пѣсни.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Іоаннъ Грозный.

Сильное впечатлѣніе, производимое на насъ „Пѣсней", достигается у Лермонтова рѣдкой психологической вѣрностью въ изображеніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Эти типы обладаютъ цѣлою и могучею натурою: это — живые люди въ полномъ смыслѣ этого слова. На первомъ планѣ мы видимъ Іоанна Грознаго, котораго память такъ страшна и кровава, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа... Фигура царя Ивана нарисована поэтомъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ представленіемъ, какое сложилось въ воображеніи народа: Лермонтовъ ни въ чемъ не уступаетъ отъ традиціоннаго образа Іоанна Грознаго, какимъ онъ рисуется въ народныхъ пѣсняхъ о немъ. Такъ, когда царь пируетъ со своими стольниками, князьями, боярами и опричниками „въ свое удовольствіе и веселье", подозрительность его не покидаетъ. Государь пытливо посматриваетъ на всѣхъ присутствующихъ и сразу замѣчаетъ, что любимѣйшій его опричникъ грустенъ, задумчивъ, не принимаетъ никакого участья въ весельи, а напротивъ:

„Опустилъ въ землю глаза темные,
Опустилъ головушку на широку грудь.

Одно предположеніе, что въ тоскѣ Кирибѣевича, пожалуй, скрывается что-то недоброе, приводитъ царя въ сильный гнѣвъ, и онъ:

Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго,
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.

И эта неподвижность взгляда приводитъ царя въ сильный гнѣвъ. Въ припадкѣ вспыльчивости онъ ударяетъ своею знаменитою палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ, при чемъ палка на четверть вонзается въ дубовый полъ. Опричникъ не замѣтилъ и этого проявленія царскаго гнѣва и даже не дрогнулъ. Тогда Грозный обращается къ Кирибѣевичу и тутъ въ нѣсколькихъ стихахъ рисуется жестокость и суровость царя къ ослушникамъ, не смотря на то, къ какому сословію послѣдніе принадлежали:

Вотъ промолвилъ царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодецъ:
„Гей-ты вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Аль славѣ нашей завидуешь?
Аль служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ - звѣзды радуются,
Что свѣтлей имъ гулять по поднебесью,
А которая въ тучку прячется,
То стремглавъ на землю падаетъ...“

Но когда Іоаннъ узнаетъ истинную причину горя-тоски опричника, онъ выказываетъ свое милостивое расположеніе и даже предупредительность къ своимъ любимцамъ опричникамъ. Со смѣхомъ царь изъявляетъ готовность „пособить горю“ Кирибѣевича, чѣмъ убѣждаетъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ въ своемъ искреннемъ расположеніи къ нимъ. Узнавъ, что Кирибѣевичъ любитъ какую-то красавицу, царь лично самъ берется помочь своему вѣрному опричнику: предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье, велитъ поклониться „смышленной“ свахѣ, прибавляя:

Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ сумѣлъ отдѣльными штрихами придать этому образу замѣчательную жизненность. Въ поэмѣ Грозный является тираномъ, „мужемъ кровей“, какъ назвалъ его князь Курбскій: онъ посылаетъ на казнь купца Калашникова и въ этомъ приказаніи слышится такая иронія

и сарказмъ, отъ котораго, по выраженію Бѣлинскаго, и мертвый содрогнулся бы во гробѣ: Царь утѣшаетъ купца, что и онъ „не оставленъ его милостью“:

Я топоръ велю наточить—навострить,
Палача велю одѣть -- нарядить.
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью.

Но вмѣстѣ съ жестокостью и грубостью поэтъ изображаетъ въ характерѣ Грознаго и такія черты, которыя обнаруживаютъ въ немъ зачатки благородства и великодушія; осудивши Калашникова на смерть, Грозный въ тоже время обѣщаетъ свое покровительство его женѣ и дѣтямъ, а братьямъ его предоставляетъ право безпошлинной торговли по всему широкому царству русскому. Искренность отвѣта Калашникова какъ-бы пробуждаетъ лучшія стороны Іоанновой души, и въ отвѣтѣ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величіи, выростаетъ колоссальный образъ Грознаго, который не лишенъ былъ и благородныхъ порывовъ:

Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Молодой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти,
Молодую жену и сиротъ твоихъ,
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня,
По всему царству русскому широкому,
Торговать безданно, безпошлинно.

Опричникъ Кирибѣевичъ.

Въ характерѣ Кирибѣевича обрисованъ представитель высшаго класса опричниковъ. Въ немъ сказывается сильная могучая натура, и даже въ своемъ порокѣ онъ прекрасенъ. Его чувство къ Алёнѣ Дмитріевнѣ—огонь, съ которымъ не можетъ совладать его сильная душа, не можетъ его потушить. Любовь Кирибѣевича—не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Ясно, что для эта-

каго человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой —не пріобрѣлъ; такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильною натурою и дикими страстями опасна и страшна. Когда онъ увидѣлъ молодушку жизнь ему сдѣлалась не мила:

Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли мнѣ наряды парчевые
И не надо мнѣ золотой казны.

жалуется онъ и проспится „на житье, на вольное, на казацкое“, и въ прекрасной жалобѣ, проникнутой самой правдивой, самой подкупающей тоской, оплакиваетъ свою близкую преждевременную смерть:

Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

Въ то же время въ опричникѣ Кирибѣевичѣ, какъ бы вполнѣ заглушено нравственное убѣжденіе. Онъ отлично знаетъ, что Алёна Дмитріевна „въ церкви Божіей перевѣнчана съ молодымъ купцомъ по закону нашему христіанскому“..., но это его нисколько не останавливаетъ отъ личнаго произвола. Кирибѣевичъ также знаетъ, что въ лицѣ государя онъ, какъ любимый слуга всегда найдетъ опору и поддержку, даже если окажется виноватымъ въ чемъ-нибудь по отношенію къ прочимъ людямъ. Сознаніе своей безопасности вызываетъ въ немъ кичливость и насмѣшливость. Такъ, выйдя на кулачный бой, Кирибѣевичъ: „надъ плохими бойцами подсмѣивается“ и обѣщаетъ, для праздника, отпустить противника живого... Удальство и смѣлость позволяютъ ему забыть законы человѣческіе и божескіе, и онъ позорить мирное купеческое семейство: оскорбля-

етъ красавицу, вѣрную своему супружескому долгу; опричникъ даже не стѣсняется присутствіемъ на улицѣ женщинъ, которыя насмѣхаются надъ опозоренной. Но какъ ни развращенъ Кирибѣевичъ, совѣсть, однако, не совсѣмъ была въ немъ заглушена, и когда, Калашниковъ на мѣстѣ поединка бросаетъ укоръ въ позорномъ поступкѣ, то Кирибѣевичъ

Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло.

Эта могучая натура, отъ природы одаренная прекрасными задатками, по несчастному стеченію обстоятельствъ погибаетъ въ цвѣтѣ лѣтъ „смертью лютою“.

Степанъ Калашниковъ.

Вполнѣ художественна характеристика купца Калашникова. Первое его появленіе на сценѣ располагаетъ читателя въ его пользу: почему-то сразу чувствуется, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколышутъ ихъ. Кроткая, но могучая натура представителя „гостиннаго люда“ тогдашняго времени, молодого купца, статнаго Калашникова обладаетъ сильнымъ духомъ и крѣпкою волею; люди, подобные ему, не стерпятъ обиды и умѣютъ постоять за себя. Прежде всего онъ прекрасный семьянинъ, любитъ и заботится о своей красавицѣ-женѣ, своихъ дѣтяхъ, и говоритъ о нихъ съ нѣжностью, съ умиленіемъ, которое даже страннымъ кажется въ этой могучей фигурѣ. Между Калашниковымъ и его женою появляется какое то сродство душъ, такъ что даже въ разлукѣ съ нею онъ ощущаетъ тоску, точно предчувствуя, что на другомъ концѣ города въ эту самую, быть можетъ, минуту обижаетъ ее опричникъ. Заперевъ лавку „пошелъ онъ домой, призадумавшись“. „Отчего-же онъ призадумался? — спрашиваетъ Бѣлинскій, — „иль душа человѣка чуетъ шелестъ шаговъ незримо

слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрекла его въ свои жертвы?...“

Въ страшную минуту допроса Грознаго Калашниковъ не забываетъ семьи, а напротивъ проситъ царя не оставить своею милостью жены и малыхъ дѣтей. Его заботы о семьѣ простираются еще дальше: такъ, въ виду плахи и палача, прощаясь съ братьями, онъ заботливо и нѣжно велитъ поклониться отъ него Алёнѣ Дмитріевнѣ и заказать меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велитъ сказывать.

Понятно, что одна только мысль о измѣнѣ жены приводитъ его въ бѣшенство. Но онъ негодуетъ не какъ мужъ, онъ испытываетъ не уколъ мелкаго самолюбія, не тщеславіе его задѣто—онъ мучается, какъ человѣкъ, который видитъ паденіе другого человѣка, при томъ человѣка, горячо имъ любимаго, въ чистотѣ и непорочности котораго онъ увѣренъ, котораго, быть можетъ, именно любилъ за эту нравственную чистоту. Ему больно подумать, что женщина ради своей прихоти можетъ пожертвовать счастьемъ своего мужа и своихъ дѣтей, или разбить жизнь нѣсколькихъ любящихъ ее существъ, нарушить клятву, данную предъ иконами добровольно и сознательно, однимъ словомъ, попрать человѣческіе и Божескіе законы.

Въ его голосѣ, когда онъ упрекаетъ жену, звучитъ не только упрекъ, въ немъ звучитъ тоска и боль, нравственная боль, стыдъ, стыдъ за нее, стыдъ за человѣка, за женскую стыдливость. И онъ намѣренъ строго наказать Алёну Дмитріевну.

Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла.

Но было бы несправедливо обвинять Степана Парамоновича въ жестокости; если мы примемъ во вниманіе эпоху, въ которой онъ жилъ, то вспомнимъ, что тогда онъ имѣлъ полное право на это. Между нимъ и женою былъ только судъ Божій. Онъ съ нею былъ связанъ навѣки. О разводѣ нечего и говорить: его не могло быть.

И что должна была испытать эта чистая благородная натура, идеалъ нравственной чистоты, чувствуя постоянно около себя по-

гибшее существо? Вѣдь его жизнь была-бы навѣки разбита. Вѣдь онъ бы не только жену мучилъ, но и себя; вѣдь жена, какъ порочная женщина, испытывала бы, пожалуй, только физическія муки, а у него кипѣлъ-бы вулканъ въ груди. Хотя жену не пришлось наказывать, но она все-таки была опозорена. Быстро, безъ боязни и колебаній пришелъ оскорбленный купецъ къ рѣшенію, что «позоръ честной семьи» долженъ быть смытъ кровью. Онъ, хоть и купецъ, но не уступитъ опричнику, онъ тоже человѣкъ, онъ цѣнитъ себя, онъ уважаетъ себя, чувствуетъ свою нравственную чистоту; и онъ не можетъ простить и смѣло идетъ на бой съ „злымъ оскорбителемъ-охульникомъ“, чтобы отомстить пороку, который осмѣлился наложить руку на чистое, непорочное существо, постоять «за святую правду-матушку». Для него совершенно безразлично, опричникъ-ли Кирибѣевичъ, или не опричникъ, любимецъ царя или нѣтъ. Его сердце не признаетъ классовыхъ различій. Неподатливая совѣсть и нравственная мощь своей наличностью уже исключаютъ трусость. Степанъ Парамоновичъ непоколебимъ, твердъ, храбръ и идетъ въ бой, готовый умереть, не такъ какъ Кирибѣевичъ, который пщетъ смерти, зная, что она при его физической силѣ и здоровьи за горами, но боится ея и, встрѣтившись съ мужемъ красавицы, поразившей его сердце, блѣднѣетъ отъ ужаса. Но вотъ купецъ убиваетъ опричника. Онъ отомщенъ. Его ведутъ предъ лицо Ивана Васильевича, который допрашиваетъ „вольной волею или нехотя“ убилъ онъ его любимаго опричника. Рѣшается вопросъ жизни и смерти. Калашниковъ отомщенъ. Преступникъ наказанъ. Калашникову, естественно, еще хочется пожить. Стоитъ ему сказать неправду, и онъ спасъ бы свою жизнь, но Грозный спрашиваетъ его по правдѣ, по совѣсти, и онъ, какъ правдивая натура, не хочетъ купить жизни такой цѣной: ему жизнь была-бы не мила послѣ этого, и онъ смѣло идетъ на казнь. Въ этомъ сказалось его истинное нравственное величіе! Замѣчательная сила таланта подсказала Лермонтову эту сцену, и другой на его мѣстѣ не выдержалъ-бы, не осмѣлился-бы поставить своего героя на такую высоту, но поэтъ въ минуту творчества нравственно очищенный, заставляетъ Калашникова сдѣлать то, что и самъ

Лермонтовъ сдѣлалъ-бы, и что Степанъ Парамоновичъ долженъ былъ сдѣлать по психологической необходимости, въ силу своей недюжинной натуры.

Второстепенныя дѣйствующія лица.

Изъ второстепенныхъ лицъ прежде всего отмѣтимъ жену Калашникова, Алёну Дмитріевну. Это была женщина идеальной красоты и граціозности, а поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если молодой опричникъ такъ сильно и горячо ее полюбилъ. Объ ея внѣшности мы читаемъ въ „Пѣснѣ“ слѣдующее:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно — будто лебедушка,
Смотритъ сладко, какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ,
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русы, золотистыя,
Въ ленты ярк'я заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.

Какъ дочь своего вѣка, она горячо религіозна и повидимому не пропускаетъ богослуженій: „Къ вечернѣ пошла Алёна Дмитріевна“. Ея чистой душѣ противны и непонятны заигрыванія красавца-Кирибѣевича, такъ какъ она, вѣдь, клятву давала въ вѣрности передъ иконами своему мужу. Стоило ей запоздать съ вечерни и сказалось, что въ домѣ нѣтъ хозяйки:

Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча предъ образомъ еле теплится.

Ея отсутствіемъ нарушенъ весь порядокъ дома, чувствуется отсутствіе заботливой и любящей жены и матери. Такъ Еремѣевна повѣствуетъ Калашникову:

А дѣтки твои милыя,
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

Несмотря на свою внѣшнюю красоту, высокія внутреннія качества, она въ тоже время скромна; къ мужу своему она питаетъ безграничную любовь, предана ему всѣмъ своимъ существомъ и нравственной женской чистотой. Когда Степанъ Парамоновичъ сталъ выговаривать ей долгое отсутствіе, какъ осиновый листъ, затряслася Алёна Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она „не боится смерти лютой, а боится его немилости". Довольно подробно разсказываетъ красавица своему мужу о приключеніи съ опричникомъ Кирибѣевичемъ, при чемъ считаетъ поцѣлу послѣдняго „окаянными".

Заключеніе ея разсказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбѣ къ мужу не дать ее, свою вѣрную жену, въ поруганіе. Какъ женщина скромная и разумная, Алёна Дмитріевна ясно понимаетъ и сознаетъ оскорбленіе, нанесенное ей Кирибѣевичемъ, она мучается и терзается сознаніемъ, до какой степени опозорено ея честное имя, такъ какъ:

...Смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали.

Она въ мужѣ привыкла видѣть главу, опору, защитника, а потому и проситъ не давать ее въ поруганіе „злымъ охульникамъ".

Немногими, но характерными штрихами рисуетъ Лермонтовъ младшихъ братьевъ Степана Парамоновича. Изъ „Пѣсни" видно, что семья Калашниковыхъ хоть не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но гордилась своими честными предками и родовитостью, такъ какъ состояла изъ сизаго орла съ орлятами. Въ братьяхъ видна горячая любовь другъ къ другу; они -въ каждый моментъ готовы оказать помощь старшему брату:

Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя родного не выдадимъ!..

Въ то же время Лермонтовъ, будто мимоходомъ, очертилъ простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступаетъ мѣсто отца для младшихъ.

Историческая сторона поэмы.

Въ основѣ „Пѣсни про купца Калашникова“ лежитъ вымышленное, неисторическое событіе, но оно ярче, полнѣе и глубже обрисовываетъ эпоху Іоанна Грознаго, чѣмъ чистый историческій фактъ. Правда, образы героевъ подавляютъ читателя своею грандіозностью, но они всѣ рельефно рисуются на прекрасномъ фонѣ исторической эпохи. Поэтъ какъ-бы весь погрузился въ эпоху Грознаго, понялъ, почувствовалъ ее и воспроизвелъ ее замѣчательно вѣрно. Развѣ Іоаннъ Грозный не является олицетвореніемъ того состоянія московскаго государства, когда оно крѣпло и, чувствуя въ себѣ могучія силы, искало простора, гдѣ-бы имъ развернуться? Въ то же время Степанъ Парамоновичъ олицетворяетъ собою весь русскій народъ съ его здоровыми задатками, которыхъ еще не коснулся испорченный западъ.

Съ замѣчательнымъ художествомъ Лермонтовъ рисуетъ намъ широкую картину древне-русской жизни и передъ нами встаютъ, какъ живые, цѣльные образы Іоанна Грознаго и устраиваемые имъ роскошные пиры. На этихъ пирахъ веселились знатнѣйшіе сановники и фавориты царя, который лично отдалъ приказаніе наполнить золотые ковши пѣнистымъ виномъ и обносить всѣхъ гостей, „и всѣ пили, царя славили“. Во время этихъ пировъ Грозный нерѣдко выказывалъ милость и расположеніе къ извѣстному лицу, а на другомъ вымещалъ свой гнѣвъ и подвергалъ его опалѣ. Къ бытовымъ чертамъ древней Руси нужно отнести кулачный бой, который происходилъ иногда въ присутствіи царя. Окруженный своею свитою царь пріѣзжалъ на мѣсто боя и часто руководилъ послѣднимъ: приказывалъ огородить назначенное мѣсто боя, указывалъ, когда начать бой и т. п. Кулачный бой, остатки котораго уничтожены въ послѣднее время, былъ любимою забавою нашихъ предковъ, и на нихъ собирался народъ въ огромномъ количествѣ какъ съ самой Москвы, такъ и съ ея окрестностей. Бойцы передъ боемъ обыкновенно отдавали поклоны сперва царю, потомъ Бѣлокаменному Кремлю, святымъ церквямъ и, наконецъ, всему русскому народу.

Кромѣ того въ „Пѣснѣ“ развертывается и другая сторона

быта того времени: жизнь купечества. Купецъ цѣлый день проводитъ въ лавкѣ, а вечеромъ, пересчитавъ „золото, серебро", спѣшитъ къ себѣ домой, гдѣ его поджидаетъ жена съ дѣтьми и ужинъ на столѣ. Женщины были довольно религіозны и даже въ будничные дни исправно ходили въ церковь. Дома въ горницѣ дубовый столъ покрывался бѣлой скатерью; въ углу висѣли иконы, передъ которыми обыкновенно теплилась лампада или свѣчка. Воспитаніе дѣтей находилось всецѣло въ рукахъ матери и какой-нибудь старой няньки.

Супруги жили тихо, скромно и наслаждались полнымъ семейнымъ счастьемъ. Старшій членъ семьи былъ главою дома и пользовался громадною властью. Такъ, старшій братъ былъ „во отца мѣсто" для младшихъ братьевъ, которые ему во всемъ подчинялись. Въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ созывались всѣ родные и тутъ сообща происходилъ семейный совѣтъ, на которомъ обсуждалось и рѣшалось дѣло. Положеніе-же женщины было довольно тяжелое; она находилась въ полнѣйшемъ подчиненіи у мужа, который имѣлъ надъ нею большую власть и подчасъ обращался съ нею грубо: мужъ могъ запереть свою жену въ отдѣльную комнату и держать ее, такъ что она не видѣла свѣта Божьяго. Но женщина въ мужѣ своемъ видѣла единственнаго своего защитника и опекуна, къ которому и обращалась съ жалобой на обиды со стороны постороннихъ лицъ. Очевидно и въ тѣ времена сосѣди любили поговорить на чужой счетъ, посмѣяться надъ чужой бѣдой и даже пальцемъ указать. Вообще-же народъ былъ весьма религіозенъ, строго держался обрядовъ и обычаевъ. Но съ другой стороны, жизнь человѣческая въ тѣ грубыя времена цѣнилась очень дешево. Такъ, кулачные бои зачастую оканчивались смертью одного изъ бойцовъ и всетаки находилось много охотниковъ помѣриться своею силою и ловкостью. Даже царь и высшіе классы съ удовольствіемъ присутствовали на этихъ поединкахъ, которые тѣшили царя-батюшку. Однако, царь не оставлялъ безъ милостей родственниковъ павшаго въ бою: помогалъ изъ своей казны и давалъ разныя привилегіи. Народъ-же къ погибшимъ относился какъ къ героямъ, и гусляры въ честь ихъ складывали и пѣли пѣсни.

Художественная сторона „Пѣсни“.

„Пѣсня“ Лермонтова какъ по формѣ, такъ и по содержанію отличается замѣчательною художественною законченностью. Тутъ глубоко задумана и мастерски исполнена поэтомъ небольшая по объему, но трогательная, ужасная драма, которая въ одно мгновенье разбиваетъ семью и уноситъ счастье многихъ людей. Кромѣ того, всѣ герои даннаго произведенія обрисованы замѣчательно художественно и каждая отдѣльная черта изображаемыхъ лицъ вполнѣ соотвѣтствуетъ исторіи, духу времени и вѣрна психологическимъ законамъ. Благодаря вѣрности психологической, всѣ дѣйствующія въ поэмѣ лица въ каждый моментъ драмы совершенно намъ понятны и стоятъ передъ нами, какъ живыя. Всѣ характеры замѣчательно выдержаны отъ начала до конца. Очень художественно обрисованы необыкновенно яркія и законченныя картины многихъ частностей. Роскошный царскій пиръ, вся эта пышная, многолюдная обстановка, но болѣе всего личность самого Ивана Васильевича съ его молніеноснымъ взглядомъ, съ его постоянною недремлющею подозрительностью, не задумалъ ли кто изъ его окружающихъ думы нечестивой, приковываютъ читателя. Къ художественной обрисовкѣ слѣдуетъ также отнести объясненіе Алены Дмитріевны съ мужемъ, совѣтъ Калашникова съ братьями, вызовъ Калашникова и его намекъ, благодаря которому Кирибѣевичъ поблѣднѣлъ не столько отъ страха, сколько отъ того, что въ немъ проснулась совѣсть, возмутилось патріархальное чувство русскаго человѣка. Далѣе, къ художественной обрисовкѣ слѣдуетъ отнести картину кулачнаго боя на Москвѣ-рѣкѣ и, наконецъ, умильную картину того общаго сочувствія и уваженія, которую могила Калашникова возбуждаетъ въ людяхъ русскихъ:

И проходятъ мимо люди добрые.
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ — пріосанится.
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Въ то же время „Пѣсня“ есть не что иное, какъ художественное воспроизведеніе народныхъ эпическихъ пѣсенъ. Вообще къ народнымъ эпическимъ пѣснямъ относятся былины, содержаніе которыхъ взято изъ героическаго періода русской исторіи, и такъ называемыя историческія пѣсни, въ которыхъ главнымъ или преобладающимъ элементомъ является историческій. „Пѣсню про царя Ивана Васильевича“ слѣдуетъ отнести къ историческимъ пѣснямъ. Правда, что событіе, разсказываемое поэтомъ, не дѣйствительный фактъ, а вымышленный, но поэма остается исторической, такъ какъ въ ней преобладающимъ элементомъ является историческій. Среди дѣйствующихъ лицъ есть историческій дѣятель: царь Иванъ Васильевичъ; остальныя дѣйствующія лица типичные представители эпохи Іоанна Грознаго, и вообще, въ „Пѣснѣ“ типичными чертами и очень правдиво обрисована вся эпоха Іоанна Грознаго. Царь понятъ поэтомъ такъ-же, какъ и народъ. И если-бы мы захотѣли рисовать образъ Ивана Васильевича по народнымъ пѣснямъ, то получится портретъ тождественный образу, изображенному Лермонтовымъ въ его поэмѣ. Народъ подмѣтилъ въ царѣ подозрительность, жестокость, вспыльчивость, но и добрыя чувства: раскаяніе въ необузданности, близость его сердцу интересовъ русскаго народа.

Лермонтовъ отлично понялъ чисто-народный взглядъ на характернѣйшій типъ русской исторической жизни и замѣчательно художественно его воспроизвелъ.

Еще болѣе замѣчателенъ взглядъ Лермонтова на Кирибѣевича. Кирибѣевичъ—преступникъ и его нельзя оправдать, но читатель чувствуетъ, что Лермонтовъ испыталъ нравственное удовлетвореніе при мысли, что преступникъ наказанъ, но читатель сознаетъ также, что поэтъ страдалъ душою и сердцемъ, описывая преждевременную смерть опричника.

Опричникъ имѣлъ поэтическую душу, богатые природные задатки, но несчастное стеченіе обстоятельствъ погубило прекраснаго юношу, направивъ его на ложный путь, доведя его до могилы. И Лермонтову жаль прекрасную душу, имѣющую несчастье вспыхнуть пламенемъ неудержимой страсти; имъ овладѣваетъ грусть, которая отравляетъ торжество нравственнаго

чувства, настроеніе, которое невольно прорывается сквозь эпическое спокойствіе поэмы, сообщаясь читателю, которому становится грустно и жалко бѣднаго опричника. Это настроеніе Лермонтова выражается въ самомъ складѣ рѣчи, въ гармоніи стиха. Вотъ какъ Лермонтовъ описываетъ смерть Кирибѣевича.

„И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво:
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ будто сосенка,
Подъ столистный подъ корень подрубленная."

Жалостное сравненіе съ сосенкой, повтореніе словъ „на холодный снѣгъ", образность и нѣжность, которыми дышетъ описаніе, ясно указываютъ о томъ тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ поэтъ говоритъ о смерти опричника. И это доброе чувство тоже чисто народное чувство. Простой русскій народъ не оправдываетъ преступника, но и не отталкиваетъ его, а видитъ въ немъ павшаго „несчастнаго" брата и призываетъ къ нему милость, любя его, быть можетъ, тѣмъ болѣе чѣмъ онъ преступнѣе.

Характеръ изложенія у Лермонтова чисто народный. Извѣстно, что характерною особенностью народныхъ произведеній является эпическое спокойствіе. Но эпическое спокойствіе не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ холоднаго безучастія разсказчика, въ смыслѣ нравственнаго безразличія по отношенію къ разсказываемымъ событіямъ. Уже въ былинахъ иногда прорывается сквозь чувство спокойствія настроеніе пѣвца, которое сказывается въ самомъ складѣ рѣчи и музыкѣ стиха. Въ былинахъ, правда, это эпическое спокойствіе не нарушается, но противопоставляется интенсивному проявленію чувствъ пѣвца. Въ историческихъ же пѣсняхъ уже встрѣчаются прямыя нарушенія эпическаго спокойствія лирическими изліяніями. Въ „Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича" въ общемъ тоже не нарушено эпическое спокойствіе, но попадаются мѣста, которыя складомъ рѣчи и гармоніей стиха проявляютъ настроеніе поэта.

Припомнимъ себѣ хотя бы смерть Кирибѣевича или описаніе казни Калашникова:

„И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Въ крови на плаху покатилася".

Повтореніе союза „и" и эпитеты „лютою", „позорною" передаютъ волненіе, которое охватываетъ душу Лермонтова при мысли о казни молодого, полнаго силъ купца. Но въ „Пѣснѣ" мы встрѣчаемъ и прямое нарушеніе эпическаго спокойствія лирическимъ отступленіемъ. Давъ картину чуднаго и морознаго утра въ день боя на Москвѣ-рѣкѣ, Лермонтовъ, какъ-бы предчувствуя что-то дурное, обращается къ зарѣ съ тоскливымъ вопросомъ:

Ужъ зачѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Ему какъ-бы непонятно, зачѣмъ она поднялась такая румяная блестящая, когда черезъ нѣсколько часовъ должна разыграться страшная драма. Лермонтовъ сознательно нарушаетъ плавность и гармонію стиха, сознательно стихъ дѣлаетъ тяжелымъ, чѣмъ выражаетъ грустное душевное настроеніе.

Съ внѣшней стороны „Пѣсня" поражаетъ своею художественностью. Такъ самъ языкъ, полонъ народныхъ формъ и выраженій, которыя напоминаютъ былинный складъ рѣчи. Стихотворный размѣръ напоминаетъ размѣръ народныхъ пѣсенъ. Стихъ часто начинается тѣми-же словами, какими оканчивается предыдущій стихъ. Рядъ легкихъ стиховъ замыкается тяжелымъ. Если вникнуть въ сравненія, эпитеты, метафоры и въ различныя фигуральныя выраженія, то сейчасъ-же замѣчается художественная обработка, какъ самой формы стиха, такъ и основнаго тона, который выдержанъ отъ первой до послѣдней строки въ поэмѣ. Вообще въ „Пѣснѣ" Лермонтовъ постигъ не только духъ русской жизни, но и духъ русской народной поэзіи: по простотѣ, силѣ и изобразительности языкъ

поэта напоминаетъ былины. Въ „Пѣснѣ“, какъ и въ былинахъ, встрѣчаются постоянные эпитеты, уподобленія и очень распространенныя мѣткія и поэтическія сравненія, какъ напримѣръ: добрый молодецъ, боярыня бѣлолицая, грудь широкая, голубь сизокрылый, сырая земля, душа крѣпкая, смерть лютая, сабля вострая, буйная головушка, плечи богатырскія, кости сирыя, заря алая, солнце красное; повалился онъ на холодный снѣгъ, будто сосенка; ходитъ плавно, будто лебедушка; смотритъ сладко—какъ голубушка; молвитъ слово—соловей поетъ. Въ „Пѣснѣ“ попадается много народныхъ формъ усѣченныхъ прилагательныхъ, дѣепричастій; одинаковыя формы существительныхъ и глаголовъ: „по тесовымъ кровелькамъ играючи, тучки сѣрыя разгоняючи“, „а смотрѣли въ калитку сосѣдушки, смѣючись, на насъ пальцемъ показывали“.

Кромѣ того, каждая картина „Пѣсни“ кончается однимъ и тѣмъ-же припѣвомъ:

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!
Ай, ребята, пѣйте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую.

Бѣлинскій о „Пѣснѣ“ говоритъ такъ: „Лермонтовъ является въ поэмѣ опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласовать между собою части зданія, что ни одна потребность въ украшеніи не кажется лишнею, но представляется необходимою и равно важною съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ-бы легко, вмѣсто нея, сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа, ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно!... Поэтъ показалъ въ поэмѣ богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ-же присуще его родинѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ, въ этой поэмѣ, является не безъискусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ худож-

никомъ—и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, то тѣмъ не менѣе она—художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи, послѣ Бориса Годунова, больше всего посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди и мрамора."

Герой нашего времени.

Общія замѣчанія.

Съ юношескихъ лѣтъ Лермонтовъ стремился подыскивать для выраженія своихъ поэтическихъ настроеній болѣе широкія рамки, чѣмъ короткія лирическія пѣсни. Онъ съ особою любовью, какъ мы знаемъ, разрабатывалъ форму поэмы и драмы. Еще въ юности пробовалъ онъ написать и повѣсть, но не хватило терпѣнія ее окончить. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ къ этой попыткѣ вернулся, вѣроятно, потому что психологическій міръ его излюбленнаго героя настолько расширился и углубился, что потребовалъ болѣе детальной обработки, которую всего легче было осуществить въ формѣ повѣсти или романа.

Романъ „Герой нашего времени" вышелъ въ свѣтъ въ 1839—1841 г. Это наиболѣе зрѣлое и законченное произведеніе Лермонтова. Главный интересъ романа — психологическій и заключается въ характеристикѣ и анализѣ личности героя его, Печорина. Для характеристики Печорина, Лермонтовъ очень удачно пользуется различными художественными пріемами: приводитъ разсказы о немъ другихъ лицъ, свидѣтельствующихъ о впечатлѣніи, производимомъ Печоринымъ на окружающихъ („Бэла", „Максимъ Максимовичъ"), заставляетъ самого Печори-

на характеризовать себя въ своемъ дневникѣ, представляющемъ какъ бы его исповѣдь („Княжна Мэри“); наконецъ, включаетъ въ романъ нѣсколько разсказовъ, записанныхъ Печориномъ и свидѣтельствующихъ о томъ, какіе случаи жизни и какія встрѣченныя имъ лица наиболѣе заинтересовали его и произвели наибольшее впечатлѣніе („Тамань“, „Фаталистъ“).

Въ предисловіи къ своему роману Лермонтовъ, возражая противъ мнѣнія, что въ лицѣ Печорина онъ изобразилъ самого себя, говоритъ, что Печоринъ, дѣйствительно, портретъ, но только портретъ не одного человѣка, а всего современнаго поколѣнія: этимъ Лермонтовъ хотѣлъ подчеркнуть типическое значеніе своего героя, на которое указываетъ уже самое заглавіе. Въ качествѣ общественнаго типа, Печоринъ является представителемъ русскаго байронизма, въ его наиболѣе полномъ и законченномъ выраженіи. Глубокое разочарованіе въ жизни и въ людяхъ, презрѣніе къ окружающимъ, вмѣстѣ съ горделивымъ чувствомъ собственнаго превосходства, — вотъ черты, которыя уже раньше намѣчены были Пушкинымъ въ характеристикѣ Онѣгина, и которыя въ Печоринѣ получили дальнѣйшее развитіе и углубленіе. Печоринъ Лермонтова не только хронологически, но и въ отношеніи общественно-психологическомъ, прямой и ближайшій преемникъ Онѣгина. Этому преемству нисколько не мѣшаетъ то, что по натурѣ, по характеру и темпераменту, эти люди совершенно различны.

По сравненію съ Онѣгинымъ, Печоринъ представляется гораздо болѣе сильной и оригинальной натурой. Его разочарованность глубже и искреннѣе, чѣмъ напускное разочарованіе Онѣгина, въ которомъ преобладаетъ рисовка. Онѣгинъ просто скучаетъ, Печоринъ тяжело страдаетъ. Несмотря на свой Гарольдовъ плащъ, Онѣгинъ часто оказывается „добрымъ малымъ“; напр., онъ щадитъ поэтическія иллюзіи Ленскаго, сдерживаетъ въ себѣ „охладительное слово“; напротивъ того, настроеніе Печорина можетъ быть опредѣлено, какъ злое разочарованіе: страдая самъ отъ него, Печоринъ заставляетъ страдать и другихъ, стараясь сознательно причинить имъ зло; таково, напр., его отношеніе къ Грушницкому, къ княжнѣ Мэри. Антипатія его къ Грушницкому отчасти обусловлена еще тѣмъ, что въ немъ

онъ видитъ какъ-бы карикатуру на самого себя: Грушницкій наслышался о Байронѣ или, вѣрнѣе, начитался романовъ Марлинскаго, и потому считаетъ своимъ долгомъ говорить о своей разочарованности, о презрѣніи къ людямъ, о своихъ непонятыхъ чувствахъ, о пережитыхъ буряхъ и т. д. Но всѣ эти слова о страданіяхъ и разочарованіи, которыми онъ рисуется въ обществѣ, получаютъ въ устахъ Грушницкаго оттѣнокъ невыносимой пошлости, потому что прикрываютъ собой напускныя неискреннія чувства. Печоринъ же на самомъ дѣлѣ страдаетъ отъ своей разочарованности, отъ внутренняго разлада и потому фальшивыя слова Грушницкаго, котораго онъ видитъ насквозь со всей его пошлостью и ничтожностью, раздражаютъ его и возбуждаютъ въ немъ враждебныя чувства, приводящія наконецъ къ дуэли и къ гибели Грушницкаго. Искренность страданія Печорина безконечно возвышаетъ его надъ Грушницкимъ, который и былъ введенъ Лермонтовымъ въ разсказъ для того, чтобы оттѣнить положительныя черты въ характерѣ его героя. Эта искренность и эти страданія возбуждаютъ сочувствіе Лермонтова; онъ не скрываетъ недостатковъ Печорина, но онъ сожалѣетъ о немъ; какъ сожалѣетъ онъ въ своей „Думѣ“ обо всемъ современномъ поколѣніи, типичнымъ представителемъ котораго былъ въ его глазахъ, Печоринъ.

„Герой нашего времени“, какъ извѣстно, вызвалъ сильное разногласіе въ критикѣ. Одни видѣли въ Печоринѣ типъ умнаго прогрессивнаго человѣка, но загубленнаго обстоятельствами жизни; другіе—типъ свѣтскаго дэнди, достаточно попошлаго и совсѣмъ безцѣльно существующаго на свѣтѣ. Источникъ этого разногласія заключается въ туманности самого образа, въ томъ, что образъ, взятый изъ современной жизни и поставленный въ такую реальную обстановку, тѣмъ не менѣе образъ слишкомъ общій. Лермонтовъ самъ сознается въ предисловіи ко второму изданію своего романа, что Печоринъ - портретъ не одного человѣка; что это портретъ, составленный изъ пороковъ всего тогдашняго поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Отсюда и противорѣчія въ немъ.

Краткое содержаніе романа.

Романъ „Герой нашего времени“ состоитъ изъ ряда главъ, какъ бы отдѣльныхъ разсказовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ и свое заглавіе: 1) Бэла, 2) Максимъ Максимовичъ, 3) Тамань, 4) Княжна Мэри, 5) Фаталистъ. Мѣсто дѣйствія и лица въ каждомъ разсказѣ мѣняются. Но не смотря на это, всѣ пять разсказовъ находятся въ связи другъ съ другомъ, такъ какъ во всѣхъ ихъ появляется на сценѣ одно и то же лицо— Печоринъ, главный герой романа.

Въ первой главѣ, гдѣ сначала описывается переѣздъ автора изъ Тифлиса черезъ Кайшаурскую долину, Лермонтовъ передаетъ о своемъ знакомствѣ съ штабсъ-капитаномъ Максимомъ Максимовичемъ, который направлялся въ Ставрополь съ казенною кладью.

Опасаясь предстоящей грозы, путники рѣшаютъ переночевать въ тѣсной саклѣ, одно отдѣленіе которой было отведено для коровъ и овецъ, а другое было занято людьми, расположившимися вокругъ разложеннаго на землѣ огня. Тутъ за стаканомъ чая, Максимъ Максимовичъ разсказываетъ автору, какъ онъ познакомился съ Печоринымъ, молодымъ офицеромъ, служившимъ подъ его начальствомъ въ глухой крѣпости за Терекомъ. Однажды Максимъ Максимовичъ и Печоринъ отправились на свадьбу къ мирному князю, который выдавалъ замужъ старшую дочь. Во время пиршества Печоринъ познакомился съ младшею дочерью князя Бэлою, которая произвела на него сильное впечатлѣніе; не долго думая, Печоринъ рѣшилъ ее похитить, а тутъ вскорѣ представился къ этому удобный случай. Дѣло въ томъ, что у Бэлы былъ братъ Азаматъ, хотя всего пятнадцатилѣтній мальчикъ, но отчаянный головорѣзъ. Онъ давно уже мечталъ, какъ бы украсть у черкеса Казбича его прекраснаго коня. Узнавъ о страстномъ желаніи Азамата, Печоринъ помогаетъ ему увести коня Казбича, который какъ разъ привелъ барановъ на продажу въ крѣпость, а самъ, при помощи его, похищаетъ его сестру, красавицу Бэлу. Затѣмъ Максимъ Максимовичъ разсказываетъ всю

исторію взаимныхъ отношеній Печорина къ Бэлѣ, передаетъ о ея нравственныхъ страданіяхъ и о тоскѣ по родинѣ, о томъ, какъ она потомъ беззавѣтно полюбила и привязалась къ Печорину, который между тѣмъ скоро охладѣлъ къ красавицѣ черкескѣ. Наконецъ, Максимъ Максимовичъ описываетъ трогательную кончину Бэлы, которая была смертельно ранена Казбичемъ изъ мести къ Азамату. Все это происшествіе причинило много горя Максиму Максимовичу. Печоринъ по смерти Бэлы еще больше началъ хандрить. Во второй главѣ поэтъ разсказываетъ о своей новой встрѣчѣ съ Максимъ Максимовичемъ во Владикавказѣ, въ гостиницѣ, куда случайно попадаетъ и Печоринъ, направляющійся отъ скуки въ Персію. Здѣсь мы находимъ подробное описаніе наружности героя и встрѣчи его съ Максимъ Максимовичемъ, гдѣ такъ ярко бросаются въ глаза противоположныя свойства „героя нашего времени“ и добродушнаго кавказскаго штабсъ-капитана.

Максима Максимовича оскорбляетъ холодность Печорина и въ досадѣ онъ отдаетъ автору его записки, отрывки изъ которыхъ и составляютъ содержаніе трехъ остальныхъ главъ романа. Изъ третьей главы читатель узнаетъ о приключеніи Печорина въ Тамани, гдѣ онъ остановился въ бѣдной хатѣ, на берегу моря, гдѣ жили контрабандисты.

Тутъ на сцену является бойкая дѣвушка контрабандистка, за которой Печоринъ ухаживаетъ. Но такъ какъ Печоринъ въ шутку погрозилъ, что донесетъ на нихъ, то чуть не сдѣлался жертвою мести со стороны дѣвушки - контрабандистки, которая пыталась его утопить въ проливѣ. Въ четвертой главѣ, которая изложена въ формѣ дневника и носитъ названіе „Княжна Мэри“ раскрывается внутренняя жизнь Печорина. Дѣйствіе происходитъ сначала въ Пятигорскѣ, а затѣмъ въ Кисловодскѣ. Въ первый городъ Печоринъ пріѣхалъ на воды и здѣсь встрѣчаетъ своихъ старыхъ знакомыхъ: остроумнаго доктора Вернера, сентиментальнаго, но пустого юнкера Грушницкаго и знакомится съ княгиней Лиговской и ея дочерью, хорошенькою княжною Мэри. Юнкеръ Грушницкій начинаетъ сильно ухаживать за Мэри, сначала даже пользуется нѣкоторымъ вниманіемъ ея и, основываясь на этомъ, думаетъ, что и она къ нему

не равнодушна. Печоринъ рѣшаетъ подсмѣяться надъ Грушницкимъ и, чтобы окончательно уязвить юношу, въ свою очередь ухаживаетъ за княжною и, къ досадѣ соперника, имѣетъ успѣхъ. Отношенія пріятелей настолько обостряются, что вся эта исторія кончается дуэлью Грушницкаго съ Печоринымъ и смертью бѣднаго юнкера. Слухъ о дуэли быстро разносится по городу и Печорина переводятъ въ крѣпость къ Максимъ-Максимовичу. Передъ своимъ отъѣздомъ Печоринъ заходитъ проститься съ княгиней Лиговской и объявляетъ Мэри, которая успѣла въ него влюбиться, что онъ ее не любитъ и совсѣмъ не думаетъ на ней жениться.

Пятая глава носитъ названіе „Фаталистъ“. Въ компаніи офицеровъ завязывается разговоръ о предопредѣленіи, такъ называемомъ восточномъ фатализмѣ. Поручикъ Вуличъ держитъ пари съ Печоринымъ, что человѣкъ не можетъ распоряжаться, жизнью по своей волѣ; въ доказательство своихъ словъ онъ стрѣляетъ себѣ въ лобъ изъ пистолета, пистолетъ дѣлаетъ осѣчку, и Вуличъ выигрываетъ пари въ 20 червонцевъ.

Между тѣмъ Печорину почему-то кажется, будто Вуличъ непремѣнно долженъ умереть въ этотъ же день. Дѣйствительно, на возвратномъ пути домой среди ночной тьмы на Вулича нападаетъ пьяный казакъ и ударомъ шашки его убиваетъ. Казакъ-убійца скрывается отъ преслѣдованія въ ближайшей хатѣ и оттуда угрожаетъ застрѣлить каждаго, кто къ нему подойдетъ. Печорину захотѣлось, подобно Вуличу испытать судьбу и онъ взялся живымъ достать казака и удачно исполняетъ свое желаніе, принявъ впрочемъ, нѣкоторыя предосторожности.

Характеристики дѣйствующихъ лицъ.

Печоринъ.

Лермонтовъ въ предисловіи ко второму изданію называетъ Печорина „портретомъ, но не одного человѣка, а составленнымъ изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи“. по его словамъ, онъ не имѣетъ гордой мечты сдѣлаться

исправителемъ людскихъ пороковъ, „хотя и сознаетъ, что для общества нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины“; ему просто было пріятно рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понималъ и слишкомъ часто встрѣчалъ. Если Пушкинъ, рисуя въ Онѣгинѣ типъ современнаго человѣка, сознавался, что „любитъ своего героя“, и съ увлеченіемъ описывалъ его недостатки и пороки, находя въ немъ что-то близкое, родственное себѣ, то тѣмъ болѣе долженъ былъ сдѣлать это Лермонтовъ, который крѣпче Пушкина держалъ въ своихъ рукахъ „ювеналовъ бичъ“ и чаще пускалъ его въ дѣло. Правда, когда критика указала, что въ лицѣ Печорина Лермонтовъ нарисовалъ свой собственный портретъ, Лермонтовъ отвѣтилъ негодованіемъ, но нельзя не замѣтить, что поэтъ питалъ особенное, чисто личное сочувствіе къ своему герою. Личность Печорина насколько является плодомъ фантазіи поэта, настолько-же служитъ выраженіемъ личныхъ мнѣній, взглядовъ и чувствъ самого Лермонтова. Вѣдь поэтъ былъ вполнѣ человѣкъ своего вѣка; герой своего времени.

Въ лицѣ Печорина Лермонтовъ самъ видѣлъ героя своего времени, хотя ясно сознаетъ всѣ его недостатки; вездѣ старается доставить ему торжество надъ окружающими, видимо увлекается его скептическимъ равнодушіемъ и роковой, всеразрушающей силой.

Говоря о Печоринѣ, мы должны помнить, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ нервнымъ и капризнымъ, а поэтому заранѣе должны отказаться отъ мысли найти строгую послѣдовательность въ его рѣчахъ и поступкахъ. Человѣку простому, каковъ, напримѣръ, Максимъ Максимовичъ, такая натура должна показаться загадочной, а другому человѣку все поведеніе Печорина можетъ показаться фальшивой позой и умышленнымъ кривляніемъ. Но это будетъ неправда, неискренняго проявленія, неиспытаннаго чувства въ Печоринѣ нѣтъ. Онъ обладаетъ только способностью совмѣщать въ себѣ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ чувствъ, изъ которыхъ каждое глубоко захватываетъ его душу, а не скользитъ только по ея поверхности.

Внѣшній видъ Печорина и его поведеніе вполнѣ соотвѣтствовали его странной натурѣ: „стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное пе-

реносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, не побѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными... Его походка былн небрежна и лѣнива, но онъ не размахивалъ руками — вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера... Съ перваго взгляда на лицо его, — говоритъ авторъ,— я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные... Его глаза не смѣялись, когда онъ смѣялся. Это признакъ или злого нрава или глубокой, постоянной грусти. Изъ за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали,— ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ бы показаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно спокоенъ".

Внѣшность Печорина сама говоритъ за себя: она полна странныхъ сочетаній и демоническихъ красокъ. Поступки героя также полны капризовъ и неожиданностей; „Въ дождикъ и холодъ онъ бывалъ цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставень стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ, а ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь отъ смѣху."

Надо замѣтить, что работая надъ обрисовкой одного любимаго типа, Лермонтовъ какъ будто избѣгалъ во всѣхъ характеристикахъ своихъ героевъ точной и связной психологической мотивировки, которая позволяла бы читателю прослѣдить развитіе даннаго типа отъ рожденія и до того момента, когда онъ является въ произведеніи дѣйствующимъ лицомъ. Поэтому, не смотря на силу, съ какой очерчены нравственныя стороны героевъ, въ нихъ все таки остается много недосказаннаго, туманнаго, загадочнаго, темнаго. Этотъ недостатокъ происходитъ

отъ невѣдѣнія, въ какомъ онъ оставляетъ читателя относительно прошлаго своихъ героевъ; вездѣ недомолвки. И Печорина Лермонтовъ, по обыкновенію, выводитъ совершенно уже готовымъ, съ выработаннымъ характеромъ.

Самый богатый матеріалъ для сужденія о личности Печорина даетъ его дневникъ, въ которомъ онъ съ полною откровенностью заносилъ свои думы, чувства и впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, даже изъ этого источника мы мало узнаемъ о прошломъ Печорина, о томъ, какъ вырабатывался его характеръ. Главная черта характера Печорина, черта отъ которой зависятъ всѣ другія особенности его характера, заключается въ непропорціональномъ развитіи его душевныхъ способностей, именно, въ преобладаніи въ немъ ума и воли, при слабомъ развитіи чувства. И вотъ, вслѣдствіе нарушенія душевнаго равновѣсія, въ Печоринѣ является внутренній разладъ, раздвоеніе, отъ котораго онъ подчасъ сильно страдаетъ. Самъ онъ разсказываетъ доктору Вернеру слѣдующее: „Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно уже живу не чувствомъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слово, другой мыслитъ и судитъ его.“ Ту-же самую мысль онъ подтверждаетъ въ своей лукавой исповѣди княжнѣ Мэри: „Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собою и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли... Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго.“ Вотъ это неравномѣрное развитіе душевныхъ силъ, которое сдѣлало Печорина, по его собственному выраженію „нравственнымъ калѣкой“, становится для него источникомъ тяжелыхъ страданій. Работа ума не вноситъ въ душу Печорина умиротворенія, такъ какъ умъ его по преимуществу скептическій, склонный подмѣчать въ дѣйствительности одни отрицательныя явленія и потому относящійся къ ней съ полнымъ отрицаніемъ. Слѣдствіемъ такого отношенія является глубокая разочарованность Печорина, мрачный взглядъ

на жизнь и на людей, отсутствіе вѣры въ добро и въ лучшіе человѣческіе идеалы. Будучи-же скептикомъ по существу, умъ Печорина вмѣстѣ съ тѣмъ отличается аналитическимъ складомъ, склонностью анализировать, разбирать и разлагать всякое жизненное явленіе и всякое полученное впечатлѣніе. Печоринъ слѣдитъ постоянно за собою, наблюдаетъ за всякимъ своимъ чувствомъ, роется въ своей душѣ и, находя въ ней много дурного и темнаго, доходитъ до того, что, по собственному признанію, иногда презираетъ самого себя. „Не оттого-ли я презиралъ и другихъ“?— спрашиваетъ онъ себя и съ горечью сознается, что онъ сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ изъ боязни показаться самому себѣ смѣшнымъ. Печоринъ живетъ со взоромъ, вѣчно обращеннымъ внутрь, въ глубину своей души; это лишаетъ его возможности болѣе просто и непосредственно отнестись къ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ до болѣзненности обостряетъ всякое впечатлѣніе. Печоринъ отлично сознаетъ отсутствіе непосредственности въ своей натурѣ и видитъ въ этомъ преобладаніе рефлексіи и анализа надъ живымъ чувствомъ, главный источникъ своихъ нравственныхъ страданій и разлада. Вотъ почему случайная встрѣча съ людьми противоположнаго склада характера, живущими жизнью близкой къ природѣ, руководящимися чувствами простыми, но сильными, въ вѣчной борьбѣ съ опасностями всякого рода, подобно контрабандистамъ въ „Тамани“, такъ поразила Печорина, что онъ даже внесъ въ свои записки разсказъ о пережитомъ имъ приключеніи. То же самое тяготеніе къ натурамъ простымъ, первобытнымъ и непосредственнымъ сказывается и въ увлеченіи Печорина черкеской Бэлой. Но, конечно, дикая и нехитрая натура этой женщины не могла на долго занять умъ и чувства нашего героя. Онъ самъ въ этомъ признавался: „Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ—говоритъ онъ —когда въ первый разъ, держа ее на калѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, думалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбой... Я опять ошибся; любовь дикарки немного лучше любви знатной барыни. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдалъ бы жизнь, только мнѣ съ ней скучно.“

На ряду съ умомъ въ характерѣ Печорина сильно развитъ элементъ воли. Печоринъ — человѣкъ сильный, энергичный. Онъ не умѣетъ или не хочетъ найти для своей энергіи достойнаго примѣненія, не можетъ найти себѣ дѣла, соотвѣтствующаго силамъ. Избытокъ силъ, не находящій себѣ примѣненія, тяготитъ Печорина и онъ инстинктивно ищетъ возможности проявить ее: такъ напр., онъ охотно вступаетъ въ борьбу съ окружающими и даже нарочно создаетъ себѣ враговъ, потому, что борьба съ ними даетъ ему по крайней мѣрѣ нѣкоторую иллюзію дѣятельности. Вотъ поэтому-то онъ замѣчаетъ, что любитъ своихъ враговъ, хотя и не христіанскою любовью: борьба съ ними занимаетъ его, спасаетъ его хоть на время отъ томительной скуки бездѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Печоринъ не замѣчаетъ однако, что часто силы свои расходуетъ попустому, тратитъ ихъ по мелочамъ: онъ презираетъ Грушницкаго, насквозь видитъ его внутреннюю пустоту и ничтожность, насмѣхается надъ нимъ, но въ то-же время не считаетъ для себя унизительнымъ вступить съ нимъ въ борьбу, какъ съ равнымъ, и даже ведетъ противъ него интригу. Съ другой стороны, избытокъ воли сказывается въ стремленіи Печорина подчинить себѣ окружающихъ, заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ, исполнять всѣ свои желанія и прихоти.

Это особенно ясно видно изъ его отношеній къ женщинамъ; онъ не любитъ княжны Мери, но добивается съ ея стороны признанія, потому что его тѣшитъ мысль сломить гордость молодой дѣвушки и подчинить ее своей волѣ. Онъ пишетъ по этому поводу: „А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся душой!

Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти, честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права,—не самая ли это сладкая пища

нашей гордости?“ Дѣйствительно, служа на Кавказѣ, онъ легко могъ-бы найти все, чего жаждетъ его душа,— и сильныя впечатлѣнія и примѣненіе всѣхъ своихъ способностей, и „славу“, и даже „власть“. Несомнѣнно, что къ служебнымъ отличіямъ, къ чинамъ и орденамъ онъ вполнѣ равнодушенъ, и что вообще онъ не въ состояніи найти себѣ подходящей дѣятельности на какомъ бы то ни было официальномъ поприщѣ, ни на Кавказѣ, ни въ Петербургѣ. Вѣдь, онъ жилъ въ эпоху, когда общественной дѣятельности въ собственномъ смыслѣ не существовало, а была только „служба“ и когда уже явились люди, для службы непригодные, но за то имѣвшіе извѣстные задатки для общественной дѣятельности. И въ этомъ и интересъ, и трагизмъ этого типа. За отсутствіемъ подходящаго поприща, за неупражненіемъ, эти задатки не развивались, а атрофировались и извращались. При этомъ необходимо отмѣтить, что непригодность Печорина къ „службѣ“, къ карьерѣ вовсе не означаетъ, чтобы у него были какія-либо высшія стремленія или идеалы, чтобы онъ критически и отрицательно относился къ дѣйствительности, къ данному порядку вещей. Вмѣсто критики, у него есть только презрѣніе къ людямъ. Ко всякимъ идеямъ и идеаламъ онъ, повидимому, такъ-же равнодушенъ, какъ и къ службѣ или карьерѣ. Вообще Печоринъ — натура холодная, сдержанная. Онъ не способенъ ни къ какому увлеченію, ни къ какой привязанности, неспособенъ полюбить кого-бы то ни было, или что-бы то ни было истинной и глубокой любовью. Лермонтовъ не рисуетъ тѣхъ личныхъ и общественныхъ условій, благодаря которымъ онъ отлился въ такую, а не иную форму, принялъ именно такое направленіе. Только одно мѣсто въ личныхъ указаніяхъ героя нѣсколько освѣщаетъ тотъ путь, которымъ шелъ Печоринъ, хотя вовсе не объясняетъ источника того мрачнаго, безнадежнаго разочарованія и глубокаго отрицанія, представителемъ котораго онъ является. „Удовольствія, за которыми я бѣшенно гонялся, сознается онъ, равно опротивѣли мнѣ: любовь свѣтскихъ красавицъ раздражала только воображеніе и самолюбіе, а сердце оставалось пусто. Я сталъ учиться, читать,—науки тоже надоѣли: я видѣлъ, что самые счастливые люди невѣжды. Кавказъ сначала развлекалъ меня, но скоро я почувствовалъ скуку и подъ чеченскими пулями.“

Причину своихъ недостатковъ Печоринъ такъ объясняетъ въ разговорѣ съ княжной Мери: „Съ самого дѣтства всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло — никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже ихъ: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ — и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собою и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуются даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, — не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезною и добродушною улыбкой.

Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда — какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины". Отсюда—чувство духовнаго одиночества, тяготящее его, несмотря на сознаніе своего превосходства надъ окружающими. Поэтому, подобно Демону, Печоринъ томится жаждою любви; онъ ищетъ въ другихъ того, чего недостаетъ ему самому, т. е. глубокаго и непосредственнаго чувства. Печорину даже кажется, что если бы всѣ его любили, то онъ самъ „нашелъ бы въ себѣ безконечные источники любви"; но на самомъ дѣлѣ такая мысль основана на самообманѣ, потому, что любовь, дружбу онъ понимаетъ только въ порабощеніи чужой личности своей волѣ, онъ ищетъ въ нихъ эгоистическаго наслажденія, ничѣмъ не жертвуя со своей стороны и ревниво охраняя свою полную свободу. Посмотримъ, напримѣръ, что такое дружба въ глазахъ Печорина? На этотъ вопросъ онъ даетъ отвѣтъ очень

ясный: „Я къ дружбѣ неспособенъ, говоритъ онъ: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать, да притомъ у меня есть лакеи и деньги". Едва-ли найдется, другое болѣе циничное опредѣленіе дружбы! Оттого его любовь, дружба приносятъ гибель или заставляютъ страдать тѣхъ, на кого онѣ обращены. Безнадежный эгоизмъ, сердечный холодъ видны въ его отношеніяхъ къ Бэлѣ, къ княжнѣ Мери, къ Максиму Максимовичу. Бэла ему понравилась,—и онъ счелъ себя въ правѣ похитить ее изъ отцовскаго дома. Его совершенно не интересуетъ вопросъ, любитъ ли она его, хочетъ ли быть у него? Онъ не раздумываетъ и о томъ, прочно ли его чувство, и какая будущность ожидаетъ Бэлу? Вскорѣ онъ къ ней охладѣлъ и, когда бѣдная красавица затосковала и Максимъ Максимовичъ сталъ упрекать его,—онъ отвѣтилъ доброму старику: „Глупецъ я, или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она". Даже мученическая смерть Бэлы не потрясла души Печорина. Еще явственнѣе виденъ эгоизмъ Печорина въ его отношеніяхъ къ княжнѣ Мери. Онъ сталъ ухаживать за нею не любя, отъ скуки, изъ пустого соперничества съ Грушницкимъ. Когда-же въ сердцѣ неопытной, молодой дѣвушки, которая приняла ухаживанія серіозно, пробудилось чувство любви, Печоринъ оттолкнулъ ее грубо и рѣзко. Когда, къ удивленію, онъ замѣтилъ въ своемъ сердцѣ любовь къ Мери, онъ подавляетъ зародившееся чувство, предпочитая быть холоднымъ демономъ, возмутившимъ миръ чужой души, нежели отдаться простому и хорошему человѣческому чувству. Грубый эгоизмъ просвѣчиваетъ и въ отношеніяхъ Печорина къ Максиму Максимовичу. Простодушный старикъ полюбилъ его всею душою, и самъ не свой отъ радости, когда послѣ долгой разлуки пришлось имъ встрѣтиться на постояломъ дворѣ во Владикавказѣ. Между тѣмъ Печоринъ холодно протягиваетъ ему руку, не хочетъ даже поговорить съ нимъ и сейчасъ же отправляется далѣе въ Персію. Однако можно предположить, что въ данномъ случаѣ холодность Печорина была неискренняя: онъ напустилъ ее на себя, чтобы порисо-

ваться. Такъ, когда Печоринъ замѣтилъ, что огорчилъ добраго старика, онъ не выдержалъ: „Ну полно, полно!... неужели я не тотъ-же“, сказалъ онъ Максиму Максимовичу и обнялъ его дружески: сквозь наружный холодъ проскользнуло еще не замершее чувство. Въ романѣ Печоринъ ча то рисуется своимъ разочарованіемъ. Это замѣтно въ его отношеніяхъ къ княжнѣ Мери. Равнодушіе его при смерти Бэлы и смѣхъ, которымъ онъ отвѣтилъ тогда на утѣшеніе Максима Максимовича,— тоже рисовка. Предсмертныя слова Бэлы „онъ слушалъ молча, опустивъ голову на руки, но только во все время Максимъ Максимовичъ не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать или владѣлъ собой, но только жальче его никогда никто не былъ“. Послѣ же смерти Бэлы „онъ былъ долго нездоровъ и исхудалъ бѣдняжка“. Когда же во Владикавказѣ старикъ напомнилъ ему о погибшей дѣвушкѣ, онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ же „принужденно зѣвнулъ“, желая показать Максиму Максимовичу, что ему и вспомнить то объ этомъ скучно. Любовь къ рисовкѣ доводитъ Печорина иногда до комической мелочности; онъ заботится о своей наружности, какъ женщина-кокетка. Даже передъ дуэлью, полный мыслью о смерти, онъ любуется въ зеркалѣ своей физіономіей, стараясь придать ей эффектное выраженіе. „Я посмотрѣлъ въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.“

Но самъ Печоринъ тяжело страдаетъ отъ своей неспособности къ живому, непосредственному чувству, отъ вѣчной рефлексіи, преслѣдующей его и раскрывающей передъ нимъ изнанку жизни. Онъ отлично сознаетъ свои недостатки, хотя не дѣлаетъ ни одной попытки исправиться. Ни въ чемъ онъ не находитъ себѣ удовлетворенія и чувствуетъ себя глубоко несчастнымъ. Печоринъ ясно видитъ, что жизнь его сложилась неудачно и что бѣда уже непоправима; онъ даже догадывается, что причина этой неудачи заключается въ немъ самомъ. Онъ тяготится безцѣльностью и безплодностью своего существованія. Искреннею грустью проникнуты его размышленія передъ дуэлью, когда онъ, передъ лицомъ угрожающей смерти, задается

вопросомъ о цѣли и смыслѣ своей жизни: „Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ: изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій свѣтъ жизни... Моя любовь никому не принесла счастья, потому, что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія — и никогда не могъ насытиться... И, можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ. Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то, и другое будетъ ложно...“ Мучаясь и страдая отъ своихъ собственныхъ недостатковъ, ужъ по одному этому Печоринъ выше свѣтскаго дэнди Онѣгина. Вообще, Печоринъ рѣзко отличается отъ Онѣгина, въ которомъ результатъ „бездѣйствія досуга“ — скука переходила въ апатію, въ лѣнь, скрываясь, такъ сказать, внутри, а не вырывалась, какъ въ Печоринѣ, наружу все разрушающимъ потокомъ, который силенъ своею роковою, отрицательною силою. У Онѣгина не было томительной, безотвязчивой вдумчивости въ значеніе жизни, сознанія „силъ необъятныхъ“. Не находя пищи для „жадной“ души и въ самыхъ тревогахъ жизни не видя даже возможности удовлетворить умъ и сердце, Печоринъ впадаетъ въ отчаяніе при горькомъ сознаніи, что „мы не способны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность“.

Печоринъ обрисованъ Лермонтовымъ весьма ярко и чрезвычайно заманчиво, вслѣдствіе чего этотъ герой и служилъ для современной молодежи идеаломъ, кумиромъ. Блестящій умъ и сильная воля покоряли воображеніе; его печаль и раздумье трогали читателей; внутренняя же пустота и безпомощность этого одного

изъ „лишнихъ людей“ передъ вопросами жизни были искусно замаскированы и прикрыты блестящей, привлекательной внѣшностью. Въ исторіи русскаго общества и литературы Печоринъ стоитъ во главѣ того длиннаго ряда умниковъ-говоруновъ, которые „по свѣту рыщутъ, великаго дѣла ищутъ“.

Грушницкій.

„Грушницкій — юнкеръ. Онъ только годъ въ службѣ; носитъ, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правой опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно; онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія.

Производитъ эффектъ—ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами; иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая на самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи. Онъ довольно остеръ: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль—сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо не созданное для міра, обреченное какимъ то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ

махаетъ шапкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!..“

Въ лицѣ Грушницкаго Лермонтовъ вывелъ смѣшную сентиментальность и напускное разочарованіе. По своей натурѣ онъ не чуждъ доброты, но, что называется, человѣкъ безъ всякого характера, прямая противоположность тѣмъ сильнымъ типамъ, къ разряду которыхъ принадлежитъ Печоринъ. Этотъ молодой человѣкъ забавенъ своими фразами и эффектами, которые для него, кажется, выше всего на свѣтѣ. Внѣшній блескъ для Грушницкаго дороже всего. Такъ, когда докторъ Вернеръ иронически замѣтилъ, что армейскій пѣхотный мундиръ не придаетъ ему ничего интереснаго, Грушницкій, на ухо Печорину, съ какимъ-то восторгомъ восклицаетъ: „О эполеты! эполеты! ваши звѣздочки—путеводительныя звѣздочки. Нѣтъ, я теперь совершенно счастливъ“. Очень забавно выходитъ, когда этотъ маленькій герой въ сѣрой солдатской шинели старается привлечь къ себѣ вниманіе княжны Мери изысканными фразами. Онъ озлобленъ противъ свѣтскаго общества надо думать, потому, что его, Грушницкаго, тамъ не принимаютъ. Когда же ему удается попасть въ гостиную Лиговскихъ, онъ приходитъ въ восторгъ отъ самого мелочнаго вниманія со стороны княжны Мери; онъ любитъ хвастаться, что глубоко презираетъ людей, но употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы обратить вниманіе на себя. Однимъ словомъ мелочное самолюбіе является источникомъ всѣхъ дѣйствій Грушницкаго; благодаря этому самолюбію онъ убѣдилъ себя, что глубоко любитъ княжну Мери и даже пользуется ея взаимностью, на самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго и не было. Отсутствіе правильнаго образованія не дало возможности развиться „добрымъ свойствамъ“ его души. Осмѣянный и униженный Печоринымъ, онъ является злобнымъ, мстительнымъ, составляетъ заговоръ; но все это происходитъ отъ дурного вліянія на него драгунскаго капитана съ его пьяной компаніей и вслѣдствіе его собственной безхарактерности, умственной неразвитости и мелочнаго самолюбія, а вовсе не отъ испорченности сердца, такъ какъ по природѣ своей онъ мягокъ, довѣрчивъ и правдивъ. Когда во время дуэли Грушницкому былъ поставленъ вопросъ о продѣлкѣ съ заряженіемъ пистолетовъ, онъ стоялъ, опустивъ

голову на грудь, смущенный и мрачный. „Оставь ихъ!—сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ изъ рукъ доктора. Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.“

Все его несчастіе заключается въ томъ, что онъ живетъ чужимъ умомъ, подражаніемъ, старается приладить къ себѣ маску разочарованія, любитъ драпироваться въ трагическую мантію.

Княжна Мери.

Легкая и изящная княжна Мери, съ ея стройнымъ станомъ и бархатными глазками, которые, по выраженію Печорина, такъ мягки, какъ будто они тебя гладятъ, принадлежитъ къ типу одной изъ тѣхъ барышенъ, которая получила блестящее, но поверхностное воспитаніе. По замѣчанію доктора Вернера, она читала Байрона въ оригиналѣ и знаетъ алгебру. Душа Мери полна доброты: она способна чувствовать состраданіе къ людскому несчастію, но такъ какъ старается держаться великосвѣтскаго тона, то пугается, когда подъ вліяніемъ добраго движенія сердца, ей случается нарушить то, что называется въ ея кружкѣ приличіемъ. Такъ, поднявъ изъ состраданія стаканъ, оброненный Грушницкимъ, она ужасно краснѣетъ, оглядывается на галлерею и успокаивается только тогда, когда убѣждается, что маменька не видѣла. Но добрыя наклонности Мери проявляются только въ исключительные моменты; передъ людьми же, въ обществѣ эти наклонности совершенно заглушаются и вмѣсто доброй и сострадательной дѣвушки является великосвѣтская барышня, для которой на первомъ планѣ стоитъ кокетство и строгое соблюденіе свѣтскихъ обычаевъ и приличій. По словамъ Галахова, „она чуждается добрыхъ наклонностей природы изъ опасенія нарушить принятые въ свѣтѣ обычаи, предпочитаетъ непростое простому, сентиментальное истинной чувствительности; никогда не давая прямого выраженія своимъ чувствамъ она старается маскировать одно другимъ. Грушницкій представляется ей героемъ потому только, что носитъ солдатскую шинель; она смотритъ съ презрѣніемъ на молодыхъ людей, хотя и любитъ разсуждать о страстяхъ и чувствахъ; пустилась въ ученость вовсе не изъ внутренней потребности или изъ уваженія къ наукѣ, а единственно по тщеславію или по уставу моды“. Мери не знаетъ жизни, не понимаетъ людей:

она увлекается Печоринымъ и совершенно не понимаетъ, что Печоринъ не питаетъ къ ней никакого серьезнаго чувства, а напротивъ смотритъ на нее, какъ на забаву или игрушку. Тщательно изучивъ женское сердце, хорошо зная, что въ немъ самая ненависть ближе къ любви, чѣмъ равнодушіе, Печоринъ старается дѣлать мелкія непріятности княжнѣ, безцеремонно лорнируетъ ее и отвлекаетъ отъ нея кавалеровъ во время прогулки, покупаетъ коверъ, который она хотѣла купить и т. п. Онъ въ короткое время достигаетъ своей цѣли: княжна считаетъ его дерзкимъ и при встрѣчѣ даритъ его взглядомъ, который выражаетъ досаду, стараясь выразить равнодушіе. „Въ продолженіе двухъ дней,—пишетъ Печоринъ въ своемъ дневникѣ—дѣла мои ужасно подвинулись: княжна меня ненавидитъ". Молва между тѣмъ, помогаетъ Печорину.

Носятся слухи, что онъ сосланъ на Кавказъ за какую-то исторію; сама княгиня разсказываетъ дочери эту исторію и сильно заинтересовываетъ ее личностью Печорина. Послѣдній знакомится съ Мери на балу. Счастливый случай помогаетъ ему оказать ей существенную услугу, защитивъ ее отъ дерзостей полупьянаго господина. Въ разговорѣ онъ мимоходомъ даетъ княжнѣ вскользь почувствовать, что она ему нравится и такимъ образомъ заронилъ искру въ ея сердцѣ. Во время одной прогулки Печоринъ, въ припадкѣ откровенности, разсказалъ ей исторію своей нравственной испорченности. Душа Мери сжалась тяжелымъ чувствомъ, волненіе душевное перешло черезъ край и отразилось у ней на лицѣ. „Въ эту минуту,— отмѣчаетъ Печоринъ въ своемъ дневникѣ, — я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы, рука дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе — чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило когти въ ея неопытное сердце". Благородная по натурѣ княжна не могла допустить мысли, чтобы Печоринъ игралъ ея чувствомъ. Видя, что онъ колебается сдѣлать рѣшительный шагъ, и объясняя по своему его нерѣшительность, она дѣлаетъ усилье надъ собою, побѣждаетъ свою стыдливость, и сама первая говоритъ ему слово „люблю". Когда же Печоринъ, насытивъ этимъ признаніемъ свое самолюбіе, со свойственнымъ ему цинизмомъ откровенно объявляетъ княжнѣ, что онъ никогда не любилъ ея, она униженная и оскор-

бленная, замыкается въ чувство вообще человѣческаго и въ частности женскаго достоинства и, оставшись наединѣ съ собой, по ночамъ оплакиваетъ свое горе. Ея положеніе въ эту минуту обрисовано съ такой поэтическою и трогательной правдой, что читатель невольно чувствуетъ участіе къ дѣвушкѣ „невинной, какъ голубь“, обманутой и оскорбленной въ лучшихъ своихъ чувствахъ и надеждахъ.

Княжна Мери представляетъ собой въ ряду женскихъ личностей, созданныхъ Лермонтовымъ, типъ обработанный наиболѣе тщательно и полно. Образъ ея такъ полонъ жизни и художественной правды, что, кажется, будто гдѣ-то встрѣчалъ ее или надѣешься встрѣтить. Ухаживаніе за ней Грушницкаго и Печорина—это рядъ необычайно тонкихъ психологическихъ штриховъ, которымъ нельзя вдоволь надивиться.

Максимъ Максимовичъ.

Максимъ Максимовичъ—это цѣльный характеръ кореннаго русскаго добряка, въ котораго не проникло западное образованіе. Этотъ старый младенецъ, при всей практичности и опытности боевого кавказскаго служаки, вполнѣ сохранившій природное добродушіе и мягкосердечіе, представляетъ собою очень привлекательную личность, полно, вѣрно и рельефно очерченный типъ честнаго, исполнительнаго кавказскаго офицера. Подъ внѣшнею грубостью и простотою въ немъ скрыта кроткая и любящая душа, золотое сердце. Максимъ Максимовичъ уже не молодой, но добрый офицеръ, который тянетъ свою лямку на Кавказѣ среди грубыхъ солдатъ и полудикихъ горцевъ. Служа долго въ одномъ мѣстѣ, онъ чудно изучилъ природу страны и характеръ азіатовъ — туземцевъ: по легкимъ струйкамъ облаковъ, которыя стелились по бокамъ Гутъ-Горы, онъ угадываетъ скорое наступленіе мятели; зная хорошо обычаи и языкъ осетиновъ, онъ не позволяетъ имъ себя обмануть. У Максима Максимовича нѣтъ ни семьи, ни родныхъ; онъ весь преданъ службѣ и помимо ея не зналъ и не искалъ никакихъ развлеченій; всѣ лучшіе годы жизни онъ провелъ въ глухихъ кавказскихъ крѣпостяхъ, отъ обитателей которыхъ, по замѣчанію

автора, не услышишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слова „здравствуйте“, такъ какъ фельдфебель говоритъ „здравію желаю“. Умный и добрый, онъ не отличается, однако, глубиною пониманія, не способенъ на энергичное дѣло. Наивность и безсиліе воли ставятъ его иногда въ комическое положеніе. Когда то онъ былъ пристрастенъ къ вину, и чуть было не пострадалъ за это по службѣ; теперь онъ, чтобы предохранить себя отъ слабости, не надѣясь на свою волю, простодушно обманываетъ себя наивно построеннымъ разсужденіемъ — будто всѣ пороки происходятъ отъ вина, такъ что даже если англичане выдумали „глупую моду“ скучать, такъ и это потому, что они горькіе пьяницы. Нравственныя понятія у Максимъ Максимовича очень своеобразны. Такъ онъ ничего не находитъ возразить Печорину, когда послѣдній говоритъ ему, что похищая Бэлу, доставляетъ ей счастье; онъ называетъ проводниковъ бестіями и мошенниками за то только, что за деньги помогаютъ и услуживаютъ проѣзжающимъ, а не даромъ. Не смотря на угловатость, личность кавказскаго офицера очень симпатична. Правда, онъ не знаетъ страстей и огненныхъ увлеченій; но его спокойное, тихое чувство — неизмѣнно и вѣчно; всякое его душевное настроеніе выражается просто, безъ всякой рисовки. Привязался онъ къ Бэлѣ, какъ къ дочкѣ и свято чтитъ ея память и любитъ ее, хотя она умерла, какъ живую, и до конца жизни своей не изгонитъ изъ сердца своего мысли о ней. А между тѣмъ ему больно и досадно было, что передъ смертью Бэла ни разу не вспомнила о немъ: „Еще, признаться,—говоритъ онъ—меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ: а кажется я ее любилъ, какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!.. И вправду молвить: чтожъ я такое, чтобы обо мнѣ вспомнить передъ смертью?“ Въ словахъ Максима Максимовича слышится какъ бы упрекъ, являющійся подъ вліяніемъ свойственнаго человѣческой природѣ эгоизма; но этотъ укоръ въ немъ сейчасъ же смягчается сознаніемъ несправедливости самого требованія. Разъ Максимъ Максимовичъ къ кому-нибудь привязанъ, полюбилъ, то горе близкаго ему человѣка онъ принимаетъ горячо къ сердцу и эта черта особенно ясно обрисована въ романѣ, когда описывается кончина Бэлы. Опечаленный смертью несчастной дѣвушки,

Максимъ Максимовичъ справедливо и искренно негодуетъ на равнодушіе и внѣшнюю безсердечность Печорина: „Я знаете,— говоритъ онъ—больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить, онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха“. Свое теплое чувство къ умершей Максимъ Максимовичъ не скрываетъ, а внѣшними признаками какъ бы выражаетъ участіе къ ней. Онъ обиваетъ гробъ кускомъ терламы и украшаетъ его черкесскими серебряными галунами, которые накупилъ для Бэлы Печоринъ еще при ея жизни. Доброе сердце Максима Максимовича и его дѣтская простота прекрасно обрисовались во второй встрѣчѣ съ Печоринымъ во Владикавказѣ, послѣ долгой разлуки. Онъ искренно обрадовался, когда узналъ о пріѣздѣ Печорина, началъ разспрашивать о немъ его лакея и съ торжествующимъ видомъ заявилъ, что старый пріятель къ нему прибѣжитъ. Но тщетны были ожиданія наивнаго и простодушнаго Максима Максимовича; онъ ошибся. Печоринъ болѣе, чѣмъ равнодушно отнесся къ встрѣчѣ съ нимъ. „Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ огорченъ и разстроенъ, хотя старался скрыть это. Забыть! проворчалъ онъ, я то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться“... Максимъ Максимовичъ, повторяемъ, цѣльный характеръ, который при мнимой наружной холодности воина, наглядѣвшагося на опасности, сохранилъ весь пылъ, всю жизнь души. Онъ любитъ природу, внутренно ею не восхищаясь, любитъ музыку пули, потому, что сердце его бьется при этомъ сильнѣе.... Какъ онъ ходитъ за бѣдной Бэлой, какъ утѣшаетъ ее! Съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ стараго знакомца Печорина, услышавъ о его возвратѣ! Какъ грустно ему, что Бэла при смерти не вспоминала о немъ! Какъ тяжко его сердцу, когда Печоринъ равнодушно протянулъ ему холодную руку? Свѣжая, непочатая натура! Чистая дѣтская душа въ старомъ воинѣ! Вотъ типъ того характера, въ которомъ отзывается наша древняя Русь! И какъ онъ высокъ своимъ христіанскимъ смиреніемъ, когда отрицая всѣ свои чувства, говоритъ: „Что же я такое, чтобы обо мнѣ вспоминать передъ смертью?“

Вѣра.

Вѣра представляетъ собой оригинальный типъ женщины, которую съ полнымъ правомъ можно назвать мученицей своего чувства. Любовь охватываетъ ея сердце съ такой роковой силой, что всѣ остальныя чувства являются у ней, какъ бы атрофированными. Она теряетъ нравственное равновѣсіе, теряетъ власть надъ собой, и сообразно этому надъ ней пріобрѣтаетъ почти деспотическую власть тотъ, кого она любитъ. Нельзя даже сказать, чтобы это была женщина исключительно чувственная. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, любовь даетъ ей очень много горя и совѣсти. Вѣра появляется въ романѣ въ тотъ моментъ, когда потеряла перваго мужа, вышла замужъ за второго, старика, и пріѣхала съ нимъ и съ малолѣтнимъ сыномъ отъ перваго брака на Кавказъ, на воды. Тутъ-то и происходитъ ея встрѣча съ Печориномъ. Съ первыхъ же минутъ встрѣчи онъ доводитъ ее до слезъ своими язвительными намеками, потомъ снова увлекаетъ ее и, увѣряя ее въ любви, въ то же время волочится за княжной Мери и заставляетъ Вѣру страстно ревновать его къ ней. „Ты знаешь, — говоритъ она Печорину, — что я твоя раба, что я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за то наказана: ты меня разлюбишь.“ Самъ Печоринъ, — этотъ тонкій знатокъ женскаго сердца, умѣющій играть на немъ, какъ на послушномъ инструментѣ, не можетъ додуматься до источника этой необъяснимой привязанности. „За что она меня такъ любитъ — право не знаю, тѣмъ болѣе, что это единственная женщина, которая поняла меня совершенно, со всѣми моими слабостями и дурными страстями? Неужели это такъ привлекательно?“ Разставаясь съ Печориномъ навсегда, Вѣра въ своемъ послѣднемъ письмѣ сама старается разъяснить намъ тайну своей странной привязанности къ Печорину; ея объясненія доказываютъ, что идеальный и романическій элементъ играетъ гораздо болѣе важную роль въ ея любви, чѣмъ страсть: „Мы разстаемся навѣки; однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя, не можетъ смотрѣть безъ

нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, что ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, чтобы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая. Никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; но ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно, ничей, ничей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.“

Хотя Вѣра принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, у которыхъ чувство сильнѣе долга и собственнаго достоинства, но ее нельзя назвать типомъ отрицательнымъ. У ней есть то, что составляетъ основу всякой истинной женственности,— способность любить, жертвовать собой и прощать. Поставленная въ другія условія, эта женщина, при ея готовности жертвовать, приносить себя въ жертву, могла бы принести счастье любимому человѣку.

Бэла.

Бэла — это первобытная, непосредственная натура, дикій и благоуханный цвѣтокъ, выросшій въ разсѣлинахъ кавказскихъ скалъ. Съ замѣчательнымъ чутьемъ Лермонтовъ распорядился такъ, что всю прелесть характера красавицы, черкесской княжны, раскрываетъ читателю не кто иной, какъ Максимъ Максимовичъ. Правда, рѣчь его не отличается особенной отдѣлкой по формѣ, но зато въ ней столько сердечной теплоты и благороднаго чувства. По своей натурѣ, по внутреннимъ качествамъ, онъ самъ похожъ на Бэлу и не удивительно, что онъ въ простодушной рѣчи вполнѣ рельефно и правдиво рисуетъ личность этой красавицы, этого дитяти кавказской природы. Она красива и Максимъ Максимовичъ такъ описываетъ ея внѣшность: „и точно—она была хороша—высокая, глаза черные какъ у горной серны, такъ и заглядывали вамъ въ душу.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ описываетъ эти глаза еще съ большимъ восторгомъ: „что за глаза! они такъ и сверкали, будто два

угля". Понятія этой дѣвушки, родившейся среди дикой семьи, были, понятно, очень ограничены. Но въ ней яркимъ факеломъ блистала красота нравственная. Чувство любви въ ней неподкупно, развивается просто, естественно, и, развившись однажды, становится неизлѣчимою раною сердца. Желая завладѣть ея сердцемъ, Печоринъ надѣялся побѣдить ея холодность разнообразными персидскими матеріалами и прочими подарками, но ошибся въ расчетѣ. „Вы черкешенокъ не знаете, возразилъ Максимъ Максимовичъ,—это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки, — совсѣмъ не то. У нихъ свои правила. Они иначе воспитаны."

Дѣйствительно, Бэла просто полюбила того человѣка, который, хотя и похитилъ ее изъ дому родительскаго, но сдѣлалъ это по страсти къ ней, который кажется ей отчаяннымъ и готовымъ изъ-за любви къ ней на все... Любовь Бэлы — по словамъ Бѣлинскаго — была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его". Несмотря на свою внѣшнюю простоту, Бэла своимъ нѣжнымъ сердцемъ понимаетъ охлажденіе Печорина и тоскуетъ. Но яснѣе всего, привлекательнѣе рисуется Бэла въ томъ мѣстѣ романа, гдѣ Максимъ Максимовичъ разсказываетъ о ея предсмертныхъ мукахъ, ея послѣднихъ думахъ и чувствахъ: „Нѣтъ она хорошо сдѣлала, что умерла! ну что бы съ нею сталось, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это случилось бы рано или поздно!" Бэла своею ужасною смертью, какъ бы искупила легкомысліе свое и забвеніе умершаго отца.

Дѣвушка-контрабандистка.

Такой же цѣльный, энергичный характеръ Лермонтовъ изображаетъ и въ образѣ дѣвушки-контрабандистки. Внѣшность ея рисуется такъ: „Она была далеко не красавица; въ ней было много породы. Моей пѣвуньѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы,

какой-то золотистый оттѣнокъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ — все это было для меня обворожительно". Она очень энергична, отважна, смѣла, бойка. Качества эти она легко обнаруживаетъ во всѣхъ рѣшительныхъ предпріятіяхъ. Въ ней сказывается вся сила характера цѣльнаго, энергичнаго. Она отлично подмѣтила слабую сторону Печорина и показала ему, до какой степени она рѣшительна и быстра, и какою непреклонною силою воли обладаетъ. Ея ночная борьба съ Печоринымъ въ лодкѣ составляетъ самое лучшее мѣсто повѣсти „Тамань".

Азаматъ и Казбичъ.

Нужно замѣтить, что выставляя сильныя, энергичныя и цѣльныя натуры, Лермонтовъ нисколько не заботился, подобно сентиментальнымъ романтикамъ, прикрашивать и облагораживать ихъ, а рисуетъ во всей естественной простотѣ и грубости, не преувеличивая ни дурныхъ, ни добрыхъ сторонъ ихъ характера. Таковы непосредственныя, сильныя натуры — Азаматъ и Казбичъ — люди вольные, какъ орлы, дикари, разбойники по рожденію, выросшіе въ природной простотѣ, съ широкою и буйною удалью, съ крѣпкою, могучею волею, способностью цѣликомъ проникнуться одною думою, „одною, но пламенною страстью", и вложить въ нее всю жизнь и страсть.

Азаматъ, сынъ мирнаго черкесскаго князя и братъ Бэлы, буйная отчаянная голова; онъ выросъ на свободѣ, безъ нравственныхъ правилъ, онъ воришка, готовый украсть у своего отца лучшаго козла, лошадь, ружье, даже свою родную сестру. Несмотря на свою раннюю молодость, онъ полонъ молодецкой силы и удали; его страстная натура жаждетъ дѣятельности и широкаго простора; онъ лихой наѣздникъ, безъ промаха стрѣляетъ въ цѣль и не задумывается съ дѣтскимъ кинжаломъ бросаться на обидчика, который гораздо его сильнѣе. Онъ весь охваченъ непобѣдимою страстью овладѣть чудною лошадью Казбича, чтобы съ нею добиться въ горахъ славы лихого наѣздника; Азаматъ плачетъ, блѣднѣетъ, сохнетъ и, преодолѣвая всевозможныя препятствія, воровствомъ добивается своей цѣли, не

размышляя о страшныхъ послѣдствіяхъ, какія вызоветъ за собою это воровство.

Казбичъ похожъ на Азамата, но это уже мужественный, бывалый и опытный удалецъ. Какъ истинный сынъ Кавказа, онъ и съ переименованіемъ въ мирнаго ни мало не потерпѣлъ своей удали и буйной воли; онъ по прежнему продолжаетъ ѣздить съ горскими удальцами отбивать русскіе табуны и нападать на мелкіе отряды, умѣя въ то же время чудно прятать слѣды своего участія въ такихъ грабежахъ. Лихой набѣгъ, грабежъ составляютъ для него и цѣль, и средства жизни, проявленія удалой отваги и молодечества. Онъ предусмотрителенъ и всегда готовъ дать отпоръ врагу, выйти съ честью изъ всякой опасности. Хотя Казбичъ бѣднякъ и бездомникъ, живетъ продажей награбленнаго добра, но онъ не станетъ запрашивать слишкомъ дорого или торговаться, чтобы выгадать немного денегъ. Все его богатство составляетъ чудный конь, слава о которомъ разнеслась по всей Кабардѣ. Обладателю коня завидуютъ всѣ наѣздники. Этотъ-то конь и есть единственнымъ предметомъ его страстной привязанности, гордости и безпредѣльной любви. Изъ разговора Казбича съ Азаматомъ, когда послѣдній предлагаетъ за Корагоза (имя коня) собственную свою сестру, видна общая всѣмъ черкесамъ любовь къ лошадямъ.

„Послушай,—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ — видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а какъ вышиваетъ золотомъ — чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь, дождись меня завтра ночью, тамъ въ ущельи, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ ней мимо въ сосѣдній аулъ — и она твоя. Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?“ Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ вполголоса затянулъ старинную пѣсню, которую авторъ и передаетъ въ поэтическомъ переводѣ:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.

Золото купитъ четыре жены,
Конь-же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

Но зато, какъ глубоко и мучительно онъ страдаетъ, когда Азаматъ укралъ его коня. Онъ рѣшаетъ отомстить Азамату. Перерѣзавъ цѣлое семейство похитителя, онъ жестоко и звѣрски расплачивается за свою обиду.

Казбичъ и Азаматъ описаны общими чертами, принадлежащими племени черкесовъ, въ которомъ единичное различіе характеровъ не можетъ еще дойти до такой степени, какъ въ кругу того общества, котораго коснулась цивилизація.

Художественная сторона романа.

Въ своемъ романѣ „Герой нашего времени“ Лермонтовъ далъ очень яркую картину современнаго ему русскаго общества и превосходно обрисовалъ быть кавказскихъ племенъ. Но, помимо всего этого, романъ богатъ отдѣльными описаніями, которыя поражаютъ своею вѣрностью и простотою. Обратимъ вниманіе хотя бы на описаніе туземной свободы: „Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошаденкѣ ломается, поясничаетъ, смѣшитъ честную компанію, потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старикашка бренчитъ на трехструнной... забылъ, какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину и начинаютъ говорить другъ другу стихи на распѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ“.

Внутренняя сторона разбираемаго романа замѣчательна изображеніемъ отдѣльныхъ лицъ, прекраснымъ описаніемъ какъ нравовъ горцевъ, такъ и русскаго общества, развитіемъ вну-

тренней драмы между дѣйствующими лицами. Не менѣе замѣчателенъ слогъ „Героя нашего времени“: повсюду онъ легокъ, граціозенъ, то ласкаетъ, то величавъ, то задумчивъ. Какую массу художественнаго чутья вкладываетъ Лермонтовъ, когда рисуетъ нравы горцевъ, ихъ праздники, обычаи, ихъ удальэнергію, рѣшительность и т. д. Еще лучше тѣ мѣста, въ которыхъ развертывается широкая панорама горной природы Кавказа и передаются живыя впечатлѣнія, которыя производитъ этотъ край на сильную душу. Возьмемъ хотя бы описаніе Кайшаурской долины: „Уже солнце начало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Кайшаурскую долину. Осетинъ — извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобы успѣть до ночи взобраться на Кайшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни.

Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя; красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промоинами: а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, своею чешуею“. Вспомнимъ еще превосходное описаніе перевала черезъ Гутъ - гору: „Между тѣмъ чай былъ выпитъ: давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ уже былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки раздраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы здѣсь чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно - лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя таинственныя пропасти и туманы, клубясь и извиваясь, какъ змѣи, сползли туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ

прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь. Съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колёса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и, наконецъ, пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову; но совсѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми, все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какою была нѣкогда и вѣрно будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случилось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись; на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, — то есть, я и штабсъ-капитанъ — совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величіе природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ, на словахъ и на бумагѣ.

Такую панораму, врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть; подъ нами лежала Кайшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть-бы двѣ скалы похожія одна на другую — и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ

блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки. Солнце чуть показалось изъ-за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозной тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особеное вниманіе. „Я говорилъ вамъ,—воскликнулъ онъ,—что нынче будетъ погода, надо торопиться, а то, пожалуй она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобы они не раскатывались; взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки. Я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извощиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой — осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, — а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣтилъ мнѣ: „И. баринъ! Богъ дастъ, не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые“. И онъ былъ правъ: мы, точно, могли бы не доѣхать, однакожъ все таки доѣхали“.

Живописно обрисованъ поэтомъ также Пятигорскъ съ его пятиглавымъ Бештау и съ мохнатымъ, какъ персидская шапка, Машукомъ; съ его водянымъ обществомъ, которое состояло изъ помѣщичьихъ семействъ и изъ военныхъ франтовъ, которые, опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, принимали академическія позы: „Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ

съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бештау синѣетъ, какъ послѣдняя туча разсѣянной бури"; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка и закрываетъ, всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двухглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы кажется больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество... Спускаясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно поднимающихся въ гору: то были большею частью семейства степныхъ помѣщиковъ: объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся водяная молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня смотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ; петербургскій покрой сюртюка ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро узнавъ армейскіе эполеты они съ негодованіемъ отвернулись. Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать, хозяйки водъ были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнетъ: онѣ менѣе обращаютъ вниманіе на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерной пуговицей пылкое сердце и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ, статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ — однако не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ: они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ коло-

дезъ кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы, статскіе носятъ свѣтло - голубые галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брижжи. Они исповѣдуютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ. Наконецъ, вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него построенъ домикъ съ красной кровлею надъ ванной, а подальше галлерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли, — блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходило взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были два—три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, по тому, что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I-ая.

	стр.
Біографическій очеркъ	5
,,Ангелъ" и ,,Парусъ", какъ выразители основныхъ мотивовъ поэзіи Лермонтова	21
,,Поэтъ" и ,,Пророкъ", какъ выразители поэтическихъ воззрѣній Лермонтова	23
Сатирическія стихотворенія	27
Мрачныя черты лирики Лермонтова	31
Умиротворяющіе мотивы лирики Лермонтова	38
Три пальмы	45
Сущность байронической поэзіи и вліяніе ея на творчество Лермонтова	47
Произведенія Лермонтова, пріуроченныя къ историческимъ моментамъ жизни Россіи	52
Поэмы.	
,,Измаилъ-Бей". (Содержаніе)	59
Характеристика Измаила-бея	67
Хаджи-Абрекъ	70
Характеристика Хаджи-Абрека	73
,,Демонъ". (Общія замѣчанія)	75
Содержаніе поэмы ,,Демонъ"	77
Идея и художественность поэмы	84
Мцыри	94
Бояринъ Орша. (Содержаніе поэмы)	103
Характеристики дѣйствующихъ лицъ:	
Арсеній	110
Бояринъ Орша	112
Художественная сторона поэмы	114
,,Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова". (Общія замѣчанія)	115
Краткое содержаніе поэмы	116

стр.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ:

Іоаннъ Грозный 119

Опричникъ Кирибѣевичъ 121

Степанъ Калашниковъ 123

Второстепенныя дѣйствующія лица 126

Историческая сторона поэмы 128

Художественная сторона „Пѣсни“ 130

Герой нашего времени. (Общія замѣчанія) 135

Краткое содержаніе романа 138

Характеристика дѣйствующихъ лицъ:

Печоринъ 140

Грушницкій 151

Княжна Мери 153

Максимъ Максимовичъ 155

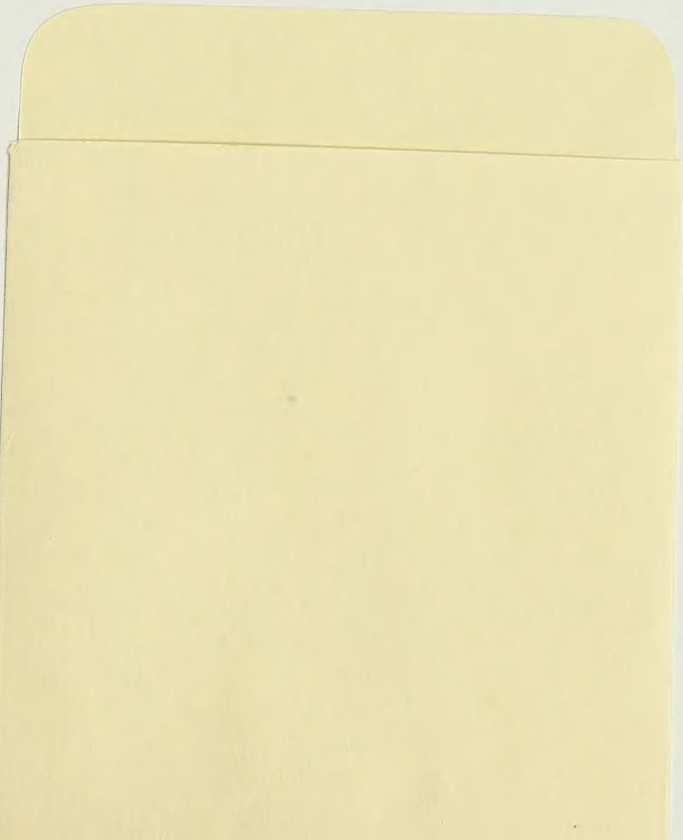
Вѣра 158

Бэла 159

Дѣвушка-контрабандистка 160

Азаматъ и Казбичъ 161

Художественная сторона романа 163



DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Mikhail IUrevich Lermontov.
891.71 L616ZMV
D90351531R